АС
20
Л 82

3/2 (47)

Л. И. ЛУБНЫ-ГЕРЦЫК

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

ЗА ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
55588/8
Инв №

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО"
МОСКВА ГОСПЛАН СССР 1926

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

От автора 5

I. Движение населения России до мировой войны 7

II. Мировая война и русская революция, как факторы движения населения 21

III. Изменение численности сельского населения на территории СССР за время войны и революции 31

IV. Изменение численности городского населения СССР за время войны и революции 65

V. Естественное движение населения России за время войны и революции 80

VI. Переселенческое движение в СССР во время войны и революции . 115

ОТ АВТОРА

В предлагаемой вниманию читателя работе я делаю попытку свести воедино статистические данные о движении населения на территории СССР в период величайших политических и социальных потрясений.

Учесть влияние на движение населения столь колоссальной силы факторов, как мировая война и социальная революция, представляет не только теоретический интерес.

Я не отрицаю, что количество и степень достоверности статистических данных по демографии в охваченный моим исследованием период оставляет желать многого. Он был слишком богат событиями, нарушавшими правильность статистического учета, чтобы можно было предъявлять строгие требования к статистическим рядам. Во многом пришлось итти ощупью.

Я буду, поэтому, чувствовать себя удовлетворенным, если мне удалось правильно отметить общие тенденции движения населения в СССР в период мировой войны и революции.

Мною были приложены все усилия к тому, чтобы по возможности полнее использовать опубликованные в СССР материалы. Должен отметить при этом, что в мою сводку вошли источники, появившиеся в печати до мая 1925 года, когда была закончена моя рукопись.

Считаю своим долгом с признательностью отметить поддержку, которую оказал мне проф. С. А. Фалькнер, стимулировавший мою работу над этой книгой и давший мне ценные критические указания.

Л. Лубны-Герцык

26/I-26 г.

I

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В отношении движения населения новейший исторический период, примерно с начала XIX столетия, занимает исключительное положение. Как естественное движение населения, так и эмиграционные процессы приобрели за это время исключительную интенсивность.

В 1800 году в европейских странах Франции, Италии, Великобритании, Австро-Венгрии, Германии, России и Северо-Американских Соед. Шт. насчитывалось приблизительно 153 миллиона населения. В 1900 году его было уже 398 миллионов.[1] По подсчетам А. Фиркса, Европа за один лишь период с 1821 по 1890 г. отдала другим частям света круглым счетом 17,7 миллионов своего населения.[2]

Россия как в отношении естественного движения населения, так и его эмиграции занимает наиболее выдающееся место среди европейских стран.

Вполне естественен, поэтому, интерес к тому, какие нарушения вызваны в этих процессах на территории СССР столь сильно действующими факторами, как мировая война, великая русская революция и изменение всего нашего социального строя.

Учитывать последнее еще рано; слишком мало времени прошло со времени великих событий.

Поэтому я буду считать свою цель достигнутой, если мне удастся проследить в общих чертах влияние на движение населения СССР тех факторов, какими являются мировая война и исторические события первых лет революции. Попутно будут указаны также признаки более глубоких сдвигов в демографических процессах, вызванных изменениями социального строя.

---

[1] Ср. К. Каутский. „Размножение и развитие в природе и обществе", перевод под ред. Д. Б. Рязанова, 1923 г., стр. 12.

[2] A. v. Fircks' „Bevölkerungslehre und Bevölkerungspolitik". Leipzig, 1898. S. 183.

Считаясь с тем, что статистические цифры „громко говорят" лишь при сопоставлении их с аналогичными цифрами, характеризующими объект исследования, поставленный в иные условия, я считаю необходимым предпослать основному содержанию моей работы настоящую главу о движении населения в России до мировой войны, приведя в ней попутно данные о соответствующих процессах, имевших место в других странах.

В последующих таблицах я пользуюсь данными ЦСК до 1910 года включительно, а для трех последних лет перед войной—цифрами, опубликованными в Статистическом Ежегоднике Центрального Статистического Управления за 1922—23 г.г.

Цифры эти рисуют нам своеобразную картину весьма сильного естественного прироста населения России на общем фоне исключительно высоких рождаемости и смертности. Коэффициенты рождаемости и смертности обнаруживают общую для Европы тенденцию к понижению уже с 80-х годов. Несмотря на это понижение, они все же остаются несравненно более высокими, чем в западно-европейских странах.

Брачность держится на высоком уровне, характерном для земледельческих стран, обнаруживая, впрочем, также тенденцию к понижению:

На 1.000 жителей приходилось в 50 губерниях Европейской России:

Периоды	Родившихся живыми	Умерших	Естествен. прирост населения	Браков
1871—1880	50,0	36,2	15,8	9,4
1881—1890	48,8	34,5	14,3	8,9
1891—1900	48,7	32,8	15,9	8,9
1901—1905	47,7	31,0	16,7	8,5
1906—1910	45,3	29,2	16,1	8,5
1911—1913	44,1	27,2	16,9	8,1

Привожу для сравнения соответствующие величины, характеризующие естественное движение в западно-европейских странах.

На 1.000 жителей приходилось рожденных живыми:[1]

[1] „Statistique international du mouvement de la population". Paris. 1907. Цитирую по кн. L. Brentano „Die Malthusische Lehre und die Bevölkerungsbewegung der letzten Dezennien". Abh. der histor. Klasse der K. Bayrischen Akademie der Wiss. Bd. XXIV. München. 1909, в приложении.

Страны	Годы								
	1861—65	1866—70	1871—75	1876—80	1881—85	1886—90	1891—95	1896—900	1901—05
Германия	36,8	37,5	38,9	39,2	37,0	36,5	36,3	36,0	34,8
Франция	26,7	25,9	25,5	25,3	24,7	23,1	22,4	22,0	21,3
Бельгия	31,8	32,2	32,6	32,0	30,9	29,1	29,1	29,0	27,7
Нидерланды	35,7	35,7	36,1	36,4	34,8	33,6	32,9	32,2	31,6
Англия и Уэльс	35,1	35,2	35,5	35,4	33,5	31,4	30,5	29,2	28,1
Ирландия	—	26,8	27,4	25,7	24,0	22,8	22,9	23,1	23,2
Дания	30,8	30,6	30,8	32,1	32,5	31,6	30,4	30,0	29,0
Швеция	33,2	29,7	30,7	30,3	29,4	28,8	27,4	26,9	—
Австрия	38,9	38,5	39,3	38,7	38,1	37,6	37,3	37,0	—
Италия	—	37,0	36,9	37,0	37,8	37,3	35,9	33,9	32,4

Отсюда мы видим, что, начиная с семидесятых годов, тенденция к понижению рождаемости в Западной Европе ясно выражена и представляет процесс, развивающийся почти без перебоев. Вместе с тем цифры рождаемости в большинстве западно-европейских стран неизмеримо ниже русских.

Цифры русской рождаемости—рекордные. До некоторой степени к ним приближается лишь рождаемость в южно-славянских странах и Венгрии, оставаясь все же значительно позади русской.

На 1.000 жителей приходилось рожденных живыми[1]

ПЕРИОДЫ	Болгария	Сербия	Венгрия
1886—1890	—	44,4	43,5
1891—1895	37,7	43,4	41,7
1896—1900	41,3	40,3	39,4
1901—1905	40,9	38,8	37,2

Весьма интересно проследить территориальное распределение рождаемости в России.

[1] По указанной работе L. Brentano, там же.

ГУБЕРНИИ	ПЕРИОДЫ			
	Родившихся живыми на 1.000 жителей			
	1911—1913	1906—1910	1901—1905	1867—1870
Курляндская	19,5	21,9	26,3	30,5
Лифляндская	24,4	23,4	27,0	33,4
Эстляндская	25,5	26,4	28,8	31,6
Ковенская	28,5	29,4	32,7	38,1
Виленская	32,0	32,2	35,8	46,1
С.-Петербургская	27,8	32,4	35,9	36,5
Гродненская	31,9	33,3	38,4	46,3
Витебская	35,2	35,9	38,1	47,1
Астраханская	39,7	38,9	37,7	58,6
Полтавская	38,8	39,4	41,8	50,0
Черниговская	39,9	39,8	44,7	51,9
Минская	38,6	39,9	43,9	47,5
Подольская	36,5	39,9	41,7	47,4
Новгородская	42,6	40,1	41,4	38,4
Могилевская	41,2	40,5	44,7	50,7
Волынская	37,8	40,9	43,8	48,3
Херсонская	42,9	41,0	43,7	53,8
Киевская	38,1	41,4	44,1	50,0
Ярославская	43,6	41,6	42,6	41,1
Псковская	43,7	42,4	44,2	47,9
Бессарабская	41,1	43,2	42,7	40,8
Архангельская	44,9	43,7	42,4	37,1
Московская	36,7	43,9	45,7	47,9
Тверская	43,8	44,1	49,4	45,6
Вологодская	45,1	45,1	44,6	45,8
Харьковская	45,8	45,3	47,8	47,9
Олонецкая	47,8	45,9	45,8	44,4
Казанская	45,7	46,1	48,0	45,7
Костромская	45,6	46,2	47,9	45,7
Курская	47,6	46,4	51,1	53,9
Таврическая	45,0	47,5	41,9	51,8
Владимирская	45,7	47,7	52,2	51,0
Донского войска обл.	47,4	47,9	53,2	51,5
Калужская	50,4	48,3	56,4	46,2
Тульская	49,2	48,4	53,9	53,9
Орловская	47,6	48,6	53,4	55,7
Рязанская	47,3	48,8	52,7	52,2
Смоленская	50,3	48,9	53,0	52,3
Нижегородская	46,9	50,3	53,1	51,6
Саратовская	49,0	50,6	54,7	49,7
Тамбовская	47,8	51,1	53,8	49,4
Вятская	50,1	52,6	53,4	53,7
Уфимская	48,7	53,3	52,3	50,5
Воронежская	51,7	53,3	57,7	51,4
Симбирская	49,3	53,6	51,4	51,2
Екатеринославская	51,7	54,3	54,3	51,9
Пензенская	50,7	55,3	55,6	54,1
Самарская	55,8	56,4	58,4	56,6
Пермская	54,9	56,7	55,4	56,5
Оренбургская	53,8	62,7	61,6	57,8
В среднем	43,8	45,3	47,7	48,8

В этой таблице губернии расположены в порядке повышающейся рождаемости в период 1906—1910 г.г. Из нее мы можем усмотреть общее понижение рождаемости в направлении с востока на запад, и притом весьма значительное (почти втрое), которое нужно связать с вытеснением общинной формы землевладения подворной, именно в западных и юго-западных украинских губерниях.

Сопоставление двух последних пятилетий обнаруживает почти повсеместное падение рождаемости. Впрочем следует заметить, что коэффициенты, приводимые ЦСК, несколько понижены и притом для пятилетия 1906—1910 г.г. сильнее, чем для 1901—1905 г.г.; произошло это вследствие преувеличения им численности наличного населения, о чем подробнее будет сказано в дальнейшем.

При сопоставлении коэффициентов для 1867—1870 г.г. с позднейшим поражает отмеченное ими сильное падение рождаемости в западной полосе России и почти не изменившаяся, а часто даже возросшая, рождаемость в центральной и восточной ее частях.

Не следует забывать, что многие восточные и южные губернии в семидесятых годах и до конца XIX столетия еще находились в стадии колонизации; земельное приволье отымало всякую почву для сознательного ограничения деторождения.

Поскольку рождаемость является до известной степени функцией брачности, мы можем ожидать, что коэффициенты последней расположатся в последовательности повышения рождаемости.

Однако, статистические цифры далеко не оправдывают наших предположений. Зависимость между брачностью и рождаемостью так слабо выражена, что при сопоставлении даже пятилетних средних по губерниям, мы наблюдаем целый ряд непоследовательностей. „Цифры скачут", как любят выражаться в таких случаях статистики. Даже при группировке губерний по пяти в порядке возрастающей рождаемости, мы не имеем полного параллелизма рядов. Именно в среднем на 1.000 населения за период 1906—1910 г.г. приходится браков:

I.	В Курляндской, Лифляндской, Эстляндской, С.-Петербургской и Ковенской	6,7
II.	В Виленской, Гродненской, Витебской, Полтавской и Черниговской	7,3
III.	В Могилевской, Киевской, Подольской, Минской и Астраханской	8,0
IV.	В Волынской, Тульской, Новгородской, Херсонской и Ярославской	8,2

V. В Московской, Бессарабской, Псковской, Харьковской и Тверской 8,4

VI. В Архангельской, Вологодской, Калужской, Олонецкой и Таврической 9,1

VII. Рязанской, Курской, Смоленской, Владимирской и Орловской 8,3

VIII. В Казанской, области войска Донского, Костромской, Саратовской и Нижегородской 8,5

IX. В Тамбовской, Екатеринославской, Воронежской, Вятской и Пензенской 8,8

X. В Симбирской, Уфимской, Пермской, Самарской и Оренбургской 10,2

Первые шесть групп дают ряд возрастающих величин; затем наступает перебой, и лишь последняя десятая группа обнаруживает весьма высокую брачность, превышающую, однако, минимальную лишь в полтора раза, между тем как максимум рождаемости выше минимума почти в три раза.

Ясно, что рождаемость здесь зависит не только от брачности, но наряду с ней от ряда других причин. При сопоставлении коэффициентов брачности и рождаемости для западно-европейских стран это обнаруживается очень рельефно.[1]

На 1.000 населения:

ПЕРИОДЫ	Франция		Англия		Германия	
	брачн.	рожд.	брачн.	рожд.	брачн.	рожд.
1871—1880 г.г.	8,0	25,5	8,1	35,5	8,6	38,9
1881—1890 г.г.	7,3	24,7	7,4	33,5	7,8	37,0
1891—1900 г.г.	7,5	22,4	7,8	30,5	8,2	36,8

Если между рождаемостью и брачностью мы не можем установить прямой, ясно выраженной, зависимости, то иное следует сказать про смертность.

В Европе за последние десятилетия повсюду наряду с падением рождаемости наблюдается и уменьшение смертности.[2]

---

[1] Цифры брачности по десятилетиям взяты у проф. А. И. Анциферова „Динамика населения", Харьков, 1910. Цифры рождаемости из кн. Брентано, при чем лишь для первых пятилетий каждого из десятилетий.

[2] Statistique International etc. См. указанный источник.

На 1.000 жителей приходилось смертей за исключением мертворожденных:

Государства	1801—05	1811—15	1821—25	1831—35	1841—45	1851—55	1861—65	1871—75	1881—85	1891—95	1901—05
Германия	—	—	—	—	26,1	27,1	25,9	28,2	25,7	23,3	19,9
Франция	—	26,9	24,8	26,0	22,7	24,1	22,9	25,0	22,2	22,3	19,5
Бельгия	—	—	—	26,1	23,5	22,0	22,8	23,4	20,7	20,3	17,0
Нидерланды	—	—		—	23,9	24,4	25,1	25,5	21,4	19,6	16,1
Англия и Уэльс	—	—	—	—	21,4	22,7	22,6	22,0	19,4	18,7	16,0
Шотландия	—	—	—	—	—	—	22,2	22,7	19,6	19,0	16,9
Ирландия	—	—	—	—	—	—	—	17,8	18,0	18,4	17,6
Дания	24,0	23,4	19,9	25,1	19,6	20,3	20,1	19,5	18,5	18,5	14,8
Норвегия	24,1	23,4	18,7	20,1	17,4	17,3	18,5	17,5	17,2	16,8	—
Финляндия	24,7	28,0	25,7	31,5	22,3	28,2	26,0	21,7	22,2	20,5	—
Австрия	—	—	27,0	34,1	30,0	34,2	30,0	32,6	30,2	27,8	—
Сербия	—	—	—	—	—	—	32,6	33,0	24,7	29,0	22,5
Италия	—	—	—	—	—	—	—	30,5	27,2	25,1	21,8

Мы уже имели случай наблюдать, что и в России в течение сорокалетия 1871—1910 г.г. смертность уменьшалась параллельно с сокращением рождаемости и даже несколько обгоняла последнюю.

Аналогичное явление мы наблюдаем и в пространстве, располагая губернии в порядке возрастающей рождаемости. Если мы сгруппируем их по пяти, как поступили при изучении брачности, то получим правильный ряд возрастающих величин:

Группа губерний в порядке увеличения рождаемости	На 1000 населения ежегод. умирало в пятилетие 1906—1910 г.г.	Группа губерний в порядке увеличения рождаемости	На 1000 населения ежегод. умирало в пятилетие 1906—1910 г.г.
I	18,5	VI	30,5
II	22,9	VII	32,3
III	23,5	VIII	32,8
IV	27,0	IX	33,6
V	29,3	X	36,9

Зависимость, как мы видим, полная. Если в первой группе губерний смертность находится на уровне, типичном для наиболее культурных стран Запада, то в последней группе она вдвое выше, обгоняя почти в два раза смертность во Франции.

Тесная зависимость между рождаемостью и смертностью наводит на размышления об общих причинах, вызывающих это совпадение. Здесь не место разбираться в этом вопросе. Несомненно лишь то, что высокая детская смертность столь характерная для России, непосредственно зависит от плохого ухода за детьми, неизбежного при скудных условиях жизни.

В период 1909—1911 г.г. смертность младенцев до 1 года на 100 родившихся равнялась в России 25,0; четвертая часть детей вымирала на первом году жизни. Это очень высокая смертность по сравнению с детской смертностью в наиболее культурных странах Запада.

	На 1000 детей, рожденных живыми, до конца первого года жизни умирало [1]				
	Пруссия	Франция	Англия и Уэльс	Дания	Норвегия
1871— 75	—	178	153	137	108
1876— 80	205	166	145	139	101
1881— 85	207	167	139	134	99
1886— 90	208	166	145	136	96
1891— 95	204	170	150	139	98
1896—900	201	158	156	132	96
1900— 05	190	139	138	117	—

Но и эта общая смертность младенцев в России слагается, в свою очередь, из весьма различных коэффициентов, характеризующих отдельные районы и группы населения. В 1909 году смертность детей до 1 года достигла в Тульской губернии 396 на 1000 родившихся; а в Вятской в 1910 году 366 на 1000. Можно указать много других губерний, где детская смертность значительно превышала 300 на 1000 родившихся. Наряду с этим в западной России коэффициент детской смертности достиг минимума в 128 на 1000 родившихся (Виленская губерния в 1909 году) и приближающихся к нему величин.[2]

[1] L. Brentano, указ. сочинение в приложении.

[2] Статистика Российской империи, LXXXII. „Смертность младенцев в Европейской России", изд. 1914 года.

Но не одна только смертность младенцев обусловливает повышенные коэффициенты общей смертности в России. Велика смертность также и других возрастных групп. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в таблицы смертности русского населения и сопоставить их с аналогичными таблицами, составленными для западно-европейских стран.

Новейшие таблицы смертности русского населения мы находим в труде С. А. Новосельского.

Их преимущество в том, что в основу их положены данные демографической переписи 1897 года, между тем как более ранние, В. Я. Буняковского, К. А. Андреева, В. И. Борткевича и др., опираются исключительно на сведения о естественном движении православного населения и не учитывают, вследствие этого, влияния миграций и других факторов, меняющих состав населения.

Позволяю себе привести из книги Новосельского несколько сопоставлений:

Возрасты	Число умерших на 1000 живущих соответствующей группы [1]							
	Мужской пол				Женский пол			
	Города с населением выше 100000		Сельские местности		Города с населением выше 100000		Сельские местности	
	Россия 1896-97 г.	Пруссия 1900-01 г.	Россия 1896-97 г.	Пруссия 1900-01 г.	Россия 1896-97 г.	Пруссия 1900-01 г.	Россия 1896-97 г.	Пруссия 1900-01 г.
0— 5	62,7	—	141,5	—	142,5	—	122,7	—
5—10	12,2	4,8	13,1	4,9	11,1	5,2	12,9	5,0
10—15	5,3	2,6	5,4	2,8	4,8	2,6	5,6	3,1
15—20	6,9	4,0	5,5	4,2	5,5	3,3	6,1	3,8
20—25	6,6	5,0	7,8	6,3	6,9	4,4	7,7	4,7
25—30	9,2	6,1	7,3	5,1	8,0	5,6	8,5	5,9
30—35	11,9	7,9	7,7	5,6	9,1	6,4	8,8	6,6
35—40	15,2	11,1	8,9	7,4	10,5	7,8	10,6	7,6
40—45	19,3	15,4	11,2	9,7	12,2	8,7	11,1	8,3
45—50	24,0	20,6	15,2	13,0	15,4	10,7	14,8	9,2
50—55	30,5	27,0	19,0	17,6	18,5	14,3	16,9	13,0
55—60	41,7	36,2	27,4	24,3	26,3	21,3	30,5	20,0
60—65	53,9	49,9	33,4	34,9	34,4	30,8	34,1	31,3
65—70	76,5	67,0	62,7	53,8	57,1	47,0	65,8	51,4
70—75		97,0		82,6		72,5		81,0
75 и выше	138,4	140,4	108,1	129,1	118,2	115,2	108,3	92,4

[1] С. А. Новосельский. „Смертность и продолжительность жизни в России", Петроград, 1916 г., стр. 144.

В связи с крайне высокой смертностью в детском возрасте число выживающих от рождения до 15—20 лет падает в России значительно быстрее, чем в других государствах; но и затем в последующих возрастах (как видно из таблицы), в частности в рабочем возрасте, вымирание в России происходит быстрее, чем в других странах, хотя здесь различия уже не так резки, как в детском и юношеском возрасте.

Начиная с возраста 60 лет, процесс вымирания в России протекает все медленнее и медленнее, сравнительно с другими странами, в результате чего, несмотря на быстрое вымирание в первые 50—60 лет жизни, числа доживающих в России, напр., до 90 лет уступают только числам для Швеции, Норвегии и Дании.[1]

Очень интересно сопоставление доживающих до последовательных возрастов в России сравнительно с другими странами (мужеский пол).[2]

Возраст	Европ. Россия 1896-1897 годы	Англия 1891-1900	Франция 1898-1903	Швеция
0	100000	100000	100000	100000
1	70200	82814	83674	88917
2	63162	78409	80839	86285
3	59511	76775	79310	84862
4	57215	75763	78365	83796
5	55609	75028	77692	82968
10	52129	73430	75944	80561
15	50727	72537	74818	79189
20	49347	71171	72948	77358
25	44629	69389	70230	74805
30	45851	67320	67653	72367
35	43855	64817	64839	69972
40	41826	61596	61641	67362
45	39261	57701	58033	64458
50	36174	53089	53818	61088
55	32488	47585	49004	57028
60	28183	40952	43199	51951
65	23195	33234	35998	45562
70	17347	24663	27465	37334
80	7022	8230	8774	16168
90	1763	772	728	1630

Согласно приведенной табличке в России к 15-летнему возрасту вымирала уже без малого половина родившихся, между тем как в Англии и Франции вымирание поколений достигало этого уровня в возрасте старше 50 лет, а в Швеции—даже в возрастах старше 60 лет.

---

[1] С. А. Новосельский, указан. книга, стр. 147.
[2] С. А. Новосельский, ibid., стр. 148—149.

И все же, несмотря на колоссальную смертность, естественный прирост населения нашей страны очень велик; исключительная по своим размерам рождаемость далеко обгоняет жатву смерти и численность населения России до мировых событий последнего времени неудержимо росла.

Мы уже имели случай ознакомиться с размерами естественного прироста населения России[1]. Несмотря на сокращение рождаемости, коэффициент естественного прироста за последнее время перед мировой войной не только не терпел ущерба, но даже возрос в текущем столетии, сравнительно с последним тридцатилетием XIX века.

Наоборот, если мы обратимся к пространственным отношениям, то для периода 1906—1910 г.г. обнаруживается в большинстве случаев совпадение движения прироста населения и рождаемости. Группируя губернии по пяти в порядке возрастающей рождаемости, как было сделано раньше при изучении брачности и смертности, мы получаем следующий ряд величин:

Группы губерний Европейской России в порядке возрастающей рождаемости	Естественный прирост населения в пятилетие 1906—1910 г. на 1000 жителей ежегодно	Группы губерний Европейской России в порядке возрастающей рождаемости	Естественный прирост населения в пятилетие 1906—1910 г. на 1000 жителей ежегодно
I	8,2	VI	15,8
II	13,0	VII	15,7
III	16,5	VIII	16,2
IV	14,5	IX	19,1
V	14,6	X	20,2

Правильность ряда нарушается лишь высоким коэффициентом прироста населения в 3-й группе, что произошло вследствие исключительно низкой смертности в указанное пятилетие в Минской и Могилевской губерниях (20,5 и 21,3 на 1000) при сравнительно высокой в них рождаемости (39,9 и 40,5 на 1000). В общем же смерть не в состоянии была угнаться за стихийным процессом нарождения новых и новых масс населения.

Что означает естественный прирост населения, имевший фактически место в России в довоенное время? Мы видели, что при среднем приросте 16,0—17,0 на 1000, перевес рождений над смертностью достигал в некоторых губерниях Европейской России 19 и даже 20 слишком на 1000. Согласно таблицам Брентано[2].

---

[1] См. стр. 8

[2] Lujo Brentano „Die Malthussche Lehre und die Bevölkerungsbewegung" S. 583.

При перевесе рождений над смертями	Численность населения удваивается в
18,1 на 1000	46,2 лет
17,0 „ „	41,1 „
18,3 „ „	38,2 „
20,8 „ „	33,7 „

На круг можно принять, что естественный прирост населения, имевший место в России в начале текущего столетия, соответствует периоду удвоения численности населения в 40 с небольшим лет.

В действительности население России по исчислениям ЦСК нарастало следующим образом: [1]

1800 год	37.540.400
1820 „	48.646.500
1840 „	62.460.300
1860 „	74.120.100
1880 „	97.705 100
1900 „	132.960.400
1915 „	178.905,500

За первые 15 лет двадцатого века прирост населения России выразился в 46 миллионах. Чтобы составить себе представление о размерах этой массы людей, достаточно сопоставить ее с современной численностью населения „великих держав":

Великобритания и Ирландия (1921 г.) . . .	47.387.302 населения
Франция в современных границах (1921 г.) .	39.595.612 „
Современная Германия (1919 г.)	59.184.513 „
Современная Италия (1921 г.)	37.276.738 „
Современная Япония (1920 г.)	55.963.053 „

Следовательно, можно сказать, что за одно первое 15-летие текущего столетия в России прирост населения достиг размеров, равных населенности „великой державы". За 35 лет с 1880 г. по 1915 г. население России почти удвоилось. Исключительно быстрый прирост населения России был связан с чрезвычайно интенсивными миграционными процессами. Не умещавшееся в сельских местностях население притекало в города, поглощаясь там сильно развивавшеюся за последние десятилетия перед войной промышленной жизнью; наряду с этим происходил интенсивный процесс переселения в южную и юго-восточную Россию, в Сибирь и за океан.

В последующих главах там, где мне придется говорить об этих процессах миграции во время мировой войны и революции, я приведу цифры, характеризующие ее в довоен-

[1] Взято из „Статистического Ежегодника России за 1915 год; стр. 151.

ное время.[1] Пока позволю себе задержаться лишь на цифрах естественного движения населения в городах дореволюционной России. К сожалению, мы не располагаем большим количеством опубликованных по этому вопросу данных и вынуждены ограничиться столицами и городом Одессой. Естественное движение населения в Ленинграде и Одессе в довоенное время было следующее:

	В Ленинграде[2]			В Одессе[3]		
	На 1000 населения					
	Родилось	Умерло	Браков	Родилось	Умерло	Браков
1905	30,1	26,3	5,5	33,7	23,7	8,7
1906	30,4	26,0	7,1	29,6	21,7	11,3
1907	33,1	25,6	7,1	30,7	15,5	10,1
1908	30,6	29,4	6,1	27,6	18,2	7,5
1909	30,6	25,5	5,9	26,4	22,0	7,7
1910	29,9	25,0	5,9	25,5	19,1	7,9
1911	29,2	21,3	6,3	24,4	17,1	7,7
1912	27,6	22,6	6,5	24,7	16,1	7,7
1913	26,4	21,4	6,3	—	—	—

Цифры эти говорят о довольно низкой рождаемости и смертности в этих больших городах. Низкую рождаемость можно отчасти приписать составу их населения. В России еще тесны связи между городом и деревней и часто проживающие в них крестьяне и рабочие держат свои семьи на родине, в сельских местностях, что и оказывает понижающее влияние на рождаемость, а вместе с тем и на брачность в городах. Меньшее количество детей в городах должно понижать коэффициент городской смертности, так как смертность младенцев особенно велика.

---

[1] История русской промышленности дает яркие примеры к положению К. Маркса о влиянии притока в города и промышленные центры рабочих масс, постоянно вновь и вновь пополняющих резервную армию рабочих со всеми тяжелыми для рабочих последствиями этих процессов. Ср. К. Маркс „Капитал", русск. пер. под ред. П. Струве, т. I, кн. 1, 1906 г., стр. 459 и др.

[2] „Материалы по статистике Петрограда". Вып. 1, Петроград, 1920, стр. 10.

[3] И. И. Кияницин. „Естественный прирост, иммиграция и эмиграция населения Одесского градоначальства за последние 30 лет", стр. 4.

Наряду с этим в современных городах на рождаемость должно влиять сознательное ограничение деторождений, а на смертность улучшение санитарных условий городской жизни.

Брачность в довоенное время держалась в Ленинграде, как мы видели, на довольно низком уровне, чего нельзя сказать про Одессу.

Естественное движение населения Москвы в довоенный период было следующее: [1]

Периоды	На 10.000 жителей		Периоды	На 10.000 жителей умирало в среднем ежегодно
	Среднее ежегодное число браков	Среднее ежегодное число рождений		
1867 - 1880	4,4	22,8	1862—1871	31,0
1881 1890	4,8	22,6	1872—1881	29,1
1891—1900	5,4	25,6	1882 - 1891	26,9
1901—1910	5,7	28,8	1892—1901	24,6
1911—1913	5,9	28 9	1902—1909	23,6
			1910—1914	23,1

Из приведенных цифр московской смертности ясно видно влияние постепенного оздоровления условий жизни в нашей столице. Брачность держалась на еще более низком уровне, чем в Ленинграде. Число рождений, абсолютно невысокое, возрастало во времени, вероятно, вследствие увеличения числа жителей, имевших в Москве постоянную оседлость. Случаи смерти воспитанников Московского Воспитательного дома при вычислении смертности скинуты и, следовательно, влияние на нее этого очага детской смертности устранено.

---

[1] Из ст. В. Г. Михайловского в „Красной Москве" стр., 61—69.

II

МИРОВАЯ ВОЙНА И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, КАК ФАКТОРЫ ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Независимо от всякого рода побочных влияний, война, направленная на уничтожение людей, сама является фактором движения населения.

В войне участвовало 34 из 59 независимых государств. Население участвовавших в ней государств превышало 1 миллиард, что составляет 67% населения земного шара. Число мобилизованных достигало 66 миллионов.

История не знает войн, хотя бы отдаленно напоминающих эту мировую бойню. Армия Тамерлана насчитывала 800.000 человек, армия Наполеона—600.000, Германии и Франции в 1871 году—1.500.000, японская в 1905 году—2.000.000. По приблизительным и, вероятно, преуменьшенным сведениям, потери воюющих стран были следующие:

ВОЮЮЩИЕ СТРАНЫ	Убитые и умершие от ран и болезней	Выбывшие из строя вследствие ранений	Пленные и без вести пропавшие	Раненые и контуженные, приток: ные к строю (исчисл.)	Всего пострадавших на войне
Страны Согласия	4.500.000	1.920.000	4.000.000	3.200.000	13.620.000
Центральные государства . . .	4.200.000	922.000	2.600.000	2.300.000	10.022.000
ВСЕГО . . .	8.700.000	2.842.000	6.600.000	5.500.000	23.642.000

Следовательно, более трети мобилизованных так или иначе пострадали от войны. На долю России приходится без малого четвертая часть участвовавших в войне вооруженных сил. А именно: к моменту ее объявления царская

армия насчитывала 1.423.000 военнослужащих. За 3½ года войны было мобилизовано еще 14.375.000 человек, следовательно, всего было взято по наборам 15.798.000. Около половины всех трудоспособных мужчин было призвано в армию (на 1000 человек—474). По отдельным губерниям, согласно данным сельскохозяйственной переписи 1917 года, число мобилизованных достигало еще больших размеров—до 60 проц. трудоспособных мужчин (Акмолинская обл.). По отношению ко всему населению без различия возраста и пола мобилизованные в России составляли 11,2 проц. Это еще скромная цифра, сравнительно с тем, что делалось в других странах: в Германии и Австрии к средине 1918 года были мобилизованы более 80 проц. военнообязанных мужчин и 35 проц. всего мужского населения, во Франции—36 проц., в Великобритании—26 проц. Наивысший процент мобилизованных по отношению к населению дали Франция (20 проц.), Сербия (16,5 проц.) и Италия (15,5 проц.).

Боевые потери России составляли:

	Абсолютные цифры	% общего числа боевых потерь	% от общего числа мобилизованных
Убитых	775.400	17,3	4,9
Умерших	348.500	7,8	2,2
Пленных	3.343.900	74,9	21,2

Общее число раненых за время войны, не считая повторных ранений, доходило почти до 5 миллионов. Наши санитарные органы насчитывали 2.844.500 раненых, не считая раненых, взятых в плен.

Больные, эвакуированные из армии, по данным санитарного ведомства составляли 2.300.000 человек; сюда входят лишь серьезные случаи, требовавшие продолжительного лечения в тылу.

Автор текстовой части сборника ЦСУ, посвященного мировой войне,[1] откуда я почерпаю большинство вышеприведенных сведений, В. П. Ефремов принимает, что около 50 проц. участников войны потерпели значительный ущерб в здоровье.

Помимо боевых потерь, страна понесла значительный ущерб от уменьшения рождаемости и увеличения смертности населения.

Согласно некоторым подсчетам, потери России от уменьшения рождений составляют около 6½ миллионов душ.[2]

---

[1] „Россия в мировой войне 1914—1918 года". Москва, 1925.
[2] Там же.

Война оказала сильное влияние как на естественное (рождаемость и смертность), так и на механическое движение населения.

К последнему следует отнести передвижения не только войсковых частей, но и беженцев с театра военных действий.

По официальным данным, на 20-е декабря 1915 года[1] на территории империи, за исключением Закавказья, было зарегистрировано 2.706.309 беженцев, что составляло 1,83 проц. постоянного населения этой территории. Из них 2.496.640 были размещены в губерниях Европейской России (2,06 проц. их постоянного населения), остальные—в Предкавказье, Сибири и Средне-Азиатских областях. Беженцы были зарегистрированы во всех без исключения губерниях Европейской России, не занятых неприятелем, но особенно много их (свыше 100.000) было сосредоточено в губерниях:

Екатеринославской	227.942	6,6 проц. постоян. населения.
Лифляндской	121.274	6,95 „ „ „
Московской	172.572	4,86 „ „ „
Самарской	142.629	3,75 „ „ „
Саратовской	113.667	3,47 „ „ „
Минской	107.058	3,56 „ „ „
Тамбовской	124.259	3,55 „ „ „
Харьковской	116.762	3,41 „ „ „

Поток беженцев не приостанавливался и в последующие стадии войны, хотя значительно ослабел по сравнению с движением, происходившим в первые полтора года войны. Согласно анкеты Татьянинского комитета, на 29-е мая 1916 года числилось беженцев:[2]

РАЙОНЫ	Осело беженцев		На 20 декабря 1915 г.
	Абсол.	В %%	
Прифронтовый	855.312	25,9	622.042
Центральный[3]	1.342.721	40,6	1.219.863
Южный	408.275	12,3	361.148
Восточный	324.299	9,8	293.629
Северный	27.458	0,8	19.680
Сибирь	78.021	2,4	78.531
Средняя Азия	114.037	3,5	111.408
Закавказье	155.925	4,7	—
ИТОГО	3.306.051	100,0	2.706.301

[1] Предварительные сведения о числе беженцев в империи по данным губернаторов на 20 декабря 1915 года. Изд. комитета вел. кн. Татьяны Николаевны.

[2] Без Смоленской губ.

[3] Деятельность Татьянинского комитета и нац. общ. организаций на средства, получаемые от комитета. Петроград. 1917. Числа на 20 декабря 1915 г. вычислены мною по губернским данным предварит. сведен.

Особенно много беженцев осело в центральных губерниях и прифронтовой полосе. На 20-е декабря 1915 года в городах, список которых далеко не полон, было зарегистрировано 584.512 беженцев; в том числе в Москве—140.107, Петрограде—84.074, Харькове—42.150 и Екатеринославе—33.000.

Более конкретное представление о размерах этого передвижения народных масс можно себе составить, если сопоставить его с переселением в Сибирь, куда за 25 лет, с 1885 по 1909 г.г., из Европейской России переселилось приблизительно столько же людей, а именно—3.311.131 душа?[1] Еще большее по сравнению с мировой войной влияние на движение населения в России должны были оказать факторы, обнаружившие свое действие во время великой русской революции.

Мировая война велась на сравнительно небольшом участке огромной периферии русского государства. При этом территорий, охваченные театром военных действий, по мирным договорам отошли от России и, следовательно, находятся вне поля нашего исследования.

Между тем, гражданская война и тесно сопряженные с ней хозяйственная разруха, эпидемии и голод представляли процессы, глубоко внедрившиеся в самую толщу государственного организма, и их разрушающее влияние на населенность должно было сказаться несравненно сильнее империалистической войны, зарегистрированные безвозвратные потери которой убитыми и увечными составляли, как мы уже видели, лишь несколько более 7% мобилизованных (около 1.124.000 человек).

Поэтому считаю уместным предпослать дальнейшему изложению хотя бы беглый очерк территориального распространения разрушающих факторов революционного периода. Это поможет нам провести специфическое „районирование" движения населения за время революции и осветить цифровой материал, которым придется оперировать в дальнейшем.

Прежде всего напомню основные даты и географию театра гражданской войны.

Уже в мае 1918 года при теснейшей поддержке „союзников" восстали в Сибири и на Волге чехо-словаки и уральские казаки. Восставшие захватили Казань, Симбирск, Сызрань, Самару. Одновременно с этим на Южном фронте казаки генерала Краснова подошли к Царицыну и Воронежу. Осенью того же года красные войска ликвидируют это восстание и отбирают назад захваченные города и территории. Но уже в апреле 1919 года армия Колчака снова

[1] И. Ямзин „Переселенческое движение в России", Киев, 1912, стр. 174.

докатилась до Уфы, была в 70—80 верстах от Казани и в 30 верстах от Волги, у города Спасска.

С мая Красная армия переходит в наступление; 20-го июня подходит к Уралу, совершает исключительный по быстроте зимний переход по Западной Сибири и 7-го марта 1920 года занимает Иркутск.

Туркестан очищается от белых в первую половину 1920 года. На Северном фронте белогвардейская армия при поддержке англичан высаживается в Архангельске в августе 1918 года. В феврале 1919 года белые начинают продвижение к Петрограду и доходят до пределов Ладожского и Онежского озер, среднего течения Северной Двины и Вычегды. До февраля 1920 года Красная армия сдерживала наступления союзных войск; затем, разбив в конце этого месяца англичан на Онеге и Северной Двине, вскоре занимает Архангельск, а к концу марта и Мурманск, очищая весь Север от неприятеля.

На Южном фронте гражданская война началась еще раньше, чем восстание чехо-словаков создало Восточный фронт. Уже в декабре 1917 года Корнилов захватил Донецкий бассейн и Кубань, а в начале января 1918 года Центральная рада объявила Украину независимой республикой.

После гибели Корнилова борьба на Южном фронте ведется сначала против Краснова, потом Деникина. В начале 1919 года Красная армия подошла на 40 верст к Новочеркасску, но затем белые, руководимые Деникиным, снова переходят в наступление и к концу октября занимают Чернигов, Курск, Орел, Воронеж и двигаются по направлению к Туле.

Однако, вскоре Красная армия переходит в энергичное контр-наступление и снова необычайно быстро овладевает всей Южной Россией. 8-го января 1920 года после уличных боев Буденный занимает Ростов. А к концу марта весь Северный Кавказ уже в руках Советской власти.

По сравнению с размерами территории, послужившей театром военных действий против чехо-словаков, Колчака и Деникина, площади, охваченные последовавшими затем вооруженными столкновениями с Польшей и Врангелем в пределах Советской России, весьма незначительны. Захваты поляков распространились, в сущности, лишь на Правобережную Украину. Врангель дошел лишь до Днепровских порогов, Екатеринослава и Донбасса. Осенью 1920 года заканчивается война с поляками, а в ноябре того же года Красная армия форсирует неприступные позиции Крымского перешейка и 16-го ноября завладевает всем полуостровом.[1]

---

[1] См. М. Лебедев. „Красная армия в борьбе за Советскую власть", 1922 г.

Таким образом, к концу 1920 года гражданская война заканчивается, если не считать сравнительно незначительных операций на Дальнем Востоке.

Она охватила колоссальную территорию. Пощаженными ею оказались лишь окружающие Москву губернии, составляющие по современному районированию Центрально-Промышленный район, очень немногие губернии северной части Центрального Земледельческого района и в значительной степени Северо-Западный район. Разрушающее действие гражданской войны должно было особенно сильно сказаться на Украине, которую армии враждующих сторон проходили по нескольку раз, где происходили постоянные смены власти, крестьянские восстания, партизанская война и, наконец, сильно развился бандитизм.

По Украине проходили и оккупационная германская армия, и войска директории, и Красная армия, и добровольцы, и поляки. Население втягивается в войну не только путем мобилизаций, но и в результате повстанческих движений, охватывающих особенно сильно крестьянство. С другой стороны, Украину вследствие ее сравнительно благоприятных продовольственных условий непрерывно посещают мешечники и продовольственные организации; сюда направляется политическая эмиграция из Советской России.[1] Наконец, отсюда вслед за отступавшими армиями белых, происходит массовое бегство политических эмигрантов, число которых по приблизительным прикидкам достигает 2-х миллионов человек.[2]

О числе мобилизованных во время гражданской войны можно составить себе представление, если сопоставить с мужским населением, зарегистрированным сельскохозяйственной переписью 1920 г., учтенное ею же количество призванных в армию членов крестьянских хозяйств.

Сопоставление это обнаруживает, что в течение гражданской войны было мобилизовано в сельских местностях на круг около 11% всего мужского населения: 5.026.680 из 45.170.708 мужчин для территории, на которую распространилась сельскохозяйственная перепись 1920 года; по сравнению с мобилизациями мировой войны это составляет величину вдвое меньшую, так как в течение последней, согласно данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года, было призвано в войска 22,9% мужского населения деревни.

Число жертв гражданской войны не поддается даже приблизительному определению. Урон в армиях обоих сто-

---

[1] См. статью М. Ходоса в статистическом бюллетене Киевского Губстатбюро, 1922, № 4—5.

[2] В. Г. Михайловский. См. труды ЦСУ Том I. Выпуск 3.

рон должен быть гораздо меньше, чем во внешней войне, значительно более кровопролитной. Но зато в гражданской войне, несомненно, погибли сотни тысяч мирного населения, особенно в казачьих областях и в тех губерниях, которые неоднократно были посещаемы контр-революцией. В. Г. Михайловский, у которого я заимствую эту цифру, высказывает предположение, что в гражданской войне насильственная смерть постигла в общем один миллион человек.[1]

По данным статистического отдела главного управления РККА боевые потери в личном составе Красной армии равнялись 631.758, санитарные—581.066, всего, следовательно, 1.212.824.[2]

Голод, посетивший Россию в 1921-22 году на общем фоне хозяйственной разрухи и недоедания широких слоев населения, был фактором, повлиявшим на естественное и механическое движение ее населения не меньше войны. Влияние это постараюсь учесть в дальнейшем, а пока напомню географическое распространение исключительного неурожая 1921 года. Неурожай 1921 года поразил 33 губернии и области с 40-миллионным населением. Исключительный характер этого бедствия обнаруживается при сравнении его с известным неурожаем 1891 года, который распространился на 19 губерний. Неурожай в 1906 году посетил 17 губерний и областей, а в 1911 году—18 губерний.

Принимая 14 пудов за минимальную норму чистого сбора на душу населения, ниже которой следуют разная степень истощения и голодовка, можно разделить голодавшие в 1921 году губернии на следующие группы по интенсивности продовольственной нужды.[3]

Губернии и респ., не собравшие семян	Губернии и республики с чист. сбором на 1 душу до 5 пудов	Губернии с чистым сбором на 1 душу от 5 до 10 пудов	Губернии с чистым сбором на 1 душу от 10 до 14 пудов
Актюбинская	Астраханская	Воронежская	Кубано-Черном.
Башкирская	Вотская	Витская	Одесская
Букеевская	Крымская	Донецкая	Пензенская
Кустанайская	Саратовская	Донская	

[1] В. Г. Михайловский.—Обзор в томе I, вып. 3 трудов ЦСУ, стр. 4.

[2] См. „Народное хозяйство Союза ССР", статистический справочник ЦСУ 1925 г.

[3] Сведения о распространении и интенсивности голода я почерпаю из статьи Н. Бухмана „Голод 1921 года и деятельность иностранных организаций" в „Вестнике Статистики" 1923 года, № 4—6, написанный по материалам ЦСУ.

Губернии и респ., не собравшие семян	Губернии и республики с чист. сбором на 1 душу до 5 пудов	От 5 до 10 пудов	От 10 до 14 пудов
Марийская	Симбирская	Екатеринослав.	
Немкоммуна	Ставропольская	Екатеринбургск.	
Оренбургская	Челябинская	Нижегородская	
Самарская	Царицынская	Николаевская	
Татарская		Пермская	
Уральская		Терская	
Уфимская			
Чувашская			

Таким образом, абсолютный неурожай, при котором не удалось собрать даже семян, охватил обширную область к востоку от Волги, включая Киргизию, а с севера на юг—от пределов Марийской и Чувашской областей до Самарской губернии включительно.

Далее следуют правобережные поволжские губернии, а также губернии к северу, северо-востоку и к югу от области абсолютного неурожая. Сильный неурожай (сбор от 5 до 14 пудов на душу) охватил южную часть Украины, Северный Кавказ и Дон, далее Урал, Нижегородскую и Воронежскую губернии.

По данным, собранным местами, число голодающих определилось к 1 января 1922 года в 15 миллионов; на 1-е апреля оно достигло 20 миллионов, а к июлю значительно превысило 22 миллиона.

Наиболее выделились по числу голодающих Калмыцкая, Татарская АССР, Чувашская, Марийская области и Челябинская губерния, где голодало почти все население (свыше 90%).

В губерниях Астраханской, Самарской, Царицынской, Немкоммуне, Вятской, Вотской области, Башкирской и Киргизской АССР, Николаевской, Запорожской губерниях голодало около $^3/_4$ населения (от 70 до 90%); в губерниях Саратовской, Уфимской, Пермской, Крымской страдало от голода немногим более половины (от 50 до 70%); в остальных из перечисленных губерний—от 40 до 50% .

Голод вызвал сильное развитие эпидемий и высокую смертность как от эпидемических заболеваний, так и непосредственно от голодного истощения. Цифры и факты естественного движения населения под влиянием голода будут

мною приведены в дальнейшем. Сейчас коснусь лишь связанного с ним механического передвижения народных масс.

Лиц, бежавших от голода и передвигавшихся по железным дорогам организованным порядком, было зарегистрировано около 900.000. Наряду с этим происходило неорганизованное движение беженцев по колесным дорогам. Численность их не поддается точному определению, но, вероятно, была не меньше организованного передвижения по железным дорогам.

По железным дорогам за время с 1-го июля 1921 года по 1-е июля 1922 года прошло голодбеженцев: [1]

Губернии	Число беженцев	В % % к числу жит.	Губернии	Число беженцев	В % % к числу жит.
Киргреспублика .	45.858	6,8	Челябинская . .	28.685	2,5
Симбирская . . .	111.813	6,8	Башреспублика .	66.127	2,0
Самарская . . .	172.637	6,7	Вятская . . .	20.773	1,0
Татреспублика .	157.308	6,0	Немкоммуна . .	3.247	0,9
Царицынская . .	54.296	4,6	Пермская . . .	9.641	0,5
Чувашская обл. .	38.103	4,6	Вотская . . .	2.127	0,3
Саратовская . . .	129.463	4,0	Марийская . .	1.100	0,3
Астраханская . .	12.674	3,3	ИТОГО .	850.772	3,8

Приведенные цифры беженцев сравнительно скромны, если принять в соображение размеры бедствия. Отчасти это объясняется неполнотой регистрации. Цифрами, характеризующими бегство голодающих по грунтовым дорогам, мы не располагаем. Задерживающим образом должна была на него влиять широко организованная помощь голодающим со стороны всякого рода организаций.

Помимо войны и голода, разрушающее влияние на население страны должны были оказать тесно связанные с ними эпидемии, из которых на первом месте стоит сыпняк.

О развитии последнего можно составить себе представление по следующим цифрам: в 1918 году в 40 губерниях Европейской России было зарегистрировано 130.164 случая заболеваний сыпным тифом, в 1919 году их оказалось уже 2.134.077. Особенно большое число случаев (свыше 1.000.000 заболеваний) приходилось на губернии: Тамбовскую, Сара-

[1] К. Н. Бухман, указанная статья.

товскую, Воронежскую, Курскую, Орловскую, Рязанскую и Московскую.

В 1920 году эпидемия получила дальнейшее развитие: в 46 губерниях европейской части РСФСР было зарегистрировано 2.335.684 заболевания; кроме того, в Сибири—358.208 и на Украине—609.031; всего—3.302.923 случая.

По сравнению с сыпным тифом другие эпидемические болезни имели несравненно меньшее распространение: так, холерой в 40 губерниях Европейской России заболело в 1918 году 41.289 человек, в 1919 году всего лишь 6.791, в 1920 году в 30 губерниях европейской части РСФСР—9.389; на Украине—11.228, на Кавказе—4.566, в азиатской части Союза—293 случая; по всему СССР—25.478 случаев.

В последующие годы сыпняк стал ослабевать: в 1923 году по Европейской России было зарегистрировано всего 198.868 случаев его, а по всему Союзу—242.890 случаев.[1]

Таковы были факторы, влиявшие на естественное и механическое движение населения России за время великой войны и русской революции.

В дальнейшем я постараюсь проследить особенности процесса движения населения за время революции. При этом придется посчитаться с неполнотой и недостаточной доброкачественностью материалов. Как известно, революция изменила у нас порядок регистрации актов гражданского состояния: старая система церковных записей была уничтожена, на место ее была введена гражданская регистрация в особых отделах местных советов—так наз. Загсах. Новая система привилась не сразу; сравнительно скоро удалось провести ее в городских поселениях, но в сельских местностях она до последнего времени еще не вполне наладилась. Поэтому за целый ряд лет—в городах за 1918, 1919 и частью 1920 г.г., а в сельских местностях за еще больший промежуток времени—мы не имеем полных сведений. Далее далеко не повсюду имеются опубликованные сведения о естественном движении населения даже для периодов, в течение которых регистрация велась.

Все это заставляет нас на ряду с разработкой имеющихся данных о естественном движении населения прибегнуть к сопоставлению численности населения в разные моменты исследуемого периода по переписям и иным сплошным исчислениям, имевшим место за время войны и революции.

С последнего я и начну, чтобы в дальнейшем на фоне обнаруженных нашей статистикой общих изменений численности населения охарактеризовать по возможности более обстоятельно вызвавшие их демографические процессы.

---

[1] По статистическим ежегодникам ЦСУ за 1918—20 и 1921 г.г. и сведениям, любезно сообщенным мне доктором С. М. Богословским, заведующим статистикой народного здравия ЦСУ.

III

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СССР ЗА ВРЕМЯ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ.

Несмотря на то, что за время мировой войны и революции у нас был произведен целый ряд демографических переписей, мы все же испытываем большие затруднения при изучении изменений за этот период численности населения России. Причинами являются: во-первых, сроки производства переписей, далее, неполнота охвата ими территории и, наконец, несравнимость без сложных исчислений их результатов вследствие непрерывных изменений границ административных делений, происходивших в России в революционный период.

Для начального момента мировой войны мы имеем лишь исчисления Центрального Статистического Комитета, производившиеся им из года в год.

Однако, цифры его нуждаются в коррективах: они явно преувеличены, так как ЦСК исчислял население преимущественно на основании данных о естественном его приросте, не имея возможности в достаточной степени учесть миграционные процессы.

Между тем именно в последние десятилетия перед войной миграционные движения в России были особенно интенсивны; после постройки Сибирской магистрали чрезвычайно усилился поток переселенцев; далее происходил постоянный прилив населений из сельских местностей в города и промышленные центры.

Все это заставляет нас предпочесть исчислениям ЦСК данные всероссийских переписей 1916 и 1917 г.г., происходивших уже во время войны. Первая из них дает численность сельского населения, вторая охватила все население как сельское, так и городское. Перепись 1916 г. отстоит на два года от начала войны; однако, изменения в численности населения страны за этот промежуток времени не могли

быть велики вследствие того, что после ухода на войну мужского населения рождаемость сильно сократилась, смертность же стала расти.

В. Г. Михайловский допускает, что в 1916 году в общем смертность сравнялась с рождаемостью. [1]

Затруднения в пользовании материалами сельскохозяйственной переписи 1916 года заключаются в том, что она, во-первых, дает лишь численность сельского населения и при том учитывает лишь наличное население, которое в момент ее производства сильно отличалось от обычного: значительная часть взрослого мужского населения находилась в армии; с другой стороны, произошел прилив в деревню беженцев и военнопленных.

Поэтому для того, чтобы получить цифру обычного населения, необходимо произвести ряд довольно сложных исчислений.

При этом я считаю, что методологически наиболее правильно исходить из численности наличного в 1916 году женского населения и исчислять мужское при помощи коэффициентов.

Как известно из демографической статистики, соотношение численности полов вообще довольно устойчиво, в особенности, если мы возьмем сравнительно незначительные территории и небольшие промежутки времени. Перепись 1897 г. установила для всей б. Российской империи лишь крайне незначительный численный перевес женского пола над мужским, а именно: на 1.000 мужчин—1.001 женщин; для Европейской же России несколько больший: на 1.000 мужчин 1.027 женщин. [2] Интересно сравнить эти данные с тем, что наблюдается в других странах Европы.[3]

Государства	Год переписи	Женщин на 1000 мужчин
Германия	1890	1 040
Австрия	1890	1.044
Великобритания и Ирландия	1891	1.060
Швеция	1890	1.065
Франция	1891	1 007

При столь значительной устойчивости численного соотношения полов мы в праве ожидать, что в нем не могло возникнуть сколько-нибудь значительных различий в краткий период, отделяющий перепись 1916 года от исчисления Центрального Статистического Комитета для 1914 года

---

[1] См. обзор 1 тома вып. 3, трудов ЦСУ.
[2] Проф Н. А. Каблуков.—„Статистика", Москва, 1922 г. Стр. 269.
[3] Г. Майр. „Закономерность в общественной жизни". М. 1899. Стр. 160.

и переписи 1917 года, которая учла обычное население, присоединив к наличному населению ушедших на войну и отсутствующих по другим причинам.

Исчислив по данным ЦСК и переписи 1917 года погуберское соотношение числа женщин и мужчин, мы можем установить с довольно значительным приближением число входивших в состав обычного населения в 1916 году мужчин на основании численности женщин, приведенной для соответствующих административных делений в опубликованных материалах переписи 1916 года.

Таким образом, в значительной степени элиминируется влияние войны—уход мужского населения в армию и присутствие военнопленных (мужчин). Что касается беженцев, то относительно их размещения, как уже было указано выше, мы располагаем погуберскими цифрами на 20-е декабря 1915 г.; это дает возможность элиминировать влияние также и этого фактора.

При производстве вычислений я предпочитаю данные переписи 1917 года, т. к. здесь мы имеем результат непосредственного подсчета, тогда как ЦСК дает лишь приближенное исчисление.

Вычисления производились мною следующим образом: 1) Из всего числа отсутствующих мужчин (10 графа погуберской сводки) отнималась численность мужчин, призванных в войска (16 графа), разница показывала, сколько, помимо призванных в армию мужчин, длительно отсутствовало во время производства переписи. 2) Соответствующие величины отнимались от итогов мужского населения; таким образом устанавливаалась численность обычного мужского населения. Перепись 1917 г. учитывала всех отсутствующих мужчин независимо от того, какая участь постигла призванных на войну. Поэтому итоговые величины за вычетом длительно отсутствовавших, но не призванных в армию, дают действительно численность обычного мужского населения. 3) Далее от итоговых величин женского населения отнимались числа длительно отсутствующих женщин (гр. 12 погуберской сводки), — разница указывала численность обычного женского населения; полученные величины, выражавшие численность обычного мужского и женского населения, давали возможность вычислить относительные количества мужчин на 100 женщин обычного населения.

В нижеследующей табличке я привожу результаты моих исчислений параллельно с соответствующими цифрами, полученными по данным ЦСК о численности населения на 1-е января 1914 г.

Они относятся лишь к сельскому населению, охваченному переписью 1916 г.

Губернии и области	На 100 женщин приходилось мужчин в сельских местностях	
	В 1914 г. по данным ЦСК	В 1917 г. по сел.-хоз. и земельн. переписи
Европейская Россия		
Архангельская	92,4	92,4
Астраханская	104,9	104,2
Владимирская	88,7	89,9
Вологодская	93,1	94,6
Волынская	100,4	100,1
Воронежская	99,7	—
Вятская	91,4	94,2
Витебская	99,4	103,7
Донская обл.	101,7	102,1
Екатериносл.	104,0	103,9
Казанская	98,5	—
Калужская	83,7	89,1
Киевская	99,2	98,2
Костромская	85,9	89,6
Курская	99,2	99,5
Лифляндская	93,8	—
Могилевская	98,2	99,6
Московская	86,3	86,9
Нижегородская	91,7	91,4
Новгородская	92,2	94,7
Олонецкая	91,9	92,8
Оренбургская	101,1	103,9
Орловская	96,0	97,6
Пензенская	93,3	97,4
Пермская	95,5	—
Петроградская	92,3	94,4
Полтавская	100,2	102,3
Рязанская	94,6	96,1
Самарская	98,4	100,7
Саратовская	97,5	100,2
Симбирская	94,7	96,8
Смоленская	94,4	93,1
Тамбовская	96,4	97,7
Тверская	87,7	85,9
Тульская	89,1	98,1
Уфимская	99,9	103,1
Харьковская	101,3	102,9
Черниговская	98,5	102,0
Ярославская	78,8	83,6
Сибирь		
Амурская	111,3	113,9
Енисейская	104,0	106,5
Забайкальская	105,4	—
Иркутская	105,9	107,7
Приморская	131,3	117,4
Тобольская	99,4	102,2
Томская	101,7	103,8
Якутская	104,1	—
Степной Край		
Акмолинская	108,9	109,5
Семипалатинск.	116,2	109,3
Семиречинская	117,6	—
Уральская	110,1	104,0

Из таблицы видно, что наши исчисления по данным ЦСК для 1914 года и переписи 1917 г. значительно расходятся лишь в немногих случаях. ЦСК, повидимому, преувеличил значение промыслового отхода мужчин для ряда земледельческих губерний, а также значение иммиграции бессемейных мужчин для Приморской области и двух степных губерний. В остальном цифры очень близки и часто дают поразительные совпадения.

Как правило, численность мужчин значительно отстает от женской в губерниях с промысловым отходом (Владимирская, Калужская, Костромская, Московская и др.) и близка к последней в земледельческих губерниях. В местах иммиграции—Сибири, Степном крае, на Юге России,—наоборот, наблюдается численный перевес мужчин.

Для губерний, где отсутствуют соответствующие данные 1917 г., я пользуюсь цифрами ЦСК Мне дает на это право установленная близость их к первым.

Имея в руках коэффициенты для исчисления мужского населения по численности женского, можно приступить к преобразованию величин, установленных Всероссийской сельскохозяйственной переписью 1916 года.

Здесь прежде всего возникает вопрос, как получить числа, сравнимые с опубликованными результатами демографической переписи 1920 года и исчислением населения сельских местностей на 1923 год, а с другой стороны, с результатами переписи 1897 года. Не следует забывать, что перепись 1916 года была сельскохозяйственной и имела непосредственной задачей исчисление сельскохозяйственного населения, не совпадающего с населением сельских местностей, численность которого установлена как переписями 1897 и 1920 г., так и исчислением отдела демографии ЦСУ на 1923 год.[1]

При поуездных сопоставлениях мы беспомощны, не будучи в состоянии дополнить для 1916 года численность сельскохозяйственного населения прочим населением, проживавшим в сельских местностях. Но в погубернских итогах переписи 1916 года дело обстоит иначе. Здесь введены новые графы, в которых приводится численность „необследованного по сообщениям местных переписных учреждений" населения, и при том отдельно для сельских местностей и для городов.

Дополнение это было вызвано обычными трудностями точного и однообразного для всех мест определения понятий, которыми оперирует статистика. Понятие „сельскохозяйственного" предприятия и сопряженного с ним „сельско-

[1] См. Статист. Ежегодник ЦСУ за 1922—23 г.

хозяйственного" населения толковалось местными переписными учреждениями по-разному, что и привело к некоторым невязкам, затруднявшим сравнения.

Города в собственном смысле слова исключались повсюду, хотя в некоторых губерниях в пределах городской черты были переписаны хозяйства, имевшие скот и посевы, при чем некоторые мелкие города чисто сельского типа были переписаны сплошь. В 15 из 49 губерний все население, кроме городского, было включено в перепись; в остальных производились дальнейшие сокращения объема переписи, при чем пределы этих сокращений весьма различны. Из переписи исключались, кроме городов: полоса отчуждения железных дорог, не входившие в состав волостей поселения городского типа, посады, слободы, местечки; далее, в некоторых губерниях не подвергались переписи поселки при фабриках, заводах, рыбачьи поселения, дачные местности и т. п.; остались также не переписанными целиком или частью волости и отдельные селения, в которых сельское хозяйство играет незначительную роль.

Все это вызвало необходимость пополнить данные переписи сведениями о непереписанном населении с разделением его на сельское и городское. Сведения эти были получены центральной переписной комиссией от тех же местных учреждений, которые руководили переписью, при чем последние частью добывали их из официальных источников, частью собирали при самом производстве переписи; для некоторых городов и иных поселений были сообщены данные производившихся в них за последнее время специальных переписей.[1]

Всего по Европейской России (без Ставропольской губернии) переписью 1916 года было насчитано сельскохозяйственного населения обоего пола 84.703.590 чел., „необследованного" же населения установлено в сельских местностях 3.080.520 человек, что составляет 3,5% переписанного сельскохозяйственного населения,—величина, следовательно, относительно небольшая.

В своих исчислениях я, однако, использую ее, чтобы сделать величины 1916 года возможно более сравнимыми с данными для 1897 года, с одной стороны, и данными для 1920 и 1923 годов—с другой.

Дальнейшие вычисления сводились к следующему.

Сначала, пользуясь приведенными коэффициентами относительного числа мужчин на 100 женщин, я вычислял, какое число женщин соответствует количеству „необследованного" населения сельских местностей, которое в опубли-

---

[1] См. текстовую часть „Предварительных итогов всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года". Вып. I Петроград. 1916 г., стр. XXXV.

кованных „предварительных результатах" переписи приводится без разделения по полу. Присоединяя полученные величины к погубернским итогам переписанных женщин, я получил численность всего женского населения сельских местностей в 1916 году.

Численность соответствующего ему мужского населения я установил, перемножая численность женского населения на полученные по данным переписи 1917 года коэффициенты относительного количества мужчин на 100 женщин.

После этого оставалось сложить полученные величины и отнять от этой суммы число беженцев, зарегистрированных в соответствующих губерниях, за вычетом осевших в городах; таким образом, удавалось получить со значительным приближением численность обычного населения сельских местностей для 1916 года, считая в том числе и ушедших на войну и исключая случайный, наносный элемент—беженцев и военнопленных.

Величины эти по приведенным выше соображениям должны быть весьма близки к численности сельского населения в 1914 году и дают возможность провести сопоставления с результатами предшествующей и последующих переписей.

Начинаю с первого сопоставления данных 1916 года с исчислениями ЦСК для 1914 г. и данными переписи 1897 г. Сопоставление с результатами последующих переписей возможно лишь при условии пересчета цифр 1916 года на площади новых, пореволюционных административных делений, о чем речь впереди.

Пока привожу сопоставление полученных мною величин для 1916 года с данными переписи 1897 г. и исчислениями ЦСК на 1-е января 1914 года. Районирование при этом произвожу применительно к районам ЦСУ (см. табл. на 38 стр.).

Расхождения между исчислениями ЦСК на 1914 год и нашими по переписи 1916 г., как указано выше, об'ясняются недоучетом ЦСК миграции населения.

Цифры ЦСК для губерний Европейской России повсюду превышают наши, за исключением губерний Петроградской и Харьковской, где близость крупных городских центров действовала на население притягивающим образом,[1] и Оренбургской губернии, очевидно, продолжавшей привлекать переселенцев и после 1897 г.

[1] По данным переписи 1916 г. в Петроградской губернии числится на 679.934 души земледельческого населения 118.633 души „необследованного" населения сельских местностей, т.-е. населения фабричных, дачных поселков, местечек и т. п.; в Харьковской губ.—на 2.571.662 души земледельческого—102.000 душ „необследованного" населения; здесь, следовательно, прирост пошел в значительной степени на население, отнесенное переписью к земледельческому.

ОБЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЕЙ

Районы	ГУБЕРНИИ И ОБЛАСТИ	По переписи 1897 г.	По исчислению ЦСК на 1/I 1914 г.	Исчислен. по переписи 1914 г.*	Прирост населен. с 1897 г. по 1916 г. в проц. к 1897 г.	Разница между насел. исчисл. для 1914 г. и 1916 г. в проц. к нас. 1914 г.
Северный	Архангельская	317.220	425.500	385.472	21,5	+9,4
	Вологодская	1.386.950	1.750.400	1.690.729	21,9	+3,4
	Олонецкая	342.303	429.500	398.689	16,4	+7,1
Северо-Западный	Петроградская	712.544	807.600	860.985	20,8	—6,6
	Новгородская	1.307.986	1.561.400	1.490.833	13,9	+4,5
Западный	Витебская	1.282.746	1.626.900	1.264.493	—1,4	+22,2
	Могилевская	1.561.289	2.200.700	1.670.716	7,0	+24,1
	Смоленская	1.432.682	1.944.600	1.835.589	28,1	+5,6
Центр.-Промышленный	Тверская	1.663.063	2.214.900	1.897.600	14,1	+14,3
	Ярославская	930.037	1.090.100	1.075.572	15,6	+1,3
	Костромская	1.335.340	1.683.600	1.637.058	22,5	+2,7
	Владимирская	1.386.950	1.750.400	1.690.729	21,9	+3,4
	Московская	1.333 752	1.691.100	1.599.686	19,9	+5,4
	Нижегородская	1.459.957	1.886.900	1.839.111	25,9	+2,5
Центр.-Земледельч.	Тульская	1 266.393	1.661.100	1.545.480	22,0	+6,9
	Рязанская	1.661 417	2.573.900	2.115.388	27,3	+17,8
	Орловская	1.826.131	2.441.700	2.236 640	22,4	+8,4
	Тамбовская	2.490.756	3.225.600	3.194.710	28,2	+0,9
	Пензенская	1.353.655	1.724.500	1.706.849	26.1	+1,0
	Курская	2.196.901	2.966.100	2.657.445	20,9	+10.4
	Воронежская	2.372.348	3.423.500	3.259.264	37,3	+4,7
Волжско-Камский	Вятская	2.991.883	3.862.700	3.553.587	18,7	+8,0
	Пермская	2.826 953	3.753.700	3.570.811	26,3	+4,8
	Казанская	2.014.732	2.586.900	2.439.430	21,0	+5,4

ОБЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЕЙ

Районы	ГУБЕРНИИ И ОБЛАСТИ	По переписи 1897 г.	По исчислению ЦСК на 1914 г.	Исчислен. по переписи 1916 г.	Прирост населен. с 1897 г. по 1916 г. в проц. к 1897 г.	Разница между насел. исчисл. для 1914 г. и 1916 г. в проц. к нас. 1914 г.
Средне-Волжский	Уфимская . . .	2.114.83	2.911.300	2.868.214	35,6	+1,4
	Симбирская . . .	1.442.579	1.916.300	1.775.571	23,1	+7,3
	Саратовская . .	2.107.280	2.751.300	2.642.518	25,4	+3,9
	Самарская . . .	2.603.041	3.558.600	3.255.860	25,1	+8,5
Нижне-Волжский	Астраханская . .	862.392	1.128.000	1.079.911	25,2	+4,2
Дон и Предкавказье	Донская область . . .	2.309.922	3.458.800	3.246.458	40,5	+6,1
Украина Правобережная	Киевская	3.126.486	3.929.200	3.564.318	14,0	+9,2
Украина Левобережная	Черниговская . .	2.114.510	2.794.700	2.472.300	16,9	+11,5
	Полтавская . . .	2.523.268	3.388.700	2.914.778	15,5	+13,9
	Харьковская . .	2.142.209	2.880.400	2.897.138	35,2	—0,5
Украина Юж.-Степной р.	Екатеринославская . .	1.862.960	2.939.000	2.757.046	47,9	+6,1
Западная Сибирь	Тобольская . .	1.352.086	1.902.200	2.042.420	51,1	—7,3
	Томская	1.800.589	3.647.000	4.161.504	131,1	—14,1
Восточная Сибирь	Енисейская . . .	500.897	847.500	978.325	95,3	—15,4
	Иркутская . . .	446.121	636.600	675.693	51,4	—6,1
	Забайкальская .	627.245	801.400	772.670	23,1	+3,5
	Амурская	87.055	181.100	283.177	225,2	—56,3
	Приморская . . .	170.034	406.900	386.506	127,3	+5,0
Казакстан	Оренбургская . .	1.460.015	1.903.600	2.011.572	37,7	—5,6
	Акмолинская . .	604.888	1.317.100	1.343.649	122,1	—2,0
	Семипалатинская	630.104	796.600	851.768	35,1	—6,9

Наоборот, в Азиатской России мы наблюдаем обратное соотношение: наши исчисления, по переписи 1916 года во всех случаях, кроме двух, превышают величины, приводимые для 1914 года ЦСК и при том иногда весьма значительно. Объясняется это, повидимому, недоучетом иммиграции, вкравшимся в исчисления ЦСК[1]. Исключение составляет Приморская и Забайкальская области, для которых цифры ЦСК оказались несколько преувеличенными сравнительно с нашими данными.

Крайне любопытно сопоставление недоучета миграции населения, допущенного ЦСК, с ростом городов Европейской России за тридцатилетие 1897—1917 г. По 36 губерниям Европейской России за тридцатилетие 1897—1917 г. исчисление сельского населения, произведенное ЦСК, дало итоговую величину, превышающую полученную мною по переписи 1916 года на 5.866.195 человек, а по 31 губерниям, вошедшим в состав РСФСР,—на 4.539.695 человек.

Недоучет ЦСК иммиграции в губернии и области Азиатской России, для которых приведены данные в нашей таблице, выразился в сумме около 960.000 душ.

Разница между переучетом ЦСК для Европейской России и недоучетом для Азиатской должна находить себе объяснение, главным образом, в росте городов Европейской России, так как эмиграция за океан падает преимущественно на Западные области, не вошедшие в состав СССР.

Если мы скинем с 5.866.195 человек, составляющих переучет ЦСК для сельских местностей Европейской России, его недоучет иммиграции в Азиатскую Россию, то получим величину в 4,906.195 человек; скидывая пропорциональную часть с 4.539.695 человек, приходящихся на территорию РСФСР, имеем разницу в 3.797.615 человек, очевидно, переселившихся преимущественно в городские центры.

Сопоставление этих величин с приростом городского населения РСФСР подтверждает это предположение.

Численность населения городов Европейской России без Украины, Юго-Востока и Белоруссии, согласно данным переписи 1897 и 1917 г.г., возросла с 6.729,7 тысяч до 10.546,0 тысяч, т. е. на 3,816.300 человек. [1]

Близость этой величины к итоговой переучета ЦСК сельского населения РСФСР по охваченным нашим исследованием 28 губерниям подтверждает нашу гипотезу и вместе с тем доказывает, что полученные нами числовые вы-

---

[1] Как известно, регистрация переселенцев всегда велась на железнодорожных пунктах; между тем всегда имел место поток „самовольных" переселенцев по колесным путям.

[2] См. статью О. А. Квиткина в бюллетене ЦСУ № 77—„Население городов европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920 и 1923 г.г.", стр. 12.

ражения населенности сельских местностей России можно принять для 1914 г.

В мою задачу не входит останавливаться более подробно на сопоставлении величин ЦСК для 1914 г. и моих для 1916 г. Исключительно большая разница между ними по Витебской и Могилевской губерниям, может быть объяснена отливом из них в 1916 году коренного населения вследствие близости фронта (беженство).

За ними по величине расхождения следуют губернии Полтавская, Черниговская, Курская с сильно развитым переселенческим движением, а также Тверская и Рязанская, всегда отличавшиеся усиленным оттоком населения в столицы. Для остальных разница не достигает 10% величины ЦСК.

Перехожу к сопоставлению численности населения сельских местностей по переписи 1897 года и моему исчислению для 1916 года.

Вглядываясь в цифры, мы замечаем значительные постоянства в соотношении этих величин. Если откинуть области иммиграции—юг России, Сибирь и Степной край, а также прифронтовые и, следовательно, нетипичные губернии —Витебскую и Могилевскую, то в остальных „старожилых" губерниях обнаружим довольно устойчивые коэффициенты прироста сельского населения; они вообще невелики и в большинстве случаев колеблются в пределах 15—25 проц., иногда немного не достигая или незначительно превосходя эти пределы.

Если мы сопоставим этот прирост с движением населения всей страны, которое за двадцатилетний промежуток (1890—1910 г. г.) увеличилось на 36,4 проц. (с 117,787.500 до 160.748.400 жителей), то должны будем признать наличие в русской деревне условий, тормозивших рост населения и выталкивавших избытки его в города и места колонизации. Наши данные о приросте населения в южной степной области и Азиатской России вполне согласуются с тем, что мы знаем о русском переселенческом движении.

Теперь я перехожу к наиболее трудной части нашего исследования.

Нам предстоит сделать скачок через годы революционного урагана и гражданской войны и сопоставить численность сельского населения, как она установлена нами для 1916 г., с результатами переписи 1920 года, заканчивающего собой период революционных войн.

Трудности этого сопоставления весьма значительны. С одной стороны, за указанный промежуток времени произошла радикальная перестройка административных делений: были образованы новые губернии, области, возникли новые государства, не сохранилось ни одной губернии, границы

которой не подверглись бы более или менее значительным изменениям.

Это вынуждает и нас перекроить все данные о численности населения в дореволюционный период, чтобы сделать возможным сравнение с дореволюционной населенностью.

С другой стороны, самый объем переписей 1916 и 1920 годов различен. Как уже было указано раньше, в 1916 году, согласно плану, перепись должна была охватить собственно лишь население, занимавшееся сельским хозяйством; но местные переписные органы довольно произвольно расширяли ее объем, что вызвало решение центральной переписной комиссии в целях получения сравнимых величин дополнить данные переписи исчислением непереписанного населения как сельского, так и городского.

Использовав данные о непереписанном населении сельских местностей, я получил величины, сопоставимые с численностью сельского населения по переписи 1897 года; последней к городскому населению было отнесено лишь население городов в юридическом смысле, т. е. поселений с городским управлением, к которым были присоединены также и некоторые сельские, являвшиеся уездными и окружными административными центрами. В 1916 же году переписные органы также выделили в состав городского население городов в юридическом смысле этого слова, а также население посадов, что и делает исчисленные нами для этого года величины сравнимыми с данными 1897 года.

В 1920 году дело обстояло иначе.

Здесь понятие городского населения было значительно расширено. Перепись 1920 года относится к городским поселениям: 1) все губернские и уездные города и все поселения, имеющие городские и поселковые советы, с их пригородами, 2) поселки при фабриках и заводах, железнодорожных станциях и речных пристанях и в полосе отчуждения железных дорог, если население их составляет не менее 500 душ; 3) дачные поселки и курорты, имеющие не меньше 500 жителей; 4) в исключительных случаях и иные населенные места, хотя бы находящиеся в ведении сельских советов, если население их достигает не менее 2.000 душ и притом занимается преимущественно не сельским хозяйством, а торговлей и промышленностью.

Таким образом, понятие городского населения переписью 1920 года сравнительно с переписями 1897 и 1916 г.г. сильно расширено: если последние приводят *численность населения городов*, то первая дает величину *городского населения*, проживающего не только в городах, но и поселениях городского типа.

Это приводит, очевидно, к сужению понятия сельского населения и вместе с тем крайне затрудняет интересующее

нас сравнение. Если мы в данных переписи 1916 года скинем с численности сельского населения „непереписанное" население, то и в этом случае мало приблизимся к истинным величинам сельского населения, как оно толкуется переписью 1920 года. В самом деле, с одной стороны, мы знаем, что самое это дополнение было вызвано не одинаковым толкованием понятия „сельское население" местными переписными органами; с другой стороны, у нас нет никаких оснований предполагать, что перепись 1920 года не отнесла в категорию сельских местностей некоторых поселений, причислявшихся до революции к городам и посадам, по признаку основного занятия большинства их населения в 1920 году, когда торговля и промышленность, как известно, находились в сильном застое.

Помимо этого, не следует упускать из виду, что для приведения цифр 1916 года в сравнимый вид с данными переписи 1920 года я вынужден был, как будет указано дальше, производить пересчет первых на новые административные деления 1923 года; при этом невозможно было установить, какая часть „непереписанного" населения приходилась на ту часть дореволюционных административных делений, которая вошла в состав пореволюционных.

У меня не было уверенности, что, относя к последним пропорциональную территории часть сельского населения, я делал большую ошибку, чем в случае отнесения к ним соответствующей части учтенного переписью сельского плюс „непереписанного" населения.

Изложенные соображения заставили меня отказаться от преобразования величин, полученных мною для 1916 года, и попытаться сопоставить их с данными переписи 1920 года, учитывая при этом меньший объем последней для сельских местностей.

В дальнейшем мы увидим, что это не помешало выявиться крайне интересным соотношениям, указывающим на характер движения населения в начальный период русской революции.

Мною уже было указано, что для приведения величин, относящихся к 1916 году, в сравнимый с данными 1920 года вид, необходимо было перекроить их сообразно пореволюционному административному делению,—задача очень не легкая; мне удалось выполнить ее далеко не для всех подразделений территории СССР, вследствие чего наше сопоставление не имеет исчерпывающего характера.

Обильный материал для сравнения административных делений в до-и пореволюционное время дает книга С. И. Сулькевича „Административно-политическое строение

СССР».[1] В ней, однако, не имеется исчислений площадей, вошедших в новую разверстку территории.

По материалам, предоставленным мне В. П. Ефремовым,[2] я произвел исчисление площадей новых административных единиц на 1923 год, а вместе с тем и исчисление соответствующей им численности населения 1916 года. Я останавливаюсь на 1923 годе, так как для него произведены отделом демографии ЦСУ пересчеты данных переписи 1920 года, а также исчисление сельского населения на 1923 год.[3]

Вычисление мною было произведено поуездно, при чем в случаях, когда в состав новых административных делений входили лишь части бывших уездов (или округов), я вводил в состав населения нового административного деления пропорциональную им часть сельского населения, исчисленного по переписи 1916 года.

Вычисленные мною площади я сопоставил с площадями административных делений на 15 марта 1923 года, опубликованными в Статистическом Ежегоднике ЦСУ 1922—23 г. В случаях значительных расхождений я дальнейших исчислений не производил и от сравнения отказывался. В случаях же, когда вычисленные мною площади оказывались очень близкими к приведенным в Статистическом Ежегоднике 1922—23 г., я изменял вычисленную мною населенность пропорционально обнаруженной разнице площадей.

Таким образом, в значительной степени элиминировались возможные погрешности в исчислении территорий соответствующей им населенности в 1916 году.

В нижеследующей табличке привожу результат моих вычислений, сопоставляя их с данными ЦСУ для 1920 г. (по Статистическому Ежегоднику 1922—23 г.).

Административные деления в ней расположены в порядке возрастания прироста сельского населения в 1920 г. сравнительно с 1916 г. Для приведения населения 1920 года в сравнимое состояние с данными для 1916 года я исчисляю для него обычное население, увеличивая численность мужчин соответственно проценту находившихся в Красной

[1] Ленинград, 1924 г. ч. I по материалам Народного Комиссариата внутренних дел.

[2] Меня выручила из затруднения любезность члена коллегии ЦСУ В. П. Ефремова, под руководством которого производятся работы по изучению территориальных изменений административных делений для нужд ведомств государственной статистики. В. П. Ефремов дал мне возможность воспользоваться предварительными данными этой работы, в которых приведены на целый ряд сроков площади, отторгнутые от прежних губерний и вошедшие в состав новых административных единиц, выраженные в частях уездов, к которым они относятся. Данные эти лишь предварительные и нуждаются в проверке.

[3] См. Статистический Ежегодник 1922 – 23 года.

армии, который легко установить по опубликованным материалам сельско-хозяйственной переписи 1920 года.

Сельско-хозяйственная перепись производилась летом 1920 года, т. е. в срок, близкий к окончанию гражданской войны; поэтому зарегистрированное ею сельское население со включением находившегося в армии можно считать довольно близким к действительной величине обычного населения сельских местностей к этому сроку.

Не следует забывать, что и для 1916 года я беру обычное население со включением ушедших в армию. Следовательно, без включения в цифры 1920 года мужского населения, находившегося в Красной армии, мы вообще не в состоянии произвести желательного нам сравнения. (См. табл. на 46 стр.).

Вывод, к которому мы приходим на основании этого сопоставления, многим может показаться неожиданным и возбуждающим сомнения. Несмотря на то, что объем переписи сельского населения в 1920 году, как указано выше, был меньше такового в 1916 году, когда к сельским местностям был отнесен целый ряд поселений, причисленных в 1920 году к городским, сопоставление наше обнаруживает прирост сельского населения на обширной территории, включающей в себе области, находившиеся во время внешней и гражданской войн в самых различных условиях.

Принимая во внимание меньший объем переписи сельского населения в 1920 году, сравнительно с 1916 мы, в сущности, должны признать почти не изменившейся населенность деревни даже в таких губерниях, как Орловская, Полтавская, Вотская область, Новгородская, где величины для 1920 года составляют от 98 до 100 проц. населения, исчисленного для 1916 года. Далее следует 19 губерний и областей, в которых наше сопоставление обнаруживает прирост населения и притом иногда весьма значительный, несмотря на явное преуменьшение данных 1920 года, процент этого прироста доходит до 14,9 в Ярославской губернии и даже 43,4 в республике Немцев Поволжья.

Более или менее значительная убыль сельского населения произошла лишь в 10 из 34 губерний и областей, охваченных нашим сопоставлением.

Как объяснить все эти изменения?

Прирост населения сельских местностей за первые годы революции может быть объяснен прежде всего притоком в них городского населения.

Это был период голода в городах, когда вследствие общей хозяйственной разрухи и весьма значительного сокращения промышленности и торговли городское население оказалось в крайне тяжелых материальных условиях существования, что и вызвало своеобразное бегство из горо-

Губернии, области и республики	Население сельских местностей (обычное)		Население сельских местностей в 1920 г. в % % к населению 1916 г.
	1916 г.	1920 г.	
Московская	1949868	1727531	88,5
Владимирская	1290836	1148495	88,9
Донская	1433854	1277215	89,0
Тюменская	1030422	921468	89,4
Харьковская	2265832	2073892	91,5
Нижегородская	2300049	2171548	94,4
Костромская	721075	685634	95,1
Вологодская	967004	920769	95,2
Гомельская	1844003	1793674	97,2
Ленинградская	933466	909220	97,4
Орловская	1501855	1472145	98,0
Полтавская	2776638	2726737	98,2
Вятская	699309	686631	98,3
Пензенская	1993085	1989854	99,8
Новгородская	863519	862885	99,9
Иркутская	576835	598294	102,8
Калужская	977783	1009277	103,2
Саратовская	2575663	2663853	103,4
Смоленская	2022683	2112953	104,4
Архангельская	310346	326750	105,2
Черниговская	1564087	1657236	105,6
Рязанская	2290177	2437186	106,4
Тамбовская	2348388	2526108	107,5
Северо-Двинская	576905	622065	107,8
Башкирская	2699176	2930253	108,5
Тульская	1421182	1542241	108,5
Омская	1331986	1446087	108,5
Витебская	1184197	1290160	108,9
Сибирская	1300647	1417688	108,9
Череповецкая	574087	632664	110,2
Тверская	1746797	1928825	110,4
Енисейская	997586	1102406	110,5
Ярославская	995120	1143761	114,9
Немцев Поволжья	432962	621172	143,4
Всего	48497422	49365672	101,7

дов в деревню. При этом бежало не только население больших городов, но и городских поселений в широком смысле слова; провинциальные промышленные и фабричные поселки должны были оказаться в положении подчас еще более тяжелом, чем крупные города, имевшие возможность привлечь необходимое им продовольствие.

Голодающее городское население спасалось от голода туда, где ему представлялась большая возможность поддержать свое существование; следовательно, либо на родину к родственникам, проживавшим в деревне, либо в те губернии, которые всегда славились обилием продовольствия.

Первым соображением объясняется прирост населения в таких губерниях, как Ярославская, Тверская, Череповецкая, Витебская, Северо-Двинская, Тульская, Рязанская, Архангельская, Смоленская, Калужская (бегство на родину столичного и вообще городского населения промышленных центров и поморов).

Вторым — объясняется сильный приток населения в Немкоммуну, Симбирскую, Тамбовскую, Черниговскую, Саратовскую губернии, Башкирию и Сибирские губернии: Омскую, Енисейскую, Иркутскую.

Помимо этого, численность сельского населения могли в 1920 году увеличить также беженцы с фронта, которые были нами скинуты со счета при исчислении обычного населения в 1916 году и о времени возвращения которых на родину мы сведениями не располагаем.

Впрочем, у нас нет достаточно оснований резко отделять беженство с фронта и из городских поселений, так как причина была общая — невозможность пребывания на месте прежней оседлости. О сроках же возвращения тех и других на место прежнего жительства мы сведениями вообще не располагаем; более или менее значительная их часть могла остаться в новых местах на очень долгий срок и даже приобрести в них постоянную оседлость.

Убыль населения в северных губерниях, далеко отстоящих от столиц (Тюменская, Вологодская), находит себе объяснение в отсутствии сколько-нибудь значительного прилива населения из городских поселений и разрушающим влиянием войны (в частности, сокращение рождаемости). Сельское население промышленных губерний: Московской, Ленинградской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, должно было находиться в положении, напоминающем положение городского, и имело те же мотивы к бегству из насиженных мест.[1] Убыль населения в Донской и Харьковской

[1] Впрочем, именно в этих губерниях разница в цифрах для 1916 и 1920 годов может быть объяснена в значительной степени меньшим объемом исчисления для 1920 года, так как именно здесь численность промыслового населения, отнесенного в 1920 г. к городскому, должна быть особенно велика.

губерниях находит себе объяснение во влиянии гражданской войны.

Однако, как видно из нашей таблицы, губернии с убылью сельского населения—в меньшинстве, и в общем и целом население сельских местностей за время мировой войны и первый период революции возросло.

Погрешности нашего исчисления не могут быть значительны. Уязвимым местом их является невязка площадей административных делений, исчисленных мною и опубликованных в Статистическом Ежегоднике 1922—1923 г. ЦСУ.

Однако, если даже допустить, что невязка эта повлияла на точность исчисления, не следует забывать, что в случаях значительных расхождений я отказывался от вычислений, и в нашу таблицу внесены лишь те случаи, где разница эта невелика и, следовательно, не могла существенно повлиять на результаты исчислений.

Чтобы не быть голословным, привожу в нижеследующей табличке разницу между моими исчислениями территории и данными отдела демографии ЦСУ для случаев, когда разница эта оказалась больше одного процента площади по данным ЦСУ.

Губернии и республики	Прирост населения в 1920 г. сравнительно с 1916 г. в °/₀₀ к населению 1916 г. (мое исчисление)	Преувеличение моих исчислений территории над площадью, привед. в Стат. Ежегод. 1922/23 г.
Черниговская	5,6	6,1
Тамбовская	7,5	1,2
Северо-Донская	7,8	2,6
Московская	8,5	3,9
Витебская	8,9	1,2
Сибирская	8,9	3,9
Тверская	10,4	1,9
Ярославская	14,9	6,4
Немцев Поволжья	43,4	6,3

Таким образом, если мною даже допущена погрешность в вычислениях, она все же настолько незначительна сравнительно с установленным приростом населения, что не может сколько-нибудь существенно повлиять на наши выводы. Исключение составляет лишь Черниговская губерния.

Исключительно большой прирост сельского населения республики Немцев Поволжья привлекает к себе особенное внимание. Если даже скинуть с цифры прироста возможный процент ошибки, остается прирост, равный 37% населения 1916 года. Чем это объяснить? Выраженный в абсолютной величине, он не так велик,—всего 188.210 душ. Если мы сопоставим его с числом беженцев фронта, осевших в Са-

марской и Саратовской губерниях к концу 1915 года (256.296), и допустим, что после образования автономной республики Немцев Поволжья на территорию ее стали стекаться немцы-колонисты, проживавшие раньше в других местах России, исключительно сильный прирост населения Немкоммуны, быть может, возбудит в нас меньше удивления.

Перехожу к следующему периоду революции, ознаменовавшемуся грандиозным неурожаем и голодом 1921—22года. Он должен был внести весьма значительные изменения в численность населения сельских местностей. Если период до 1920 года был особенно тяжел для городского населения, то теперь роли должны были перемениться. Хозяйственный аппарат страны после окончания гражданской войны стал налаживаться, улучшался транспорт, снабжение городского населения необходимыми средствами существования стало более регулярно и лучше организовано. Наоборот, население деревни было поставлено неурожаем 1921 г. в исключительно тяжелое положение. Поэтому, если революционный период до окончания гражданской войны характеризуется бегством городского населения в деревню, то период 1921—22 г. должен был представлять явление обратное—бегство сельского населения голодающих районов и обратный отлив населения деревни в городские центры.

Попытаемся проследить влияние, оказанное этими факторами на движение сельского населения за период, непосредственно следовавший за окончанием гражданской войны.

Данные, опубликованные ЦСУ в Статистическом Ежегоднике 1922—23 г., дают нам необходимый для этого материал. Как уже указано выше, там приведены численность сельского населения по переписи 1920 года и исчисление его на 15 марта 1923 года, при чем все приурочено к площади административных делений на 15 марта 1923 года—срок всесоюзной городской переписи.

Однако, не следует забывать, что на 1923 год мы имеем здесь только исчисление по ряду признаков, далеко не всегда достаточно надежных. На это указывается в пояснениях к таблицам Статистического Ежегодника ЦСУ. Чтобы исчислить сельское население в 1923 году, отделом демографии ЦСУ были затребованы сведения от местных статистических учреждений, которым рекомендовалось воспользоваться данными волисполкомов и налоговых списков. „Однако, эти сведения в большинстве случаев оказались крайне неточными и несогласованными с данными переписи, так как местные списки содержат сведения о постоянном населении, перепись же 1920 года учитывала наличное население. Поэтому данные волисполкомов обычно преувеличены, тем более, что в налоговые списки крестьяне

стремятся записать побольше едоков (хотя бы и мертвые души) с целью получения всяких льгот.

Некоторые Губотделы поэтому произвели исчисление населения помощью прибавления к цифрам 1920 года естественного прироста по данным ЗАГС. Но эти попытки нельзя признать удачными как по неполноте сведений ЗАГС о числе рождений и смертей, так и вследствие отсутствия данных о демобилизации армии и вообще механическом движении населения. По изложенным соображениям отделу демографии самому пришлось произвести вычисление цифр сельского населения для большинства губерний. При этом за основу брались, конечно, цифры переписи 1920 года. Затем была принята во внимание демобилизация Красной армии в 1921—1922 г. по данным, сообщенным отделом военной статистики. При этом сделано было допущение, что демобилизованные вернулись в те губернии, где они были призваны в ряды армии; конечно, часть их могла осесть там, где их застала демобилизация, или направиться в поисках заработка в другие губернии, но едва ли число невернувшихся в свои родные губернии могло быть сколько-нибудь значительно. Для определения прироста населения отдел пользовался также данными выборочной 5% сельскохозяйственной переписи 1922 года, которые, к сожалению, в ряде губерний мало правдоподобны: движение населения в различных частях территории России носит настолько пестрый характер, что уловить его величину столь грубыми приемами очень трудно. Кроме того, принимались в соображение также данные ЗАГС там, где регистрация актов гражданского состояния имеет сколько-нибудь исчерпывающий объем".[1]

Из этой обширной выписки из текста Ежегодника мы можем заключить о степени точности исчислений отдела демографии ЦСУ и о трудностях, встреченных им в этой работе. Приходится считаться с тем, что перед нами здесь лишь результаты исчисления и притом произведенного при крайне неблагоприятных условиях. Именно поэтому мы не можем обойти другого источника познаний о населенности русской деревни в 1923 году. Я имею в виду издание Народного Комиссариата финансов: „Сельское хозяйство Союза ССР в 1923—24 г.,[2] в котором опубликованы данные, полученные при составлении сельсоветами и волисполкомами налоговых списков для обложения деревни единым сельскохозяйственным налогом. Несмотря на приведенную критику этого источника отделом демографии, мы все же не имеем

[1] См. Статистический Ежегодник 1922—1923 года. Стр. 54.

[2] Народный Комиссариат финансов. Управление „Госналог". „Сельское хозяйство Союза ССР в 1923—24 году". Москва. 1924 г.

достаточных оснований не интересоваться опубликованными в нем данными, тем более, что перед нами здесь не исчисление, а результат непосредственного учета сельского населения.

Мы уже видели, что автор текстовой части пояснений к таблицам отдела демографии опасается преувеличения численности сельского населения в налоговых списках, вызванного специфической заинтересованностью в этом сельских хозяев. Однако, не думаю, чтобы эти преувеличения могли быть очень значительны. В этом убеждает сопоставление налоговых списков с исчислением сельского населения ЦСУ на 1923 год. По подналоговым спискам по всему Союзу во всех хозяйствах (крестьянских, советских и коллективных) числится 107.320,2 тысячи душ; по исчислению же отдела демографии ЦСУ численность населения на тот же приблизительно срок равняется по сельским местностям 111.624,2 тысяч, т. е. на 4% больше.[1] Сопоставление это не оправдывает опасения о значительном преувеличении численности сельского населения в налоговых списках. Налоговые списки составлялись весной 1923 г. и, следовательно, близки по времени к сроку исчисления ЦСУ.

Привожу их цифры параллельно с данными отдела демографии.

Численность населения сельских местностей в 1920 и 1923 г.г. по данным ЦСУ и налоговых списков.

Губернии и республики	Сельское население в 1920 г. (обычное)	Сельск. население в 1923 г. (обычное)		Нас. 1923 г., принимая за 100 населен. 1920 г.	
		Данные ЦСУ	Данные налогов. списков	По данным ЦСУ	По нал. спискам
Челябинская	1.443.097	1 128.400	1.201.572	78,1	83,2
Чувашская	876.128	728.700	739 309	83,1	84,3
Горская	445.776	376.400	479.236	84,4	107,5
Самарская	2.635 294	2 249 000	2.097.998	85,3	79,6
Марксштадтская	621 172	533.800	488 293	85,9	78,6
Симбирская	1.417.688	1.223 200	1.384.121	86.2	97,6
Уральская	462.407	404.300	288.008	87.4	62,2
Саратовская	2.663.853	2 330.220	2.473.335	87.4	92,8
Ставропольская	897 506	799.400	747.835	89.0	85,0
Башкирская	2.930 253	2.654.200	2.190.934	90,5	74,7

[1] См. „Сельское хозяйство Союза ССР в 1923—24 году". Обзор М. П. Красильникова. Стр. VII.

Губернии и республики	Сельское население к 1920 г.	Сельск. насел. в 1923 г.		Насел. 1923 г., принимая за 100 население 1920 г.	
		Данные ЦСУ	Данные налоговых списков	По данным ЦСУ	По налог. списк.
Енисейская	1.102.406	1.112.000	980.913	100,8	88,9
Томская	921.468	937.300	903.064	101,7	98,0
Архангельская	326.750	332.500	333.696	101,7	102,1
Киевская	3 302.872	3.367.800	3 764.457	101,9	113,9
Московская	1.727.531	1.793 100	1.861.265	103,2	107,7
Итого по внесенным в таблицу губерниям и республикам	92.786.181	88.731.700	92.053.744	95,6	99,2
Итого по губерниям и республикам: а) Не собравшим в 1921 г. семян [1]	10.775.574	9.517.600	8.472 813	88,3	78,6
б) С чистым сбором в 1921 г. до 5 пудов на душу населения [1]	8.421.708	7.394.200	7.755.860	87,8	92,1
в) Остальным неурожайным в 1921 г. [1]	24.006.495	23.167.400	24.108.190	96,5	100,4
г) Сибирским [2]	6.602.480	6.534.400	6.213.299	98,9	94,1
д) Европ. России, не охваченным неурожаем 1921 г.	40.858.147	40.123.500	44.229 370	98,2	108,2

Расхождения между данными отдела демографии и налоговых списков весьма значительны, хотя в среднем для внесенных в нашу таблицу административных делений мы имеем сравнительно небольшое превышение налоговых данных над цифрами ЦСУ. Последнее констатирует в общем убыль сельского населения, которая, согласно его исчислениям, почти повсеместна. Между тем по налоговым спискам убыль в среднем очень незначительна, при чем соста-

[1] См. список губерний на стр. 27—28.

[2] Губернии Омская, Тюменская, Иркутская, Алтайская, Енисейская, Томская.

ляется из величин чрезвычайно разнородных. В районе особенно сильного неурожая налоговые списки установили несравненно большую убыль населения, чем исчисления отдела Демографии. Наоборот, для района менее сильно выраженного неурожая мы имеем обратное соотношение. Наконец, для части Европейской России, которой неурожай не коснулся, налоговые списки дают картину значительного прироста сельского населения, между тем как отдел демографии констатирует некоторую, хотя и незначительную убыль. Для Сибири, наоборот, данные ЦСУ более оптимистичны сравнительно с налоговыми.

Чем объяснить эти различия и какому источнику придавать больший удельный вес в исследовании интересующих нас явлений?

Там, где цифры Госналога меньше исчисленных отделом демографии, соображения последнего о тенденции налоговых данных к преувеличению, очевидно, отпадают, и становится более вероятным недоучет отделом демографии влияния факторов, приводивших к уменьшению населения. „Голодобежество" и смертность в пораженных неурожаем районах были, повидимому, выше допущенных отделом демографии. То, что приходилось читать и слышать об ужасах голода, также более вяжется с цифрами Госналога. Что касается Сибири, то относительно нее известно, что в период продразверстки население таежных районов переселялось в более обильные хлебом южные, степные районы, а наряду с этим наблюдались многочисленные случаи реэмиграции в Европейскую Россию, чем, вероятно, и объясняется убыль сельского населения северных губерний Сибири. Наоборот, в лежащей южнее Алтайской губернии налоговые цифры рисуют прирост населения, объяснимый более благоприятным ее положением в продовольственном отношении.

Констатируемый сводкой Госналога, весьма значительный прирост населения в районах Европейской России, не затронутых неурожаем, возбуждает сомнения. Однако, если с выведенных на основании его цифр относительных величин даже скинуть среднюю разницу между его показаниями и данными отдела демографии (3,6%), приняв, что она близка к среднему преувеличению показаний с целью ограждения себя от налога, то и в этом случае остающаяся доля прироста населения все же будет весьма значительна. Остается допустить повышенную рождаемость, сравнительно невысокую смертность и иммиграцию населения из районов, находившихся в бедственном положении. Что касается соответствующих данных отдела демографии, то мы опасаемся, что последний недостаточно учел повышенную рождаемость, обычно следующую после военных периодов, и возможный недоучет числа рождений в период еще не-

налаженной новой регистрации естественного движения населения, а также жизнестойкость населения, закаленного привычными невзгодами и суровой действительностью.

Исключительно большой коэффициент прироста населения, получающийся из цифр Госналога для ряда западных губерний (Гомельская, Полтавская, Брянская, Киевская), а также Харьковской и Горской республики, быть может, следует приписать некоторому недоучету населения переписью 1920 года, происходившей в них при крайне неблагоприятных условиях только-что ликвидированной гражданской войны и близости Польского фронта.[1]

Во всяком случае цифры налоговых списков, выражающие результат непосредственного опроса населения в период полного гражданского мира и налаживавшихся хозяйственных отношений, заслуживают внимания.

Чтобы дать более законченную картину изменений численности сельского населения за время революции, нам остается по местным материалам охарактеризовать эти изменения для тех районов, которые не были охвачены нашим сопоставлением или представляют особенный интерес в отношении действия разрушающих факторов.

Как известно, в Крымской ССР голод 1921—22 года произвел колоссальные опустошения. По утверждению крымского официального издания[2] от голода умерло из 720 с небольшим тысяч населения полуострова не менее 100 тысяч человек, кроме того, происходило выселение спасавшихся от голодной смерти. По данным Крымского ЦСУ численность населения полуострова сократилась за время голода с 720.428 до 579.739 душ, в том числе сельского—с 393.340 до 320.623, а городского с 327.088 до 259.116,[3] что составляет уменьшение в процентах к предшествовавшей голоду населенности 19,5% всего населения Крыма:

на 18,4% сельского „ „
и на 20,7% городского „ „

---

[1] В введении к „Предварительным итогам переписи 1920 г." (труды ЦСУ Т. I Вып. 1-й) отмечаются затруднения, испытанные при производстве ее именно в местах, где разница между цифрами 1920 и 1923 года (по налоговым спискам) оказывается особенно большой.

„Внутренние волнения и шайки бандитов сильно тормозили перепись в *Полтавской* и Тамбовской губерниях, в Башкирии и *нагорной полосе Терской области*". В смежной с Гомельской губернией Белоруссии производство переписи было совсем невозможно вследствие войны с поляками. Близость фронта могла вызвать беженство из Гомельской губернии, которое, быть может, оказало влияние на цифры населенности ее, установленные переписью 1920 года.

[2] „Четыре года Советской власти в Крыму: 1920—1924", Симферополь, 1924 г. Стр. 139.

[3] Там же.

Очень интересны данные Ставропольского Губстатбюро, характеризующие разрушающее действие постигшего Предкавказье неурожая.

По подсчетам Губстатбюро в Ставропольской губернии, в границах 1923 года насчитывалось сельского населения:[1]

Годы	Источники	Обоего пола	Мужчин	Женщин
1916	Перепись	834.485	383.954	450.524
1917	Перепись	919.485	469.935	449.550
1920	Перепись	885.697	349.930	445.767
1921	Выборочн. исслед.	819.008	389.596	429.412
1922	Выборочн. исслед.	672.991	312.446	360.549

В Туркменском районе Ставропольской губернии катастрофа, повидимому, была особенно ужасна: там насчитывалось сельского населения:

В 1916 г.—12.565 душ		в 1920 г. —10.307 душ	
„ 1917 г.—13.155	„	„ 1922 г. — 4.288	„

Самарское Губстатбюро приводит следующие цифры, свидетельствующие о разрушающем влиянии голода в Самарской губернии, где в 1921 г. не собрали даже семян; исчисление произведено путем распространения итогов 10% выборочной сельско-хозяйственной переписи 1922 г.; данные относятся к границам губернии на 1-е января 1924 года.[2]

Убыль сельского населения Самарской губернии к лету 1922 г. сравнительно с данными переписи 1920 года.

Уезды	Абсолютное число	В % %
Самарский	58.156	14,1
Мелекесский	45.866	10,3
Бугурусланский	76.327	12,3
Бузулукский	177.753	32,4
Пугачевский	85.271	22,5
Бланковский	21.366	26,3
Итого по губернии	464.739	18,7

Таким образом, убыль сельского населения по обобщенным данным выборочной переписи 1922 года ближе к цифрам Госналога, чем к данным отдела демографии, хотя годичный естественный прирост населения должен был к 1923 г. значительно сгладить разницу между величинами, проводимыми Губстатбюро и отделом демографии.

Такое же промежуточное положение занимают цифры специального обследования, произведенного в Татарской ССР в феврале 1922 г.

---

[1] Ставропольское Губстатбюро „Итоги (поволостные и уездные) сельхоз. переписей Ставропольской губ. 1916 –1922". Ставрополь 1923 г. Стр. 22.

[2] „Сборник статистических сведений по Самарской губернии". Вып. I. Самара. 1924 г. Стр. 27.

Убыль числа хозяйств и населения сельских местностей [1] в Татарской ССР к февралю 1922 г. в %% к данным переписи 1920 г.

Кантоны	Убыль хозяйств	Убыль		
		Мужчин	Женщин	Обоего пола
Арский	6,54	8,15	1,84	4,67
Бугульминский	14,93	11,25	9,88	10,48
Бунский	15,31	18,70	5,92	11,83
Елабужский и Агрызский	5,99	11,39	4,54	7,56
Лаишевский	7,54	16,77	6,62	11,23
Мамадышский	12,52	16,82	15,32	16,00
Мензелинский	8,14	12,38	6,91	9,47
Спасский	18,28	25,52	18,50	21,64
Тетюшский	25,48	32,24	21,50	26,32
Чистопольский	30,86	39,86	30,38	34,73
Челнинский	20,97	19,08	11,56	15,04
Итого по республике	23,53	27,40	16,51	21,45
	16,17	19,64	12,13	15,53

При этом, однако, мы не должны забывать, что обследование производилось в феврале, когда разрушающее влияние голода еще не закончилось.

Обращает на себя внимание гораздо большая убыль мужчин сравнительно с женщинами.

В Челябинской губернии, где отделом демографии отмечена наибольшая убыль населения, местный источник дает также цифру промежуточную между данными ЦСУ и Госналога.

%%% изменения населения сельских местностей Челябинской губернии с 1920 по 1923 год [2].

Уезды	
Челябинский	78,73
Курганский	68,32
Троицкий	75,51
Златоустовский	78,62
Верхне-Уральский	70,24
Итого по губерниям	81,06

[1] ТССР. Статуправление. „Итоги обследования крестьянских хозяйств ССР в феврале 1922 г." Казань. 1922 г. Стр. 4 - 5.

[2] „Статистический сборник Челябинской губернии за 1920—1923 г." Челябинск. 1923 г. Стр. 66.

В Казакской ССР по местным данным катастрофа голода достигла колоссальных размеров. Кочевые киргизы по всему укладу своей хозяйственной жизни мало приспособлены бороться с невзгодами в неурожайные годы. Запасы кормов у них незначительны, и скот большею частью в течение всего года держится на подножном корму. Отсутствие запасов приводит в голодные годы к массовому падежу скота, а вместе с тем к бедственному положению населения, для которого он является основным источником средств существования.

Поэтому не приходится удивляться, что исключительный неурожай 1921 года создал в Казакстане настоящую хозяйственную катастрофу.

Предварительные итоги произведенной в Казакстане в 1923 году выборочной сельско хозяйственной переписи дают нам возможность ознакомиться с разрушающим влиянием на нее голода [1].

Абсолютная численность сельского населения Западного Казакстана претерпела следующие изменения (по переписям):

Губернии	1917 г.	1920 г.	1923 г.
Оренбургская	679.107	627.140	424.615
Кустанайская	414.909	424.340	280.679
Актюбинская	470.918	430.750	271.392
Уральская	580.461	459.440	309.039
Букеевская	247.220	226.280	206.961
Тургайский уезд . . .	110.013	91.080	57.563
Итого . . .	2.502.628	2.259.030	1.550.249

Здесь сельское население взято в современных границах губерний западной части Казакстане, при чем Актюбинская губерния берется в составе уездов 1923 г., т.-е. без присоединенных ныне к ней Тургайского и Адаевского уездов.

Приведенные числовые данные обнаруживают колоссальную убыль сельского населения, начавшуюся еще до голодного 1921 года и возросшую до колоссальных размеров под влиянием голода.

Убыль хозяйств вызывает предположение, что люди вымирали целыми семьями.

Хотя, быть может, отчасти ее можно объяснить голодбеженством (но куда?!).

---

[1] См. Киргизское ЦСУ „Сельское хозяйство в 1923 году по итогам сельско хозяйственной переписи 1923 года". Вып. 1. Западная Киргизия. Оренбург, 1924 г. Стр. 9—19.

ГУБЕРНИИ	Хозяйств по сравнению			Сельск. населен. по сравнению		
	с 1917 г.		с 1920 г.	с 1917 г.		с 1920 г.
	в 1920 г.	в 1923 г.	в 1923 г.	в 1920 г.	в 1923 г.	в 1923 г.
Оренбургская	—5,4[1]	—27,1	—22,9	— 7,7	—37,4	—32,3
Кустанайская	+4,6[2]	—23,8	—27,2	+ 2,3	—32,3	— 33,9
Актюбинская	+1,4	—32,1	—33,0	— 8,5	—42,4	—37,0
Уральская	—7,4	—31,2	—25,7	—20,8	—46,7	—32,7
Букеевская	+4,3	+ 3,3	— 1,0	— 8,5	—16,3	— 8,5
Тургайский уезд	—7,0	—36,0	—31,2	—17,2	—47,7	—36,8
Итого	—1,9	—25,3	—23,8	— 9,7	—38,0	—31,4

Первое трехлетие, годы гражданской войны, сократили число хозяйств всего на 1,9 проц., а сельское население—на 9,7 проц.

Уменьшение это падает преимущественно на Уральскую и Оренбургскую губернии с казачьим населением и произошло, надо полагать, за счет крупной убыли казаков, массами покидавших станицы и поселки и уходивших за своими атаманами.[3]

Совершенно иную картину представляет следующее трехлетие. За этот краткий промежуток времени голод унес 23,8 проц. хозяйств и 31,4 проц. сельского населения.

Катастрофа не менее, если не более грандиозная, чем средневековые голодовки и эпидемии!

Используемый нами источник не дает прямого ответа на вопрос, какая национальная группа более пострадала от голода. Как известно, население Казакстана состоит из двух основных национальнных групп: киргизов и русских; из последних около одной трети составляют украинцы, остальные—великороссы. В обычных условиях русское хозяйство считалось более устойчивым. Однако, гражданская война и голод резко нарушили эти обычные условия.

Предварительные данные выборочной переписи не дают возможности произвести подсчет признаков по национальным группам. Однако, сопоставляя изменения числа хозяйств и населения по уездам с преобладанием киргизов и русских поселенцев, автор текстовой части цитируемого источника

[1] Прибыло (+).
[2] Убыло (—) в %%.
[3] См. указ. источник, стр. 15.

приходит к заключению, что в общем убыль населения в уездах с преобладающим киргизским населением несколько ниже, чем в тех, где преобладало русское население.[1]

Перехожу к Туркестану.

В исследуемый период разрушающие факторы, сокращающие численность населения, должны были действовать в нем также с чрезвычайной силой.

В Туркестане еще в 1916 году происходили массовые восстания по поводу мобилизаций коренного населения на тыловые работы. Восстания эти жестоко подавлялись. Повстанцы были частью перебиты, частью бежали за границу: в Китай, Афганистан, Персию.

В 1917—1918 г. в Туркестане был страшный неурожай, не уступавший по размерам тому, который в 1921 году постиг Поволжье. „Десятки тысяч хозяйств вымерли, пали сотни тысяч голов скота. По всей стране свирепствовали эпидемии. И в довершение всего край был охвачен ожесточенной гражданской войной, выродившейся в басмачское движение".[2]

Все эти бедствия должны были сильно убавить население Туркреспублики.

Основными источниками, позволяющими судить о происшедших в этом отношении изменениях, являются переписи 1897, 1917 и 1920 годов. Однако, производство последних двух было связано со значительными затруднениями, и материалы их не охватывают всей территории Туркестана.

Сельских местностей Ферганской области перепись 1920 г. совсем не коснулась из-за басмачского движения. Но и остальные области были обследованы не полностью; для неописанных территорий приходилось брать данные сельскохозяйственной переписи 1917 года и даже более ранних источников, так как и материалы 1917 года страдают неполнотой.

Впрочем, возникающие отсюда погрешности, по мнению официального источника,[3] не могут быть велики, так как население неописанных местностей везде составляет небольшой процент: в Самаркандской области—17%, Сыр-Дарьинской—3%, Аму-Дарьинской—10%, Туркменской—8%, Джетысуйской—1%.

Вследствие неполноты материалов переписи 1917 года сравнению поддаются далеко не все местности. Но там, где оно оказалось возможно, обнаружилась почти повсюду громадная убыль населения, при этом в районах с преобладающим кочевым населением, произошло несравненно большее сокращение числа жителей, чем в оседлых.

---

[1] Киргиз. ЦУС. „Сель.-хоз. и 1923 г. по итог. с.-х. переписи", в. I. стр. 16.

[2] См. Статистический Ежегодник 1917—1923 г. ЦСУ Туркреспублики. Ташкент. 1924 г. Стр. 42.

[3] „Отчет о деятельности Совнаркома и Экономического Совета Туркестанской республики на 1-е октября 1922 г." Ташкент. 1922 г. Стр. 41.

По отдельным областям изменения численности населения характеризуются официальным обозревателем следующим образом:[1]

В Аму-Дарьинской области вследствие отсутствия материалов за 1917 год можно произвести сопоставление лишь для одного Чимбайского уезда, где сравнение с данными обследования переселенческого управления, произведенного в 1913 году, обнаружило падение численности населения почти на 40%.

В Джетысуйской области наиболее благополучным оказался Джаркентский уезд; здесь уменьшилось только число мужчин, а число женщин несколько увеличилось, так же как и число хозяйств, что объясняется возвращением части киргизов, откочевавших в Китай после восстания 1916 года. В остальных уездах (кроме бывшего Пржевальского) было в 1920 году зарегистрировано гораздо меньше жителей, чем в 1917 году; по уездам убыль колеблется от 12,5% до 34%.

Сельские местности Сыр-Дарьинской области можно разделить на три части: оседлую—Ташкентский уезд, где был отмечен небольшой прирост населения, полукочевую—уезды: Туркестанский, Чимкентский и Аулиз-Атинский, в которых зарегистрирована убыль от 24 до 35% и кочевую—уезды Ак-Мечетский и Казалинский, где убыль колеблется от 41,5 до 46,5%. Результаты переписи Ташкентского уезда не вызывают сомнений у автора цитируемого обзора. „В трех других голод и эпидемия,—пишет он,—разразились со страшной силой. Вымирали целые аулы. В некоторых прежде многолюдных волостях оставалось всего две-три сотни хозяйств. Откочевать никуда нельзя было, так как пустыни, лежащие в северной части этих уездов, доступны только в зимнее время года и могут дать приют лишь небольшому числу хозяйств". Что касается населения кочевых уездов, то оно „имело возможность в некоторой своей части откочевать либо на юг, в Кызыл-Кум, либо на север—в Кара-Кум и Тургайскую область по хорошо известным ему кочевым дорогам. Относительно Казалинского уезда имеются определенные сведения, что часть отсутствующих хозяйств находилась во время переписи 1920 года вне пределов своих обычных зимовок и вернулась назад, когда появилась снежная трава в старых урочищах". Однако, автор все же полагает, что число таких откочевавших хозяйств не могло быть велико, и принимает, что даже за скидкой его убыль должна была выразиться в кочевой части Самаркандской области в 25%.

---

[1] „Отч. о деят. СНК Турк. респ. на 1—X. 1922", стр. 43 и сл.

Значительная убыль населения должна была произойти также в Туркменской области и не только в связи с голодом, но также вследствие приостановки промыслов Красноводского уезда и гражданской войны.

Что касается Ферганы, где в 1920 году переписи сельского населения не было, то здесь приходится судить об изменениях числа жителей по аналогии с примыкающими уездами смежных областей.

Местные статистики определяют возможную убыль сельского населения Ферганы приблизительно в 25% хозяйств, 28% мужчин и 22% женщин.[1]

Очень интересное сопоставление численности населения Туркестана в 1920 году сравнительно с данными переписи 1897 года приведено в упомянутом мною „Статистическом Ежегоднике Туркреспублики за 1917—1923 г.г.". По обеим переписям приведена численность населения в административных границах 1897 года сначала полностью, потом по городам, для которых приведены сведения по переписи 1897 г., и, наконец, численность остального населения уездов, за вычетом этих сравнимых городов. Таким образом, получаются вполне сравнимые величины для уездов, где перепись 1920 года удалось провести. Привожу результат этого сопоставления в следующей табличке.[2]

Уезды и области в границах 1897 г.	Население уездов Туркестана в 1920 г. в % % к населению по переписи 1897 г.		
	Мужчин	Женщин	Обоего пола
Красноводский	84,3	86,6	85,7
Мервский	125,9	126,8	126,3
Полторацкий	83,5	75,4	79,6
Тедженский	107,9	114,9	110,9
Всего по Туркменск. обл.	105,1	104,4	104,8
Джизакский	42,6	43,9	43,2
Катта-Курганский	107,8	116,9	111,9
Самаркандский	94,9	101,8	98,0
Ходжентский	131,7	141,4	136,1
Всего по Самарканд. обл.	88,8	94,4	91,3
Акмечетский	71,4	74,5	72,9
Аулие-Атинский	69,9	81,0	75,8
Казалинский	57,3	62,3	59,5
Ташкентский	114,6	123,3	120,7
Чимкентский и Туркестанский	88,3	102,9	94,8
Всего по Сыр-Дарьинск. обл.	85,5	95,5	90,1

[1] Цитируемый „Обзор" Стр. 46.
[2] Ср. указ. издание, стр. 5 и сл.

Картина очень пестрая; в одних уездах происходил, очевидно, после 1897 года, сильный прирост населения, которое сравнительно мало пострадало в годы гражданской войны и голода.

В других,—наоборот, прирост населения до революции, повидимому, был не велик, а разрушающие факторы во время последней действовали особенно сильно.

В общем мы имеем небольшой прирост населения по Туркменской области и значительную убыль его даже по сравнению с 1897 годом в Самаркандской и Сыр-Дарьинской.

Заканчивая обзор изменений численности сельского населения СССР за время войны и революции, мы приходим к выводу, что они были весьма разнообразны в зависимости от совокупности действовавших факторов.

В районах, особенно сильно пострадавших от гражданской войны и пораженных неурожаем 1921 года,—Поволжье, Юго-Восток, Крым, Киргизия, Туркестан,—произошла убыль населения, часто весьма значительная: при этом цифры говорят об особенно сильном влиянии голода.

Наоборот, там, где гражданская война не носила особенно острого характера и сильного неурожая не было, повсюду наблюдается увеличение численности сельского населения, частью за счет естественного прироста, частью вследствие иммиграции беженцев из городов и пострадавших местностей. В результате должно было произойти еще более неравномерное распределение населения на территории Союза, чем это имело место в довоенное время.

Нам остается ознакомиться, как повлияли годы мировой войны и революции на численное соотношение населения обоего пола. Данные переписи 1920 года непригодны для изучения этого вопроса, так как гражданская война в это время еще не закончилась и множество взрослых мужчин находилось на фронте.

Исследование поэтому должно быть отнесено к моменту более позднему. Единственным источником общих сведений о численном соотношении полов в сельских местностях после окончания гражданской войны и голода является исчисление сельского населения на 15 марта 1923 г., опубликованное отделом демографии ЦСУ в Статистическом Ежегоднике 1922—23 г.

В нижеследующей табличке приношу взятые из этого источника абсолютные цифры мужского и женского населения по союзным республикам и районам и выведенные на основании их процентные соотношения. Не следует, конечно, забывать, что здесь перед нами лишь исчисление, а не результат переписи, и, следовательно, к цифрам этим необходимо относиться с должной осторожностью.

Сельское население в 1923 году.

Губерний и республик	Мужчин	Женщин	На 100 мужчин женщ. в 1923 году
Всего по СССР	52680300	58943900	111,8
1. РСФСР	39597900	45015900	113,6
а) Европейская часть . . .	26583600	32089900	120,7
б) Юго-Восток	2914100	3250700	111,5
в) Сибирь	4030900	4205200	104,3
г) Дальневосточная обл. . .	703200	675100	96,0
д) Киргизская ССР . . .	2068600	1962100	94,8
е) Туркестанская ССР . .	3297500	2832900	85,9
II. Белорусская ССР . . .	610700	645600	105,7
III. Украинская ССР. . . .	10211100	10996800	107,6
IV. Закавказская федер. . .	2260600	2286600	101,1

Как и следовало ожидать, война и революция привели к относительному сокращению численности мужского населения и притом весьма значительному в районах, захваченных ими особенно сильно.

Нас не удивляет преобладание женского пола в Советском Союзе в период, непосредственно следующий за мировыми событиями последнего десятилетия. Скорее, способно вызвать удивление преобладание мужского пола в 1923 году над женским в Туркестане и Казакской АССР.

Мы знаем, что инородцы не участвовали в мировой войне, и, следовательно, убыли мужчин от войны здесь произойти не могло. Но чем объяснить отмеченное в цифрах отдела демографии сильное преобладание численности мужчин в республиках, заселенных инородцами? Не оказали ли здесь влияние своеобразный уклад жизни и местные нравы, поставившие женщин в период голода в более тяжелые условия сравнительно с мужчинами?

В Дальневосточной области незначительное преобладание мужского пола, в сущности, означает сильную убыль его, так как мы уже знаем, что до войны численное преобладание мужчин над женщинами на Дальнем Востоке было несравненно более значительно.

IV

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР ЗА ВРЕМЯ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Быстрый рост городов и городского населения представляли одно из наиболее ярких явлений социальной жизни в предшествовавший мировой войне период капитализма. Россия в этом отношении не является исключением.

Рост городов в России, как и в других странах, происходил в значительной степени за счет иммиграции сельского населения, прирост которого не в состоянии было поглотить сельское хозяйство. Несмотря на кажущийся земельный простор, и у нас деревня оказалась мало трудоемкой, неспособной производительно занять труд нараставшего населения.

О довоенном росте населения наших столиц мы можем судить по следующим цифрам: в Москве первой городской переписью 1871 г. было насчитано несколько более 600 тысяч чел. населения (601.969). Через 26 лет по всероссийской переписи 1897 года в ней проживало 1.042.629 человек. Накануне мировой войны перепись 1912 года установила в Москве уже 1.617.700 чел. населения. Перед нами—возрастание населения более чем в 2½ раза за сорокалетний промежуток времени.

В. Г. Михайловский, у которого я заимствую эти цифры, утверждает, что до мировой войны Москва по быстроте роста населения превосходила Нью-Йорк и уступала только Буэнос-Айресу. В пятилетие 1897—1902 г. средний ежегодный прирост населения Москвы равнялся 2,49%, в пятилетие 1902–1907 г.—2,84%, а в следующее пятилетие—уже 3,53%.[1]

В Ленинграде переписью 1897 года насчитано 1.264.920 жителей. Исчисление же для середины 1912 года устанавливает для него уже численность населения в 2.035.600.[2]

---

[1] См. ст. В. Г. Михайловского в кн. „Красная Москва", 1917—1920, стр. 51 и сл.

[2] Данные о Ленинграде я заимствую из работы С. А. Новосельского, опубликованной в „Материалах по статистике Петрограда". Вып. 1, 1920 г.

О довоенном росте городского населения во всей б. Российской империи мы можем судить из сопоставления результатов переписи 1897 года с исчислением ЦСК на 1-е января 1914 года.

Исчисления эти для городов были более обоснованы, чем для сельских местностей, так как опирались на данные полицейского учета, а в больших городах—частью также на переписи населения.

Население городов России

	По переписи 1897 г.	По исчислению ЦСК на 1-е января 1914 г.	% % прироста с 1897 по 1914 год
	В т ы с я ч а х		
50 губерний Европ. России	12.064,8	18.348,7	152,0
Кавказ	1.200,2	1 878,0	156,4
Сибирь	496,6	1.193,6	240,3
Средняя Азия . .	934,4	1.607,9	172,0
И т о г о . . .	14.696,0	23.028,2	156,6

Следовательно,—возрастание в общем более чем в полтора раза, а по Сибири—почти в 2½ раза за 17 лет. Составляя по отношению к общей численности населения России сравнительно незначительный процент—15 в 1914 году,—городское население абсолютно достигало у нас численности жителей крупного государства; в 1913 году в Испании было 20.355,9 тысяч населения, в Венгрии – 20.886,4 тысячи, в Турции—21.373,9 тысяч.

О влиянии мировой войны и русской революции на численность городского населения России мы можем судить по данным переписей 1917, 1920 и 1923 годов.

При этом, как и для сельского населения, нам легче сопоставить результаты переписей 1920 и 1923 годов; при исчислении движения городского населения за предшествующее время мы встречаем затруднения вследствие неодинакового объема переписей 1897 и 1917 г.г., с одной стороны, и далеко неполных сведений за 1917 г.—с другой.

В 1897 году вместе с гражданским населением городов был переписан и гарнизон. Попытка переписать гарнизон в 1917 году не удалась, вследствие чего цифры этих переписей не вполне сравнимы. Косвенным образом можно судить об изменении за этот промежуток времени численности населения городов по цифрам женского населения.

В 1920 и 1923 годах расквартированные в городах воинские части послужили объектом самостоятельного учета и в итогах городской переписи не значатся. В этом отноше-

нии, следовательно, переписи 1917, 1920 и 1923 г.г. дают вполне сравнимый материал.

Однако, мы не располагаем опубликованной сводкой результатов переписи городского населения 1917 года, вследствие чего о населенности городов в 1917 году нам приходится судить по разрозненным местным материалам. Были также попытки отдела городской статистики ЦСУ собрать по этому вопросу возможно более полные сведения; они опубликованы в статье заведующего этим отделом О. А. Квиткина в бюллетене № 77 ЦСУ.[1]

Работа эта охватывает лишь европейскую часть РСФСР, притом за исключением Юго-Востока, и, следовательно, не дает нам полной картины населенности городов России в начальный момент революции. Но для охваченной территории О. А. Квиткин производит крайне тщательное сопоставление всех четырех переписей. Автор посчитался с неодинаковым в разное время толкованием понятия города в отношении пригородов и вносит поправки в цифры переписей 1897 и 1920 годов, а также в собранные отделом городской статистики цифры переписи 1917 года, придерживаясь определения, данного понятию пригорода инструкцией к производству переписи 1923 года.

Согласно этой инструкции (§ 3), „перепись распространяется как на селитебную площадь городских поселений, так и на пригороды, официально не включенные в состав городской территории, но примыкающие к городской черте и связанные с ней тесными экономическими узами."

О. А. Квиткин ограничивается далее даже в пределах РСФСР сравнением населенности лишь тех поселений, которые числились городами в 1897 году, так как лишь в этих рамках возможно было собрать, хотя и не без крупных пробелов, материал переписи 1917 года, а с другой стороны, точно установить территориальный состав городских поселений.

Для 1917 года в приводимом О. А. Квиткиным сопоставлении нехватает 62 городов из 358, внесенных в список. Особенно крупным пробелом является отсутствие переписи 1917 года в Ленинграде, для которого приходится пользоваться исчислениями ленинградских статистиков. Для прочих городов, не имевших переписей в 1917 году, население было исчислено по цифрам 1920 года с прибавкой, соответствующей средней по району.

Таким образом, был получен сравнимый материал, приводимый в следующей таблице:

---

[1] Население городов европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920 и 1923 годов в бюллетене ЦСУ № 77, стр. 10 и сл.

Губернии и республики	Сельское население в 1920 г.	Сельск. население в 1923 г.		Нас. 1923 г., принимая за 100 населен. 1920 г.	
		Данные ЦСУ	Данные налоговых списков	По данным ЦСУ	По налоговым спискам
Архангельская	1.152.374	1 043.000	656.589	90,5	56,9
Марийская	424.239	384.500	383.470	90,6	90,3
Татарская	2.826.081	2 563.000	2 284 801	90,6	80,8
Донская	1.277.215	1.173 000	1.129 237	91,8	88,4
Карельская	182.949	168 200	179 636	91,9	98,1
Воронежская	3 170.833	2 967.800	2 954.775	93,5	93,1
Астраханская	259.907	243.600	256 289	93,7	98,6
Курская	2.690.910	2 531.100	2 854.520	94,0	106,0
Ярославская	1.143.761	1.084.200	1.141.698	94,8	99,8
Вятская	680.631	647.400	636.104	95,1	93,4
Тюменская	1.071.491	1.029.600	911.783	95,5	85,1
Петроградская	909.220	869.100	953 312	95,5	104,8
Пензенская	1 989.854	1.906.000	2.057.847	95,7	103.4
Рязанская	2 437.186	2 335.200	2 538.545	95,8	104,1
Екатеринославская	3.048.737	2 934.000	2.882.775	96.2	94,5
Новгородская	862.885	832.300	912.843	96,4	105,7
Царицынская	1 059.024	1.022.000	1 056 603	96,5	99,7
Орловская	1 472.145	1.422.000	1.598 095	96,5	108,5
Смоленская	2 112.953	2.041.000	2 241.281	96,5	106,1
Кубано-Черноморская	2.215.612	2.146.900	2.276.581	96,8	102,7
Калужская	1 009.277	979.500	1.121.880	97,0	111,1
Вологодская	920.769	896.600	946.689	97,3	102,8
Тульская	1.542.241	1 501.000	1.620.309	97,3	105,1
Черниговская	632.664	615.800	692.141	97,3	109,4
Витебская	1.290.160	1 256.300	1 395 760	97,3	108,1
Екатеринбургская	1.531.628	1.491.000	1.694 194	97,3	110,6
Ивано-Вознесенская	654.941	638.200	703.188	97,4	107,3
Тверская	1.928.825	1 881.200	2 025.079	97,5	104,9
Одесская	2.531.298	2.469.900	2 597.564	97,5	102,6
Витская	2 129.592	2.077 300	1.141.482	97,5	100,5
Харьковская	2 073.892	2.024.400	2.349 539	97,6	113,2
Омская	1.446.087	1.413.100	1 409.166	97,7	79,4
Семипалатинская	969.353	951.600	617 623	98,1	63,7
Псковская	1.239.624	1.218.500	1.277 146	98,2	103,0
Иркутская	568 294	589 000	511 626	98,4	85,5
Брянская	1.009.908	994.700	1.150 839	98,4	113,9
Донецкая	1.964.952	1.938.200	2.082 813	98,6	106,0
Владимирская	1 148.495	1 134 000	1.237 219	98,7	107,7
Костромская	685.634	677.600	733.607	98,8	106,9
Пермская	1.529.450	1.511.900	1.428.481	98,8	93,4
Тамбовская	2.526.103	2.499.800	2.540.115	98,9	100,5
Алтайская	1.462.734	1.453.400	1.496.744	99,3	102,3
Полтавская	2.726.737	2 712.400	3.188.813	99,4	116,9
Горская ССР.	231.740	230.700	261 428	99,5	112,8
Черниговская	1.652.236	1.652.400	1.782.915	100,0	107,9
Нижегородская	2 171.548	2.175.000	2.383 205	100,1	109,7
Северо-Двинская	622.065	624.900	633.269	100,4	101,8
Гомельская	1.793.674	1.808.700	2.190.086	100,8	122.1

Население городов европейской части РСФСР[1]

	Группы городов	Число городов	Население							
			В тысячах душ				В отношении к 1897 году, принятому за 100			
			1897	1917	1920	1923	1897	1917	1920	1923
Мужчины	Столицы (Москва и Ленинград)	2	2303,9	4001,3	1674,5	2533,6	100	173,7	72,7	110,0
	Прочие города потребляющ. полосы	194	1854,9	2669,0	2030,3	2339,3	100	143,9	109,5	126,1
	Города производящей полосы	162	2570,9	3875,7	3315,4	3229,9	100	150,8	129,0	125,6
	Всего	358	6729,7	10.546,0	7020,2	8102,8	100	156,7	104,3	120,4
Женщины	Столицы (Москва и Ленинград)	2	1019,0	2134,0	946,8	1333,3	100	209,4	92,8	130,8
	Прочие города потребляющ. полосы	194	889,9	1446,0	1111,7	1242,2	100	162,5	124,9	139,6
	Города производящей полосы	162	1265,8	2072,1	1799,0	1726,5	100	163,7	142,1	136,4
	Всего	358	3174,7	5652,1	3857,5	4302,0	100	178,0	121,5	135,5

[1] См. статью О. А. Квиткина. Стр. 12. У него же заимствовано и большинство следующих сопоставлений, касающихся городов европейской части РСФСР.

Прирост городского населения за двадцатилетие с 1897 по 1917 год весьма значителен: если судить по цифрам женского населения,—на 78 проц. сравнительно с численностью в 1897 году. Для столиц же возрастание более чем вдвое. При этом наблюдалось явление, общее для всей Европы: чем крупнее город, тем значительнее прирост в нем населения. По исчислению О. А. Квиткина, прирост городского населения исследованной им территории составлял:

	Потребляющ. район		Производящ. район		По евр. части РСФСР	
	Все население	Женщин	Все население	Женщин	Все население	Женщин
Для городов с населением более 50 тысяч	64,0%	95,7%	64,8%	84,1%	64,6%	87,5%
От 10 до 50 тысяч	52,7%	67,8%	44,5%	55,0%	47,1%	60,7%
Менее 10 тысяч	28,0%	35,5%	28,7%	35,0%	28,3%	35,3%

Особенно велик был прирост населения столиц за время мировой войны до начала революции. В Москве он достиг огромных размеров: как уже указано было выше, накануне мировой войны переписью 1912 года было установлено в Москве 1.617.700 жителей, по исчислению 20-го ноября в ней оказалось уже 1.983.716 населения, по исчислению же, произведенному 1-го февраля 1917 года, т. е. как раз накануне революции, в ней проживало 2.017.173 человека, со включением же некоторых пригородов даже 2.043.594. Москва к этому времени обогнала Берлин (в городской черте германской столицы), число жителей которого с начала мировой войны упало почти на 200.000 человек—с 2.071.000 по переписи 1910 года до 1.885.000 в 1916 году.[1]

В Ленинграде численность населения определялась местными статистиками к средине

1912 года в	2.035.600 человек[2]	1915 год в	2.314.500 человек
1913 „	2.124.600 „	1916 „	2.415.700 „
1914 „	2.217.500 „	1917 „	2.420.000 „

Следовательно, и здесь мы имеем прирост населения приблизительно в 400.000 душ, составлявший около 20% к населению города в 1912 году, тогда как в Москве по отношению к тому же году он достигал 24% слишком.

[1] В. Г. Михайловский, указан. статья „о Красной Москве".
[2] См. указан. статью С. А. Новосельского в „Материалах по статистике Петрограда", Вып. 1-й, 1920 г., стр. 10.

Значительную часть этого прироста составляли беженцы с фронта. Специальной переписью беженцев, произведенной в Ленинграде 29-го февраля 1916 года, было насчитано 100.704 беженцев, осевших в этом городе.[1] По „предварительным сведениям" о числе беженцев, на 20-е декабря 1915 года в Москве числилось 140.107 беженцев.

Из сопоставления этих величин мы видим, что одним притоком беженцев нельзя объяснить прирост столичного населения во время мировой войны. Очевидно, здесь действовали также иные более общие причины, связанные с повышенным темпом общественной жизни в острый период существования государства; это было время лихорадочного состояния страны, когда оба „сердца" России пульсировали особенно усиленно.

Революция внесла резкий перелом в движение городского населения. Нарушение темпа хозяйственной жизни и острые затруднения в снабжении городов продовольствием имели результатом весьма сильную убыль в них населения как за счет повышенной смертности, так и вследствие оттока городского населения в сельские местности. При этом обычно убыль населения была тем выше, чем крупнее город. Последнее должно быть приписано, главным образом, понижению темпа хозяйственной жизни, связанному с закрытием и сокращением промышленных и торговых предприятий и ростом безработицы, ибо эти явления особенно остро чувствовались в крупных промышленных центрах.

В цитируемой статье О. А. Квиткин характеризует убыль городского населения европейской части РСФСР следующими относительными числами:

Убыль населения городов европейской части РСФСР

Группы городов	С 1917 по 1920 год в %%
Столицы	58,2
Прочие города потребляющей полосы:	
Более 50 тысяч населения	29,3
От 10 до 50 тысяч „	25,3
Менее 10 тысяч „	11,3
Итого	24,0
Города производящей полосы:	
Более 50 тысяч населения	18,8
От 10 до 50 „ „	9,8
Менее 10 „ „	5,8
Итого	14,4

[1] „Перепись беженцев в Петрограде", Петроград, 1916 г., стр. 6.

По европейской части РСФСР без столиц

Более 50 тысяч населения	22,7
От 10 до 50 „ „	16,6
Менее 10 „ „	9,3
Итого без столиц	18,6
Всего со столицами	33,4

Абсолютная убыль населения столиц выразилась в 2326,8 тысяч, а во всех городах европейской части РСФСР, для которых приведены сведения,—в 3525,8 тысяч. Особенно велика была убыль населения Ленинграда, частью в связи с переводом резиденции правительства в Москву.

В Ленинграде насчитывалось:

В 1917 году	2.420.000 населения
„ 1918 „	1.469.000 „
„ 1919 „	800.000 „
По переписи 1920 года	722.229 „

В Москве население сократилось с 1.701.264 жителей по переписи 1917 года до 952.255 по переписи 1920 года. Из сопоставления исчисления на 1-е февраля 1917 года с цифрами переписи того же года (происходившей летом) мы можем заключить, что отлив населения из Москвы начался уже с весны 1917 года, надо полагать в значительной степени в связи с начавшейся аграрной революцией.

Если в начальный период русской революции мы наблюдаем сильное сокращение численности городского населения, то в следующий период, после прекращения гражданской войны, подъем хозяйственной жизни страны вызвал обратный процесс, коснувшийся, впрочем, лишь районов, не охваченных неурожаем 1921 года. В неурожайных районах, наоборот, в общем происходило дальнейшее сокращение численности городского населения, зарегистрированное переписью 1923 года.

По европейской части РСФСР следующие относительные числа характеризуют изменения населения городов за период 1920—1928 года.

Группы городов	Изменения населенности с 1920 по 1923 г. в % к численности населения 1920 г.
Столицы	+50,8
Прочие города потребляющей полосы:	
Более 50 тысяч населения	+ 17,3
От 10 до 50 „ „	+ 12,4
Менее 10 „ „	+ 5,8
Итого	+ 15,2

[1] См. указан. статью О. А. Квиткина.

Города производящей полосы:

Более 50 тысяч населения	— 1,4
От 10 до 50 „ „	— 9,5
Менее 10 „ „	+ 0,4
Итого	— 2,6

В европейской части РСФСР без столиц

Более 50 тысяч населения	+ 2,9
От 10 до 50 „ „	+ 0,4
Менее 10 „ „	+ 3,0
Итого	+ 1,9
Всего со столицами	+ 15,4

В городах потребляющей полосы наблюдается изменение численности населения, противоположное имевшему место в период гражданской войны. Любопытно, что прирост населенности городов происходил здесь с той же правильностью, как и в дореволюционный период: чем крупнее город, тем быстрее возрастало его население; причины, очевидно, были те же, как и действовавшие до революции.

Иной процесс наблюдался в производящей полосе. Влияние неурожая и голод сказались здесь не только в сокращении сельского, но и городского населения. При группировке городов по признаку населенности влияние неурожая носит несколько неожиданный характер; оно проявилось в сильном сокращении населения средних городов по той причине, что они случайно оказались расположенными в голодающих районах. Если мы выделим города пораженной неурожаем области, то зависимость движения городского населения от этого фактора обнаружится более рельефно.

Губернии и области, в которых в 1921 году было собрано меньше 5 пудов на душу сельского населения.[1]	НАСЕЛЕНИЕ		Убыль населения в %% к населению 1920 г.
	В 1920 г.	В 1923 г.	
Все города	1.575.802	1.470.908	6,6%
Большие города, (свыше 50 тысяч населения)	948.503	938.914	— 1,0%
Прочие города	627.299	531.994	—15,2%

[1] Астраханская, Царицынская, Саратовская, Самарская, Башкирия, Челябинская, Татреспублика, Марийская обл., Чувашская, Вотская обл., Симбирская губ.

Как и следовало ожидать, убыль населения в средних и малых городах была в неурожайной области несравненно более велика, чем в крупных городских центрах вследствие большей сопротивляемости последних влиянию неурожая.

В крупных городах концентрировались организации помощи голодающим; связанные железными дорогами с остальной страной, они были более доступны для снабжения продовольствием, чем мелкие провинциальные городки.

Остальные города производящей полосы, находившиеся вне района, пораженного абсолютным неурожаем, дают следующую картину:

Губернии и области производящей полосы РСФСР, в которых урожай 1921 года был выше 5 пудов на душу.[1]	НАСЕЛЕНИЕ		Изменение населенности в %% к населению 1920 г.
	В 1920 г.	В 1923 г.	
Все города	1.739.636	1.758.987	+ 1,1%
Большие города с населением свыше 50 тысяч . .	719.012	742.706	+ 3,3%
Прочие города	1.020.621	1.016.281	— 0,4%

Сравнительно более благоприятное состояние городов в районах, менее затронутых неурожаем или оказавшихся вне сферы его влияния, ясно выражено, хотя и здесь наблюдается та же зависимость от их размеров, как и в области, особенно сильно пораженной неурожаем; причины этого последнего явления, конечно, общие с неурожайной областью.

Как уже указано выше, отделу городской статистики ЦСУ удалось собрать данные о численности городского населения по переписи 1917 года лишь для европейской части РСФСР, да и то не полностью: отсутствуют сведения о городах Юго-Востока и даже многих городов той части Европейской России, для которой опубликованы использованные нами данные.

Пополнить пробелы не так легко. Для сопоставления результатов переписей 1920 и 1923 г. г. мы располагаем материалами, опубликованными в Статистическом Ежегоднике 1922—23 г.; однако, мы уже знаем, что толкование понятия „города" и „городского населения" в обоих случаях было несколько разное, вследствие чего материалы эти нуждаются в некоторых коррективах, внести которые мы не в состоянии. Еще хуже обстоит дело с предшествующим пери-

[1] Губернии: Воронежская, Вятская, Екатеринбургская, Курская, Орловская, Пензенская, Пермская, Рязанская, Тамбовская, Тульская.

одом, вследствие недостатка сведений для 1917 года. Нам остается лишь одно: сравнить численность населения городов, как она определена в Статистическом Ежегоднике ЦСК за 1914 год с данными Статистического Ежегодника ЦСУ за 1922—23 год. Сравнение это может быть, конечно, произведено лишь для тех городов, относительно которых имеются сведения в обоих источниках. В Статистическом Ежегоднике 1914 года это лишь губернские и областные города; в Ежегоднике ЦСУ—лишь города, насчитывающие свыше 10.000 жителей. Не следует, конечно, забывать о разном толковании городской территории при переписях 1920 и 1923 г. г., а также и того, что для 1914 года мы имеем лишь результат исчисления, правда, гораздо более надежного, чем для сельских местностей. Я все же считаю нелишним привести это сопоставление для немногих городов, для которых это оказалось возможным. Не следует придавать особенного значения допускаемым невязкам, так как население, живущее в пригородах и городских окраинах, не составляет столь значительной части городского населения, чтобы, учтенное по-разному, оно могло внести сильные нарушения объема городской переписи. Во всяком случае там, где наши цифры показывают убыль населения городов, мы можем признать, что на самом деле она была еще более значительна, вследствие расширенного толкования понятия „город" при последних переписях.

Население бывших областных и губернских городов.

ГОРОДА	1914 г. на 1-е января (исчисление)	1920 г.	1923 г.	Считая население 1914 года за 100		В 1923 г., считая население 1920 г. за 100
				1920	1923	
Белоруссия.						
Минск	116.700	104.015	110.498	89,1	94,6	106,2
Витебск	108.224	80.003	90.920	73,9	84,0	113,6
Могилев	54.200	39.529	43.463	72,9	80,2	109,6

[1] По переписи 1922 года.

ГОРОДА	1914 г. на 1-е января (исчисление)	1920 г.	1923 г.	Считая население 1914 года за 100		В 1923 г. считая население 1920 г. за 100
				1920	1923	
Украина.						
Харьков [1]	244.710	285.213	310.264	116,5	126,7	108,7
Полтава	65.100	76.648	87.540	117,7	134,4	114,2
Киев	520.500	392.109	432.724	75,3	83,1	110,3
Чернигов	36 307	29.995	36.744	82,6	101,2	122,5
Житомир	86.430	—	68.280	—	79,0	—
Каменец-Подольск	49.940	31.548	29.533	63.1	59,1	93,6
Екатеринослав . .	211.070	162.965	129.419	77,2	61,3	79,4
Херсон	96.158	74.483	41.253	77,4	42,9	56,1
Крым.						
Симферополь . . .	69.615	80.923	70.778	116,2	101,6	87.4
Юго-Восток.						
Новочеркасск . .	69.146	63.844	45.863	92,3	66,3	71,8
Краснодар	102.200	146.700	144.325	143,5	141,2	98,3
Ставрополь . .	64.100	63.150	53 175	98,5	82,9	84,2
Новороссийск. . .	47.040	54.262	49.055	115,3	104,3	90,4
Владикавказ . . .	78.700	61.549	72.069	78,2	91,5	117,1
Кавказ.						
Баку	232.200	193.604	244.852	83,3	105,4	126,4
Тифлис	307.300	—	283.958	—	92,4	—
Эривань	33.700	—	48.163	—	142,9	—

[1] В 1914 г. с пригородами.

ГОРОДА	1914 г. на 1-е января (исчисление)	1920 г.	1923 г.	Считая население 1914 года за 100		В 1923 г., считая население 1920 г. за 100
				1920	1923	
Батум	44.900	—	60.810	—	135,4	—
Кутаис	53.640	—	45.290[1]	—	84,4	—
Сибирь.						
Тобольск	24.800	15.010	15.022	60,5	60,6	100,1
Томск	114 666	91.954	74.305	80,2	64,8	80,8
Омск	134 800	141.881	150 022	105,2	111,3	105,7
Красноярск	81.000	66.223	59.258	81,7	73,1	89,4
Иркутск	93.400	95.677	88.264	102,4	94,5	92,2
Чита	77.800	—	62.934	—	80,9	—
Благовещенск	61.900	—	57.723	—	93,2	—
Хабаровск	46.600	—	34.338	—	73,6	—
Средняя Азия.						
Уральск	40 660	33.595	32.176	82,6	79,1	95,7
Кустанай	28 800	20 115	20.785	69,8	72,1	103,3
Семипалатинск	34.300	44.600	56.806	130,0	165,6	127,3
Ташкент[2]	277.900	232.609	263.871	85,5	97,0	113,4
Самарканд	94.650	82.317	71.456	86,9	75,4	86,8
Полторацк.[3]	51.300	25.811	33.482	50,3	65,2	129,7
Алма-Ата[4]	41.500	—	45.922	—	110,6	—

Таким образом, и в остальных частях СССР в 1920 году перепись констатирует убыль населения большинства более значительных городов. Однако, тенденцию эту нельзя признать всеобщею: число жителей Харькова, Полтавы, Симферополя, Краснодара, Новороссийска, Семипалатинска и двух включенных в наш список сибирских городов—Омска и Иркутска—оказывается в 1920 г. больше, чем непосредственно перед войной. Поскольку эта убыль населения не находит себе объяснения в войне, вероятно, при-

[1] 1922 г. [2] С пригородами. [3] Б. Асхабад. [4] Б. Верный.

чина ее общая с указанной для городов европейской части РСФСР. Обратное явление, наблюдаемое в некоторых городах,—если только оно действительно имело место, а не являлось результатом неточного исчисления в 1914 году, или неодинакового толкования понятия городского населения,—можно объяснить частью влиянием гражданской войны, сосредоточившей бежавшую из других мест России буржуазию в некоторых городских центрах территории, занятой белыми (Краснодар, Новороссийск, Симферополь), частью нахождением этих городов в обильных продовольствием районах (Харьков, Полтава, Семипалатинск); рост Омска и Иркутска, происходивший и до войны, не был сильно задержан событиями последнего времени, вероятно, в связи с меньшей затронутостью Сибири продовольственной разрухой.

На последующие изменения населения внесенных в нашу таблицу городов наложил печать голод 1921—22 г. Именно им следует объяснить уменьшение числа жителей городов Южной Украины, Юго-Востока и Уральска. Из сибирских городов лишь Омск обнаружил за этот промежуток времени рост населения. Впрочем, для характеристики движения городского населения в период 1920—1922 г. мы располагаем гораздо более полными материалами,—сводными данными, опубликованными в Статистическом Ежегоднике ЦСУ 1922—23 г.г.

Численность городского населения 1920 и 1923 г.г. выражена в этом источнике в следующих величинах (см. табл. на 74 стр.).

Отсюда мы видим, что в промежуток времени между переписями 1920 и 1923 годов численность городского населения всего Союза и РСФСР в общем возросла. Однако, это общее возрастание складывается из весьма разнообразных процессов, приводивших в одних случаях к сильному приросту населения, в других, наоборот, к значительной убыли его. Сильнее всего возросло городское население в европейской части РСФСР, далее следуют Украина и Казакстан. Наибольшая убыль приходится на Туркестан, Белоруссию и Закавказскую федерацию.

Трудно учесть, насколько здесь повлияли демографические изменения и насколько сказались вариации в толковании понятия „городского населения" при производстве переписей. Убыль городского населения в Туркестане можно объяснить тяжелым хозяйственным кризисом, который переживала Туркестанская республика в голодные 1921 и 1922 годы. Сильное уменьшение городского населения в Белоруссии, быть может, фиктивно и произошло вследствие отнесения в 1923 году к категории сельского населения жителей многочисленных местечек, перешедших к земледелию. Но причина может крыться также и во влиянии польской

	Городское население в тысячах						Городское население в 1923 г. в % % на 1920 г.	На 100	
	По переписи 1920 года			По городской переписи 1923 года				в 1920 г.	в 1923 г.
	муж.	женщ.	об. пол.	муж.	женщ.	об. пол.		муж.	женщ.
Всего по СССР	9447,0	10675,6	20122,6	10498,0	11382,2	21880,2	108,7	113,0	108,4
I. РСФСР	6403,7	7357,6	1376,1	7393,2	8002,8	15396,1	111,8	114,8	108,2
А. Европейск. часть	4261,9	5199,6	9461,6	5299,6	5894,4	11194,0	118,3	122,0	111,2
Юго-Восток	623,0	723,8	1346,8	649,2	697,2	1346,4	99,9	116,1	107,3
Сибирь	497,8	530,3	1028,2	508,4	523,5	1032,0	100,3	106,5	102,9
Дальне-Восточная область	255,0	178,4	433,4	232,8	199,0	431 8	99,6	69,9	85,4
Казакская ССР	201,6	218,4	420,0	216,0	228,3	444,3	105,7	108,3	105,6
Туркестанская ССР	564,2	506,9	1071,1	487,0	460,2	947,3	88,4	89,7	94,4
II. Белорусская ССР	179,8	172,6	352,5	139,2	145,3	284,5	80,7	95,9	104,3
III. Украинская ССР	2155,7	2578,5	4734,2	2404,2	2667,9	5072,1	107,1	119,6	110,9
IV. Закавказская федерация	707,7	566,7	1274,4	561,3	566,0	1127,4	88,4	80,1	100,8

войны и связанных с ней демографических изменений. В Закавказье, быть может, произошла значительная эмиграция городской буржуазии в связи с переходом власти в руки Советов.

Что касается соотношения мужского и женского населения в городах, то превышение численности женщин в 1920 году в значительной степени объясняется уходом мужчин в армию.

В 1923 году войны уже не было, поэтому здесь превышение численности женщин, хотя и менее значительное, чем в 1920 году следует объяснить уже не оттоком мужского населения из городов, а убылью его вследствие более высокой смертности, в связи с войной и исключительно тяжелыми условиями борьбы за существование, в которых находились взрослые мужчины—кормильцы семьи. Нам всем, конечно, известно, как сильно рисковали жизнью во время эпидемии сыпняка все путешествовавшие по железным дорогам и, следовательно, мешечники, отправлявшиеся на свой опасный промысел. Болезни и смерть настигали их и в переполненных замороженных вагонах и в загрязненных вокзальных помещениях и на постоялых дворах. Остававшиеся дома рисковали несравненно меньше.

В Сибири, Киргизии, Белоруссии и Закавказье, в которых городское население в это время находилось в более благоприятном положении, убыль мужчин была несравненно менее значительна.

Преобладанию мужчин в Дальне-Восточной области не приходится удивляться. Мы уже знаем, что там и в довоенное время наблюдалось соотношение численности обоих полов, типичное для колонизующихся стран.

Убыль женщин в городах Туркестана, вероятно, имеет причину, общую с сельскими местностями этой страны, с своеобразными нравами и сильно отличающимся от европейского укладом жизни.

V

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ЗА ВРЕМЯ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

В предыдущих главах мы познакомились с изменениями, происшедшими за время мировой войны и русской революции в населенности нашей страны. Перед нами прошли разные районы огромной территории Советского Союза, находившиеся в течение исследованного периода в самых различных условиях; одни сильно пострадали от гражданской войны и голода, другие остались в стороне и были в большей или меньшей степени пощажены ими. Участь городов и сельских местностей была различна, и если первые особенно сильно страдали в начальный период революции, то в последующий период роли переменились, и неурожай 1921 года вызвал особенно сильные потрясения именно в сельских местностях, пораженных голосом. Население, находясь под влиянием многообразных неблагоприятных факторов, действовавших за это время с исключительной силой, проявляло значительную подвижность.

Мы познакомились с результатом этих демографических процессов. Теперь попытаемся вникнуть в самую сущность их. Начнем с естественного движения населения: брачности, рождаемости, смертности и обусловливаемого ими естественного прироста населения.

При изучении этих явлений за интересующий нас период мы встречаем большие затруднения; они происходят, главным образом, оттого, что с ним совпала коренная ломка установившегося способа регистрации актов гражданского состояния с заменой прежней церковной системы новой гражданской.

Декрет о гражданской регистрации актов состояния был издан вскоре после Октябрьской революции—в декабре 1917 года, при чем, как известно, обязанность эта была возложена на отделы записей актов гражданского состояния или кратко загсы при волостных и городских советах. Однако, еще много времени прошло до тех пор, пока это

дело наладилось. Открытие загсов в сельских местностях происходило очень медленно и не всегда в организованном виде.

В городах провести новую систему было легче, вследствие чего мы располагаем здесь более обильными и достоверными сведениями. Далее не следует упускать из виду, что некоторое время на современной территории Советского Союза одновременно существовали и старая церковная и новая гражданская системы регистрации. Привожу несколько конкретных данных о трудностях проведения реформы и сроках ее осуществления.

В Ленинграде большинство районных отделов в достаточно организованном виде возникло лишь в конце 1918 г. и начале 1919 года.[1]

В Череповецкой губернии „за ряд лет совершенно нет данных о движении населения, и более или менее правильная статистика естественного движения населения ведется лишь с 19-го года по городам губернии. От волостных же отделов записей актов гражданского состояния регулярное получение статистических карточек удалось наладить лишь с 1-го января текущего года" (написано в 1923 году).[2]

Составитель обзора естественного движения населения в Саратовской губернии констатирует, что материал за 1918 г. в губернском масштабе отсутствует, ибо в это время регистрация гражданского состояния была духовенству законом запрещена, гражданская же регистрация еще не была организована.

В 1919, 1920 и 1921 г.г. гражданская регистрация была организована, но плохо. Упорядочение дела регистрации актов в волостях велось до 1922 года и к этому сроку еще далеко не было закончено.[3]

Автор статьи о естественном движении населения в Харьковской губернии сообщает, что демографический отдел Харьковского Губстатбюро располагает данными за 1915, 1916 и 1917 г.г., составленными на основании метрических книг православной консистории. За 1918 год метрики собраны в губернском отделе загс. Но за 1919 г. в архиве губотдела имеется лишь около одной десятой части их, и неизвестно, удастся ли собрать более или менее значительную часть книг, так как во время гражданской войны архивы части волостных подотделов загс были уничтожены. Еще хуже обстояло дело в 1920 году—год смены церков-

[1] Ст. С. А. Новосельского в „Материалах по статистике Петрограда", вып. 1-й, 1920 г., стр. 6.

[2] Череповецкое Губстатбюро. Материалы по статистике Череповецкой губернии, Череповец, 1923 стр., 21.

[3] Статистический сборник по Саратовской губернии, Саратов, 1923 года, статья А. Ковалевского, стр. 62.

ных записей на гражданские, затянувшейся на долгое время. В первую четверть было открыто немногим более 1/8 подотделов, во вторую — половина (50,2%); часть загсов была открыта даже в октябре, ноябре и декабре.[1]

Кубано-Черноморское бюро констатирует, что за 1921 г. было получено немногим более 30% ожидавшихся регистрационных листков.[2]

В Донском статистическом ежегоднике за 1922 год есть заметка, что по 1-му Донскому округу, наиболее пострадавшему от голода, если верить записям, смертность была 13,6 на тысячу населения. Такой процент даже для обычной смертности передовых стран покажется неправдоподобно низким.[3] Причина кроется, конечно, в неполноте представленных данных.

Из приведенных справок выясняется, что новая регистрация актов гражданского состояния повсеместно более или менее наладилась лишь с 1923 года. Поэтому не приходится удивляться, если в статистических сборниках до последнего времени появились лишь отрывочные сведения о естественном движении населения.

Последняя по времени публикация ЦСУ о естественном движении населения СССР в период, предшествующий 1923 году, помещена в Статистическом Ежегоднике за 1922—1923 г.г. В двух небольших таблицах приведены суммарные данные о рождаемости, смертности, естественном приросте населения, браках и разводах в среднем за трехлетие 1920—1922 г.г. по 18 губерниям и столицам. Никакой дальнейшей дифференциации по полу, возрасту, на городское и сельское население в указанном источнике не имеется. В пятилетнем сборнике ЦСУ имеются данные о рождаемости и смертности с дифференциацией по полу за 1920—22 г. по тем же 18 губерниям и двум городам; но по отдельным годам приведены лишь абсолютные величины, которые очень мало показательны; относительные же исчислены в среднем за все трехлетие.

Для 1923 года мы имеем относительные цифры естественного движения населения в только что вышедшем 2-м выпуске Статистического Справочника ЦСУ „Народное Хозяйство Союза ССР в цифрах" (1925), но и здесь никакой углубленной дифференциации не имеется. Таким образом, публикации Центрального Статистического Управления не

[1] „Статистический бюллетень Харьковского Губстатбюро", март, 1922 г., страница 1-я.

[2] „Население и хозяйство Кубано-Черноморской области", Краснодар, 1924, стр. 144.

[3] Донской Статистический Ежегодник, Донское Областное Статбюро, 1922 г. стр., 50.

дают нам возможности познакомиться с разнообразием демографических процессов, определивших приводимые им общие коэффициенты естественного движения населения. Не можем мы, следовательно, проследить также и влияния, произведенного отдельными факторами, господствовавшими в это богатое событиями время.

Если мы обратимся к местных источникам, то в них иногда можно найти по интересующему нас вопросу более детализированные сведения.

Сначала приведу общую сводку, опубликованную ЦСУ.

Губернии и области	На 10.000 жителей приходилось:									
	Рождений		Смертей		Естеств. прирост		Браков		Разводов	
	1920-22 ежег. ср.	1923	1920-22 ежег. ср.	1923	1920-22 ежег. ср.	1923	1920-22 ежег. ср.	1923	1920-22 ежег. ср.	1923
Г. Ленинград	419	315	435	179	—16	136	246	157	26	37
Сев.-Двинская	395	436	307	385	88	51	126	133	15	21
Владимирская	385	456	313	242	72	214	124	129	9	11
Ярославская	385	366	359	193	26	173	135	95	8	6
Брянская	383	503	315	207	68	296	150	136	10	8
Псковская	379	404	251	213	128	191	117	110	6	7
Чувашская обл.	378	467	454	268	—76	199	77	150	4	8
Екатеринбургская	377	—	494	—	—117	—	109	—	16	—
Архангельская	372	403	251	257	121	146	136	124	13	15
Костромская	368	394	321	235	47	159	109	118	6	7
Тульская	367	461	359	242	11	219	107	133	6	6
Смоленская	356	439	248	187	108	252	115	124	9	12
Новгородская	354	394	240	224	114	170	117	112	4	5
Московская	320	405	262	179	58	226	129	135	7	5
Калужская	315	496	268	239	47	257	110	142	7	12
Г. Москва	304	334	367	160	—63	174	201	168	12	6
Нижегородская	302	445	273	264	29	181	102	128	8	13
Тверская	285	423	220	299	65	124	102	157	3	12
Татреспублика	257	377	493	208	—236	169	103	164	21	23
Саратовская	252	407	337	213	—85	194	96	145	8	13
Итого по 18 административным делениям и столицам	330	—	337	—	—1	—	118	—	10	—

Для 1923 года ЦСУ приводит данные еще по следующим 43 губерниям и республикам:

Губернии и республики	На 10.000 жителей приходилось в 1923 году:				
	Рождений	Смертей	Естеств. прирост	Браков	Разводов
РСФСР.					
Алтайская . . .	559	354	205	126	13
Ново-Николаевская .	545	322	223	129	15
Астраханская . . .	508	295	213	186	18
Пензенская	503	253	250	130	13
Ульяновская	485	283	202	147	9
Омская	479	259	220	127	13
Томская	471	233	238	103	8
Чувашская область .	467	268	199	156	8
Марийская область .	464	316	148	144	10
Енисейская	460	274	186	102	9
Курская	456	217	239	142	9
Немцев Пов. р. . .	451	273	178	152	9
Аюмолинская	442	270	172	157	16
Вологодская	439	289	150	112	8
Коми область . . .	438	341	197	143	23
Череповецкая . . .	436	259	177	113	9
Рязанская	435	226	209	131	11
Ставропольская . .	435	288	147	155	15
Тамбовская	434	248	186	129	9
Карельская . . .	434	255	179	113	10
Орловская	431	205	226	121	6
Иркутская	426	234	192	112	12
Гомельская	426	149	277	145	6

Губернии и республики	На 10.000 жителей приходилось в 1923 году:				
	Рождений	Смертей	Естеств. прирост	Браков	Разводов
Оренбургская . . .	423	257	166	152	15
Воронежская	423	186	237	156	10
Вятская	421	311	110	122	9
Иваново-Вознесенск.	410	208	202	130	7
Вотская область . .	389	266	123	95	6
Кубано-черномор. .	378	238	140	146	11
Самарская	371	246	125	130	6
Царицынская . . .	361	176	185	169	15
Ленинградская . . .	346	193	153	104	4
Витебская	317	119	198	108	3
Башкирская р. . . .	303	158	145	148	21
По РСФСР (51 губерн.)	422	229	193	134	11
Украинская ССР					
Харьковская	409	215	194	141	16
Подольская	406	227	179	123	15
Черниговская . . .	388	181	207	108	10
Донецкая	370	141	229	134	15
Полтавская	354	178	176	105	9
Волынская	341	147	194	81	7
Екатеринославская .	337	154	183	107	12
Киевская	322	153	169	99	10
Одесская	308	156	152	110	14
По Украинской ССР (9 губерн.)	354	171	183	112	12

Сравнивая эти цифры с соответствующими коэффициентами за 1911—1913 г.г., мы наблюдаем довольно значительное падение рождаемости в период 1920—1922 г.г., сменяющееся в 1923 году новым подъемом рождений. Так, например, для сравниваемых губерний:

Губернии	Рождений на 1.000 населения		
	1911—1913 г. г.	1920—1922 г.г.	1923 г.
Ленинградская	27,8	—	34,6
Псковская	43,7	37,9	40,4
Новгородская	42,6	35,4	39,4
Смоленская	50,3	35,6	43,9
Тверская	43,8	28,5	42,3
Архангельская	44,9	37,2	40,3
Вологодская	45,1	—	43,9
Костромская	45,6	36,8	39,4
Ярославская	43,6	38,5	36,6
Владимирская	45,7	38,5	45,6
Московская	36,7	32,0	40,5
Калужская	50,4	31,5	49,6
Нижегородская	46,9	30,2	44,5
Тамбовская	47,8	—	43,4
Саратовская	49,0	25,2	40,7
Татреспублика (б. Казанская)	45,7	25,7	37,7

Падение рождаемости в период гражданской войны легко объяснить уходом значительной части взрослого мужского населения в Красную армию, а после этого голодом в областях, пораженных неурожаем (Саратовская губерния, Татреспублика). В 1923 году цифры рождаемости снова повышаются, перерастая даже кое-где довоенные коэффициенты (Ленинградская, Московская губ.); в большинстве же случаев они все же не достигают довоенного уровня, а в Ярославской губернии оказываются даже ниже средних за 1920—1922 г. г.

Некоторое сокращение цифр рождаемости во всех губерниях, за исключением двух столичных, можно объяснить частью общей убылью взрослого мужского населения во время мировой и гражданской войны, голодом, эпидемией; от последних мужчины должны были страдать больше женщин, вследствие большей подвижности и, следовательно, больших шансов заражения. Отчасти, быть может, сказалась и общая тенденция к сокращению рождаемости, наблюдавшаяся еще в довоенное время.

Повышение смертности в период 1920—1922 г.г. представляет естественный результат исключительных потрясений, перенесенных населением страны в это время. Нас скорее удивляют скромные размеры колебаний смертности, отмеченные трехлетними средними отдела демографии. Для области, пораженной неурожаем, коэффициенты смертности

повысились сравнительно с довоенными: для Саратовской губернии с 31,7 за 1911—1913 г. г. до 33,7 в 1920—1922 г. г.; для Татреспублики с 31,5[1] за 1921—1913 г.г. до 49,3 за 1920—1922 г. г.; для Екатеринбургской губернии с 40,1[2] до 49,4 за то же время.

Здесь, очевидно, гибельные последствия голода 1921—1922 г. уравновешиваются до известной степени невысокой смертностью в остальную часть трехлетнего периода.

Для целого ряда губерний, которых неурожай не коснулся, смертность за трехлетие 1920—1922 г. г. оказалась очень невысокой: губернии Архангельская, Калужская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Псковская, Смоленская, Тверская обнаружили смертность значительно ниже 30,0 и даже 25,0 на тысячу. Последнее вполне согласуется с данными о приросте населения пощаженной неурожаем части Советского Союза, приведенными нами выше.

В 1923 году смертность повсюду, за очень немногими исключениями, оказывается на очень низком уровне. Для 51 губернии и автономных республик, входящих в состав РСФСР, она в среднем равна 22,9 на 1.000 населения, а для 9 губерний Украины даже 17,1.

Для почти совпадающих территорий Европейской России смертность в среднем была, согласно нашим вычислениям, в 1911—1913 г. 28,5, а в 1923 г.—22,2 на 1.000 населения.

Повидимому, тяжелые испытания первых лет революции унесли менее жизнестойкую часть населения; произошел своего рода естественный отбор, оставивший в живых более сильных и здоровых людей, что и сказалось в падении коэффициента смертности в 1923 году. В этом отношении очень интересно отметить, что в 1923 году повышенный коэффициент смертности наблюдался именно в губерниях, находившихся в период 1920—1922 г. г. в сравнительно благоприятном состоянии; а именно: в Алтайской коэффициент смертности оказался равен 35,4, в Ново-Николаевской—32,2, в Северо-Двинской—38,5; между тем как в местах, пораженных неурожаем 1921—1922 годов, он снизился:

	Смертность в 1923 году на 1.000 населения
В Ульяновской губернии	28,3
„ Чувашской области	26,8
„ Татарской респ.	20,8

Естественный прирост населения, составляющий разность между рождаемостью и смертностью, должен был ис-

[1] Для периода 1911—1913 г.г. взята Казанская губерния.
[2] Для периода 1911—1913 г.г. взята Пермская губерния.

пытать в изучаемый период очень сильные колебания. В трехлетие 1920—1922 г. г. он принимает для 20 губерний, о которых отдел демографии приводит сведения, даже отрицательный знак, хотя для целого ряда более благоприятных губерний даже в этот тяжелый период наблюдается прирост населения, доходящий до 12,1 на 1.000 населения в Архангельской губернии, 11,4—Новгородской и 10,8—в Смоленской.

В 1923 году повышение рождаемости и падение смертности приводит к весьма сильному естественному приросту населения, доходящему, в среднем, почти до 2 проц. к численности населения. Природа как бы стремится поскорее возместить ущерб, понесенный страной за время гражданской войны, эпидемии и голода.

Брачность в революционный период сильно повышается, что следует отчасти приписать окончанию мировой и гражданской войн, препятствовавших заключению браков мужчинам, находившимся в армии; с другой стороны, сильное влияние должно было оказать значительное упрощение, внесенное новым правом, как для вступления в брак, так и для расторжения брачных связей. В 1920—1922 г. г. средний ежегодный коэффициент брачности в 20 губерниях, внесенных в таблицу, был 11,8 на тысячу населения, в 1923 году для РСФСР—даже 13,4 на тысячу, тогда как в трехлетие 1911—1913 г.г. в 50 губерниях всего лишь 8,0 с колебаниями по губерниям от 6,2 до 9,9 на тысячу населения.

Приведенное в таблице число разводов, повидимому, сильно преуменьшено. Дело в том, что, согласно современным юридическим нормам, непосредственно озагсами регистрируются лишь разводы по взаимному соглашению супругов. В случаях же односторонней воли одного из них вопрос о разводе решается народным судом, который обязан доставлять справку о происшедших по суду разводах в местный отдел загс. Сопоставление числа бракоразводных дел в народных судах с цифрами загсов обнаруживает значительное превышение первых над последними, что вызывает предположение о еще не наладившейся технике регистрации случаев разводов по суду.

Если обобщить процентное отношение числа разводов по суду к количеству возникших о разводах дел, известное для Московской губернии, где лишь 10,1% их было прекращено, то число одних только судебных разводов значительно превышает число случаев, зарегистрированное озагсами. Внесение соответствующих поправок повышает относительное число разводов на 1.000 браков до следующих величин:

ГОДЫ	ГУБЕРНИИ								
	Калужская	Костромская	Псковская	Тверская	Ярославская	Московская	Ленинградская	Смоленская	Новгородская
1920–1922	212	175	97[1]	161	186	—	291	—	—
1923	185	144	96	119	162	125	—	201	92

По городу Москве соответствующие цифры будут для периода 1920—1922 г.г.—235, для 1923 года—215.[2]

Высокие цифры разводов, получающиеся при внесении указанных поправок, идут параллельно с колоссальными коэффициентами брачности, отмеченными у нас в послереволюционный период.[2]

Такова картина естественного движения населения России, отраженная в сводных данных отдела демографии.

Местные источники дают более расчлененный материал и позволяют проследить демографические процессы с дифференциацией по годам, месяцам, полу, возрасту и даже причинам смертности. К сожалению, материал этот по указанным выше причинам также страдает неполнотой и часто не дает возможности установить необходимых для сопоставления коэффициентов.

При этом он относится, главным образом, к движению городского населения. О естественном движении сельского населения местные источники дают мало сведений, и нам остается здесь лишь немного добавить к тому, что опубликовано отделом демографии.

Все местные источники вполне согласно отмечают сокращение брачности во время войны и исключительно сильный рост ее после революции. Процесс, который мы уже наблюдали в цифрах ЦСУ, рисуется ими подчас очень сильными, яркими штрихами.

В Москве движение брачности за время войны и революции характеризуется следующими коэффициентами:

Годы	Приходится браков на 1000 жителей	Годы	Приходится браков на 1000 жителей
1910—1914 (среднее)	58	1917	53
		1918	75
1914	55	1919	174
1915	41	1920 (1-е полугод.)	196
1916	39		

[1] Лишь для 1921—1922 г.г.

[2] Соображения о разводах, так же как исчисление поправок к цифрам одагсов, заимствованы мною из рукописи пом. зав. отделом моральной статистики ЦСУ Д. П. Родина, любезно предоставившего мне право воспользоваться ею.

Брачность в Москве, как и вообще в крупных городах России, до войны была значительно ниже, чем в сельских местностях, что объясняется значительным контингентом в них пришлого населения, имеющего постоянную оседлость в сельских местностях. Падение брачности под влиянием войны сказывается особенно сильно в 1915 году, когда начались массовые мобилизации ополченцев и досрочные призывы новобранцев.

В 1917 году сначала самовольная, а потом легальная демобилизация армии привела к подъему брачности до уровня, близкого к довоенному. В 1918 году брачность продолжает расти и в последующие годы достигает беспримерных в летописях демографии цифр, несмотря на исключительно бедственное положение населения столицы и резкое падение общей цифры ее населенности.

В среднем за 1920—1922 г.г., как мы уже видели выше, ежегодный коэффициент брачности в Москве дошел до 201, а в 1923 г. равнялся 164 на 10.000 жителей.

Движение брачности в Ленинграде характеризуется в очень обстоятельных обзорах С. А. Новосельского следующими цифрами:

Года	Число браков на 1000 жителей	Года	Число браков на 1000 жителей
1913	6,3	1917	8,9
1914	6,0	1918	9,2
1915	5,0	1919	20,7
1916	4,7	1920	27,7
		1921	22,5

Картина очень похожа на то, что отмечено для Москвы, но общий уровень брачности выше московского; цифры революционных лет достигают еще более поразительных размеров. Коэффициент для 1920 года, когда была произведена перепись населения, не может возбуждать сомнений.

В 1920—1922 г.г., как уже указано выше, средний ежегодный коэффициент брачности в Ленинграде был 246, а в 1923 году—151 на 10.000 жителей.

С. А. Новосельский приводит в своих очерках ряд очень интересных данных, устанавливающих влияние на брачность различных факторов.

Если в Москве в исследуемый период движения брачности по месяцам года мало изменилось,[1] то в Ленинграде распределение браков по месяцам в 1919 году представляет своеобразные отличия от прежнего. Обычные сезонные колебания брачности, связанные с религиозными обычаями (посты) сгладились, в чем, конечно, сказалось ослабление влияния религиозного культа.

Распределение в Ленинграде брачащихся по *семейному*

[1] „Красная Москва", там же.

состоянию обнаруживает в революционное время значительное, по сравнению с прежними годами, понижение количества первых браков (холостых с девицами) за счет увеличения повторных браков (вдовых и разведенных).

ГОДА	Из 100 браков было:[1] Браков холостых с девицами	Прочих браков
1907—1909	85,1	14,9
1915	85,3	14,7
1916	84,3	15,7
1917	85,4	14,6
1919 (вторая половина)	73,8	26,2
1920	71,8	28,2

Из числа повторных браков особенно возрос процент браков, где оба брачащихся или один из них разведенные:

ГОДА	Браков холостых, девиц и разведенных с разведенными	Браков холостых, девиц и вдовых с вдовыми	Браков вдовых с разведенными
1907—1909	1,3	13,1	0,2
1915	1,7	12,8	0,2
1916	1,9	13,6	0,2
1917	2,1	12,3	0,2
1919 (вторая половина)	9,9	15,0	1,3
1920	9,2	17,3	1,7

Исключительно сильное повышение числа браков разведенных обусловливается крайней легкостью разводов, согласно новому брачному праву. Тяготившиеся брачными узами получили возможность порвать их и вступить в новый брак. Повышенный коэффициент брачности вдовых имеет причиной, конечно, более высокую смертность, сопровождавшую войну, эпидемии и голод. Вместе с тем ленинградская статистика отмечает повышение среднего брачного возраста. Если в период 1907—1909 г.г. он был для мужчин 28,6, а для женщин—24,6 лет, то в 1920 году соответствующие возрасты были для мужчин—30,6, для женщин—25,7 лет.

Число разводов, зарегистрированных в 1920 году, составляет 16,6 на 10.000 населения. Цифра эта исключительно велика: на 10.000 брачных союзов было расторгнуто 92,2; при этом приходится считаться с неполнотой этой цифры; при более точном учете число разводов должно было бы оказаться еще выше. О высоте этих коэффициентов можно судить, сопоставляя их с соответствующими цифрами для Берлина, города с крайне высоким числом разводов, где

[1] Составлено по статьям С. А. Новосельского в „Материалах по статистике Петрограда и Петроградской губернии", выпуск 5-й, 1921 г., и в „Материалах по статистике Петрограда" выпуск 1-й, 1920 года.

в 1903—1907 г.г. оно составляло 8,2 на 10.000 населения и 41,7 на 10.000 брачных союзов.[1]

Движение брачности в других городах СССР напоминает то, что происходило в этом отношении в Москве и Ленинграде.

Так, например, в городах Череповецкой губернии[2] коэффициенты брачности достигли в 1919 году—22,0
в 1920 „ —21,9 } на 1.000
в 1921 „ —16,4 } жителей
в 1922 „ —15,1

Согласно исчислениям Донского областного статбюро[3] в 1921 г. было заключено браков на 1.000 населения:

в Ростове-на-Дону 23,45
в Нахичевани 20,12
в Новочеркасске 18,46

В 1923 году брачность в городах Донской области сокращается до 11,38, на 1.000 в Ростове и Нахичевани и до 14,04 в среднем для всех городов области.

Если сопоставить число заключенных в 1920 году в Самаре браков с численностью ее населения по переписи того же года, то мы получаем и здесь огромный коэффициент: 26,2 браков на 1.000 жителей.[4]

Наоборот, в Киевской губернии брачность городского населения, по исчислению местного губстатбюро, изменилась за время войны и революции не так сильно, если мы возьмем средние цифры; по отдельным же городским поселениям колебания весьма значительны, что, вероятно, следует приписать малому объему совокупностей, из которых брались цифры брачности.[5]

Мы не располагаем сведениями относительно брачности в изучаемый период в сельских местностях и можем судить об этом лишь по косвенным признакам. Если сопоставить общие погубернские коэффициенты брачности с только что приведенными цифрами для городов, то придется заключить о несравненно более умеренном росте брачности сельского населения сравнительно с городским. Мы уже видели, что общий коэффициент брачности за

[1] С. А. Новосельский. „Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии", 1921 г., вып. 5, стр. 26.

[2] Череповецкое Губстатбюро. „Материалы по статистике Череповецкой губернии", Череповец 1923, стр. 21.

[3] „Статистический Ежегодник Донского Областного Статуправления 1922 года", Ростов-на-Дону, 1922 г., стр. 50 и „Донской Статистический Ежегодник 1923 г.", Ростов-на-Дону, 1923, стр. 63.

[4] „Вестник Самарского Губстатбюро" № 2, Самара, 1921 г., стр. 72.

[5] Киевское Губстатбюро. „Статистический Бюллетень" № 4—5. Киев, 1922 года, стр. 205.

период 1920—1922 г.г. в 20 губерниях по данным ЦСУ равен 11,8 на 1.000, а за 1923 г. для 35 губерний—12,8, причем сюда вошли и цифры для таких многолюдных центров, как Москва и Ленинград с исключительно высокой брачностью. Обращает на себя внимание очень высокая брачность в 1923 году в местах, только что переживших катастрофу неурожая (Татреспублика—16,4, Чувашская область—15,6 на 1.000 населения).

Для характеристики движения брачности на Украине, привожу данные для Харьковской губернии, заимствуемые из обстоятельной сводки Харьковского Губстатбюро. На 1.000 душ населения приходилось в Харьковской губернии браков: [1]

в 1913 году	9,0	в 1918 году	18,5
„ 1914 „	7,5	„ 1919 „	10,3
„ 1915 „	3,0	„ 1920 „	9,1
„ 1916 „	3,4	„ 1921 „	13,9
„ 1917 „	5,8	„ 1922 „	13,1
		„ 1923 „	11,0

Влияние мировой и гражданской войн обнаруживается очень рельефно так же, как и подъем брачности в послевоенные годы; в 1923 г. волна повышенной брачности значительно спадает.

Перехожу к вопросу *о рождаемости в городах* СССР во время войны и революции. Мы уже знаем, что в довоенное время рождаемость в больших городах была у нас в общем ниже, чем в сельских местностях. В значительной степени это зависело, повидимому, от присутствия в городах весьма значительного количества жителей, не порвавших связи с деревней, где проживали их семьи. Последнее приводило к тому, что дети таких лиц рождались часто в сельских местностях.

Впрочем, как мы уже видели, в Москве рождаемость, начиная с девяностых годов, обнаружила тенденцию к росту, что находит себе объяснение в возраставшей с течением времени оторванности населения от деревни, а с другой стороны, в распространении обычая приезжать для воспроизведения потомства именно в крупные города с лучше обставленными родильными учреждениями.

Влияние войны должно было сказаться и в городах, так же, как и в сельских местностях, в сокращении рождаемости и у постоянного и у приезжего населения. На ряду с этим мы наблюдаем явление дальнейшего падения рождаемости в первые, особенно тяжелые для городов годы революции.

---

[1] „Матеріали по статистиці Харківщини. Природній рух населення", вип. 7-ой, Харків, 1925, стр. 25—28.

В Москве движение рождаемости в исследуемый период выразилось в следующих цифрах [1]:

Годы	Число родившихся на 10.000	
	Всего населения	Женщин в возрасте 15—49 лет
1910—1914 (средняя)	332	1172
1915 "	270	915
1916 "	229	724
1917 "	196	586
1918 "	148	451
1919 (первое полуг.)	160	524
1919 (второе полуг.	177	540
1920 (первое полуг.)	219	671

В 1918 году, когда относительное число рождений в Москве достигло минимума, видимая рождаемость по отношению ко всей массе населения сократилась сравнительно с довоенным уровнем на 55%, тогда как истинная—по отношению к числу женщин в возрасте деторождения—на 62% довоенной нормы.

Впрочем, следует заметить, что для 1917—1918 г.г. числа родившихся в Москве интерполированы и, следовательно, относиться к ним нужно с должной осторожностью.

Начиная с 1919 года, происходит снова рост рождаемости, которая в первое полугодие 1920 года, однако, еще далеко не достигает довоенного уровня. Но трехлетняя средняя за 1920—1922 г.г. доходитуже до 304 на 10.000 населения, а в 1923 г. рождаемость в Москве определяется коэффициентом 305 на 10.000.

Любопытны специфические затруднения, которые испытывало городское статистическое бюро при установлении цифр рождаемости: им было обнаружено, что многие родители регистрировали факт рождения по два раза в различных загсах, повидимому, стремясь извлечь отсюда в двойном размере материальные выгоды, предоставлявшиеся Советской властью роженицам. Статистическому бюро приходилось выискивать эти двойные записи с помощью алфавита. Внесение соответствующих исправлений привело к сокращению цифры рождений в 1919 году на 3599, или на 14,6%,[2] сравнительно с отчетными сведениями окружного загса

Движение рождаемости в Ленинграде характеризуется в исследуемый период следующими цифрами:[3]

---

[1] См. указ. статью В. Г. Михайловского в „Красной Москве", стр. 65.
[2] См. „Красная Москва", статья В. Г. Михайловского, стр. 67.
[3] „Статистический Сборник по Петрограду и Петроградской губернии", Петроград, 1922, стр. 14.

Годы	Рождений на 1.000 жителей	Годы	Рождений на 1.000 жителей
1913	26,4	1918	15,5
1914	25,0	1919	13,8
1915	22,5	1920	21,8
1916	19,1	1921	36,8
1917	18,7	1923	30,4

Собирание материалов за 1917, 1918 и первую половину 1919 г. было связано с большими трудностями, и приведенные за эти годы цифры должны рассматриваться как приблизительные.

Из приведенной таблички видно, что в отношении рождаемости в Ленинграде происходило то же, что в Москве. Первые годы революции снизили рождаемость до еще более низкого уровня, чем годы войны; в последнее время она сильно возрастает и даже значительно превосходит довоенные размеры. С. А. Новосельский приводит интересное сопоставление числа родившихся брачных и внебрачных детей на 1.000 замужних и незамужних женщин, из которого мы можем усмотреть сильное падение как брачной, так внебрачной плодовитости в Ленинграде в период хозяйственной разрухи[1].

Число родившихся в Ленинграде

Годы	Брачных детей на 1.000 замужних женщин	Внебрачных детей на 1.000 незамуж. женщин 16—50 л.	Всех родившихся на 1.000 всех женщин 16—50 лет
1900—1901	179,1	44,4	108,0
1910—1911	175,5	32,7	101,2
1920	119,7	13,8	61,6
Тоже, принимая коэффициенты 1901—1906 г.г. за 100			
1900—1901	100	100	100
1910—1911	98	76	94
1920	67	31	57

К сожалению, для других городов, так же, как и для сельских местностей России, за очень немногими исключениями, мы располагаем лишь абсолютными числами рождений, что лишает возможности произвести сопоставление. Мы можем воспользоваться ими лишь для вычисления относительных величин смертности по отношению к числу рождений, что и будет сделано в своем месте.

Пока приходится ограничиться лишь немногими коэффициентами рождаемости, приводимыми некоторыми источниками и в особенности уже упомянутой мною обстоятельной работой по Харьковской губернии.

[1] См. „Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии", выпуск 5-й, 1921 г., стр. 28.

Рождаемость в городах Череповецкой губернии на 1.000 населения была:[1]

в 1913 году	32,0	в 1919 году	34,3
„ 1914 „	30,4	„ 1920 „	40,5
„ 1915 „	26,4	„ 1921 „	46,7
„ — „	—	„ 1922 „	36,8

Перед нами картина, сильно отличающаяся от того, что мы наблюдали в столицах. В военный период заметно некоторое незначительное понижение рождаемости, но по окончании войны оно скоро сменяется обратным процессом и в то время, когда в столицах происходило дальнейшее уменьшение деторождений, здесь, наоборот, повышательная волна достигает очень высокого уровня, значительно превосходящего то, что имело место до войны, следовательно, здесь мы имеем движение рождаемости, обычное для послевоенных периодов. Очевидно, в маленьких городах Череповецкой губернии, тесно связанных с деревней, либо совсем не было кризиса снабжения, столь остро ощущавшегося в столицах, либо он ощущался очень слабо.

Наоборот, в городах Киевской губернии, в состав которых входит Киев с его без малого полумиллионным населением, движение рождаемости напоминает то, что мы видели в Москве и Ленинграде.[2]

Годы	На 1.000 душ населения городов Киевской губер. родилось		
	В среднем	Колебания по отдельным городам	
		от	до
1909—1913 (ежегодняя средняя)	25,30	52,30	22,89
1917	20,29	64,86	10,02
1920	14,77	53,63	7,43

Остальные относительные цифры городской рождаемости, которыми мы располагаем, имеют случайный и разрозненный характер.[3]

---

[1] „Материалы по статистике Череповецкой губернии", Череповец, 1923, стр. 21.

[2] „Статистический Бюллетень Киевского Губстатбюро", Киев, 1922 г. № 4—5, стр. 203.

[3] В Самаре в 1920 году рождаемость выразилась в 31,6 на 1000 населения. Близкие коэффициенты рождаемости обнаружены в городах Саратовской губернии: в 1920 году—32,4 и в 1921 году 33,9; в 1921 году в Ростове — 30,87 и Нахичевани—35,03 на 1000 жителей. Влияние голодного 1921—1922 года сказалось в Казани и городах Саратовской губернии и Донской области понижением плодовитости женщин: в Казани на 1000 населения родилось 1921 году—34, а в 1922 году—всего 14 детей.

В Саратовской губернии в 1922 году городская рождаемость упала до 23,4 на 1000 жителей. В Ростове и Нахичевани коэффициент 1923 г. ока-

О движении рождаемости *в сельских местностях* мы можем составить себе представление по общим погубернским цифрам, опубликованным отделом демографии, так как включенная в них городская рождаемость не могла оказать здесь значительного влияния вследствие огромного преобладания сельского населения.

Дополнительно к цифрам, включенным в общие таблицы, приведу лишь несколько данных по Украине; мы располагаем сведениями о движении рождаемости в Харьковской и Киевской губерниях и не только общей, но и отдельно по городам и сельским местностям.

В Харьковской губернии на 1.000 душ населения приходилось рождений:

В 1900—1904 г.	в среднем ежегодно	49,3
„ 1905—1909 „	„ „	44,3
„ 1910—1914 „	„ „	44,1
„ 1915 „	„ „	36,1
„ 1916 „	„ „	29,8
„ 1917 „	„ „	27,0
„ 1918 „	„ „	36,2
„ 1919 „	„ „	34,7
„ 1920 „	„ „	27,8
„ 1921 „	„ „	31,6
„ 1922 „	„ „	33,7
„ 1923 „	„ „	40,6

Влияние мировой и гражданской войн сказалось здесь очень рельефно. В 1923 году рождаемость снова почти достигла довоенного уровня, хотя все же есть основание предполагать, что общая тенденция рождаемости к понижению нашла себе выражение в этой последней цифре.

Сравнение для 1923 года поуездных цифр городской и сельской рождаемости дает интересный материал для суждения о влиянии, оказываемом на демографические процессы особенностями социальной жизни в городах и деревне.

залея равен 9,50, а во всех городах Донской области—21,54 на 1000 населения. Рождаемость в Харькове в 1923 году была равна 28,2, а в остальных городах Харьковской губернии—32,0 на 1000 жителей.

См. „Вестник Самарского Губстатбюро" № 2, Самара, 1921 г., стр. 72.

Статистический Сборник по Саратовской губернии, Саратов, 1923 г., стат. Л. Ковалевского, стр. 66.

Донской Статистический Ежегодник, 1922 г., Ростов-на-Дону, 1922, стр. 50.

„Труд и хозяйство", ежемесячный орган Совнаркома и Экономич. Совещ. Татреспублики, Казань, 1923 г., май, стр. 170.

Донской Статистический Ежегодник 1923 г., Ростов-на-Дону, стр. 63.

Матеріали по статистиці Харьківщини. Природний рух населення. Вып. 7-й, Харьків, 1925, стр. 6.

Округа Харьковской губернии		В 1923 году приходилось рождений на 1.000 душ населения	
		Города	Сельские местности
Сумский	г. Сумы	24,0	38,5
Ахтырский	г. Ахтырка	36,3	41,4
Харьковский	г. Харьков	28,2	38,3
Изюмский	г. Изюм	36,3	42,8
Купянский	г. Купянск	36,9	41,9
По губернии	Окружные города, кроме Харькова	32,0	42,0

Значительно более высокая, сравнительно с городской, рождаемость в сельских местностях испытывает влияние культуры крупных городских центров: в местностях, более близких к последним, рождаемость становится более умеренной. Харьков с его населением в 310 слишком тысяч и Сумы с населением в 36.500 жителей значительно крупнее остальных городов Харьковской губернии.[1] Очевидно, эта большая населенность и является внешним признаком условий, приводящих к понижению рождаемости.

Таким образом, на Украине движение рождаемости отличалось некоторыми особенностями. По окончании мировой войны число рождений быстро повышается, и дальнейшего их падения в революционный период не происходит. Лишь в 1920 году наблюдалось некоторое понижение рождаемости в Харьковской губернии, очевидно, в связи с событиями гражданской войны. Впрочем, мы не располагаем коэффициентами для южных украинских губерний, пораженных неурожаем 1921 года. Естественное движение в них населения, вероятно, напоминало то, что мы наблюдаем в поволжских губерниях, из которых в Саратовской рождаемость в сельских местностях была в 1920 г.—31,1, в 1921 г. - 32,5, а в 1922 г. всего—27,2 на 1.000 населения.[2]

Наиболее ярким демографическим явлением исследуемого периода была несомненно *повышенная смертность* Мы уже ознакомились с общим движением ее в России по сводным данным отдела демографии. Местные статистические органы уделяют ей также много внимания, и мы можем дополнить данные отдела демографии прежде всего характеристикой смертности в городах, а затем и в сельских местностях, тем более, что проводимые местными источниками абсолютные цифры рождений и смертей дают возможность выразить взаимоотношение их относительными числами.

Данные о смертности в городах за первые годы революции гораздо полнее, чем по сельским местностям, так как

---

[1] Матер. по статист. Харьковщины, вып. 7-й, там же.
[2] Указанный источник, там-же.

здесь даже в условиях нарушенной старой церковной регистрации и еще не наладившейся новой гражданской, возможно было установить число умерших по сведениям милиции, выдававшей разрешения на похороны, и по больничным отчетам. Поэтому цифры городской смертности за это время особенно интересны.

В Москве движение смертности во время войны и первые годы революции характеризуется следующими относительными числами.[1]

Периоды	Число умерших на 10.000 жителей	То же, принимая цифры первого десятилетия за 100
1862—71	310	100
1872—81	291	94
1882—91	269	87
1892—901	246	79
1902—09	236	76
1910—14	231	75
1915	221	71
1916	202	65
1917	212	68
1918	280	74
1919—1-е полугод.	504	163
1919—2-е „	390	126
1919	451	145
1920—1-е „	462	149

При исчислении московской смертности были скинуты смертность детей в Воспитательном доме и также случаи смерти прибывших с фронта мировой войны больных и раненых солдат. Это делает приведенные цифры особенно показательными; здесь перед нами движение смертности основной массы столичного населения, находившегося в обычных для соответствующих периодов условиях жизни. Вплоть до революции мы наблюдали постепенное улучшение жизненных условий в Москве. Смертность в довоенное время и даже за время мировой войны непрерывно уменьшается; особенно интересно дальнейшее падение смертности в годы войны, несмотря на приток беженцев и сильный рост столичного населения. С 1917 года начинается повышение цифры смертности; сначала медленное, оно делает колоссальный скачок в первое полугодие 1919 года, превышая довоенную смертность более чем в два раза. После ослабления смертности во второе полугодие 1919 года она снова повышается и дает второй максимум, незначительно уступающий первому.

Еще более сильные контрасты обнаруживаются, если с общего числа смертей скинуть смертность детей в возрасте до одного года. Возрастные группы населения при этом были установлены по переписям 1912, 1917 и 1918 гг., а для осталь-

[1] „Красная Москва" ст. В. Г. Михайловского, стр. 69.

ных лет частью по отрывочным данным о главных возрастных группах, частью по данным смежных переписей.

Вычисление дало следующий ряд цифр: [1]

Периоды	Среднее число умерших в возрасте от 1-го года и старше на 10.000 жителей	То же, принимая цифры первого десятилетия за 100.
1862— 71	238	100
1872— 81	218	92
1882— 91	198	83
1892—901	174	73
1902 09	163	68
1910— 14	156	66
1915	157	66
1916	149	63
1917	161	68
1918	199	84
1919—1-е полугод.	462	194
1919 - 2-е "	346	145
1919	408	171
1920—1-е "	418	176

Таким образом, для населения, за исключением грудных детей, следовательно, освобожденного от влияния рождаемости, мы наблюдаем в 1919 году почти утроение смертности сравнительно с годами мировой войны и непосредственно им предшествовавшими.

Средняя ежегодная смертность в Москве в трехлетие 1920—22 г.г., как указано выше, была 367, а в 1923 г. всего 147 на 10.000. Таким образом катастрофическое повышение смертности к 1923 году оказалось ликвидированным и сменилось чрезвычайно низким ее уровнем.

В Ленинграде движение смертности испытало еще более высокий и длительный подъем. На 10.000 населения здесь умерло.

В 1913 году	214	В 1918	437 [2]
" 1914 "	215	" 1919	426 [2]
" 1915 "	228	" 1920	506
" 1916 "	232	" 1921	333
" 1917 "	229		

Резкое повышение смертности началось уже в 1918 году; в 1919 г. она превысила довоенный уровень почти в три с половиной раза и еще в 1920 году стояла несравненно выше московской. Лишь в 1921 году происходит значительное улучшение, хотя смертность все еще держалась на уровне, в $1^1/_2$ раза превышающем довоенный.

Средняя ежегодная смертность в Ленинграде за период 1920—22 г.г. была равна 435, а в 1923 году она падает до 173 на 10.000 населения.

[1] Там же стр. 71.

[2] Предварительные данные.

Несмотря на трудности вычисления коэффициентов смертности при той текучести, которую имело население Ленинграда в первые годы революции, С. А. Новосельский все же попытался исчислить их по возрастным группам и непосредственным причинам смерти. Данные эти для годов исключительно высокой смертности представляют, конечно, очень большой интерес.

На 1.000 населения данного возраста в Ленинграде умерло (по расчету на год):

В возрасте	1910—1911 г. г.	1919 г. июль-декабрь	Принимая коэффициент 1910—11 г. за 100, в 1919 г.
1— 4 л.	52,7	166,3	315
5— 9 „	6,8	42,0	618
10—14 „	3,9	20,1	515
15—19 „	5,7	23,7	416
20—29 „	7,6	31,4	413
30—39 „	11,2	35,0	313
40—49 „	19,0	61,3	308
50—59 „	31,9	125,9	395
60 л. и выше	71,6	309,5	432

Автор сам признает, что повозрастные коэффициенты смертности в 1919 году не могут претендовать на особенную точность, и считает вероятным, что смертность детей и стариков в 1919 году в действительности была еще выше, чем показано в приведенной таблице. Наименьшее повышение смертности приходится на возрастные группы от 30 до 50 лет, но и здесь коэффициенты 1919 года превышают цифры 1910—11 г.г. более чем в три раза.

Смертность грудных детей повысилась сравнительно с другими возрастными группами слабее, а именно: при средней смертности их в период 1907—1916 г.г. в 25,1 на 100 родившихся в 1919 году было зарегистрировано 40,1 случаев смерти на 100 родившихся.

Соотношение мужской и женской смертности осталось прежним: на 100 мужчин, 86 женщин как и в прежние довоенные годы.

Что касается ближайших *причин смертности*, то острозаразные заболевания повысили ее в 1919 году сравнительно с уровнем 1911—13 г.г. на 15 на 1.000 населения. Между тем, общая смертность в 1919 году увеличилась более чем на 50 на 1.000 жителей; из этого можно заключить, что большая часть повышения смертности в Ленинграде приходилась на иные причины.

„В действительности нет почти ни одной причины смерти, которая не усилилась бы в большей или меньшей степени в Петрограде в 1919 году. Резко возросла смерт-

ность от различного рода пневмоний, от острых желудочно-кишечных заболеваний, от болезней сердца, почек, мозга, от апоплексии, от старческого истощения"... Повышение смертности от туберкулеза в 1919 году не было выражено так же резко, как для других причин смертности. Повидимому, это произошло оттого, что многие туберкулезные больные, которые при обычных условиях погибли бы от туберкулеза, вымирали в 1919 году от всякого рода острозаразных заболеваний, голодного истощения и т. п. и не попадали в статистику туберкулезной смертности.

В 1920 году смертность в Ленинграде по причинам смерти распределяется следующим образом:

Причины смерти	Число умерших на 10.000 населения	
	1920 г.	1911—1913 г.г.
Сыпной тиф	64,2	0,1
Бугорчатка легких	50,4	27,7
Болезни сердца и сосудов	47,6	12,2
Крупозная и катаральная пневмония	45,0	30,1
Истощение от голода	37,0	не было
Дизентерия	35,9	1,5
Болезни пищеварительных органов	33,6	34,9 (1)
Возвратный тиф	31,3	0,01
Болезни мозга и нервные, включая апоплексию	20,8	17,1 (1)
Насильственная смерть без ран и повреждений, полученных на фронте	15,4	9,1
Старческий маразм	15,5	5,9
Врожденная слабость и детская атрофия	64,1[1]	53,5 (1)
Болезни мочевых органов	10,7	4,9
Злокачественные опухоли	10,1	9,1 (1)
Прочие причины	75,2	50,3
Итого	506,4	217,7

Что касается, в частности, насильственной смерти, то число самоубийств, сильно понизившееся в годы войны, снова возросло к 1920 году почти до уровня довоенного: в 1913 г.—27,7, в 1914 г.—21,1, в 1915 г.—10,7, 1916 г.—11,0, в 1920 г.—24,7 на 100.000 населения; смертность же от убийств сильно повысилась: с 7,0 на 100.000 жителей в 1913 году и даже 2,8 в 1915 г. до 21,1—в 1920 г.[2]

Что касается других городов, то коэффициентами смертности мы располагаем лишь для незначительного числа их. Привожу их в табличной форме.[3]

---

[1] На 100 родившихся.

[2] Данные о Ленинграде заимствованы из работ С. А. Новосельского в уже упомянутых сборниках по статистике Ленинграда.

[3] Источники приведены выше. Для Томска „Экономический и статистический обзор Томской губ.", Томск, 1924, стр. 4.

Города	Смертность на 1.000 жителей					
	1917 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Череповецкой губ.	—	70,3	54,7	34,2	29,5	—
Киевской губ.	28,90	—	56,5	—	—	—
г. Казань	—	—	—	40	45	—
г. Самара	—	—	60,3	—	—	—
Саратовской губ.	—	—	56,8	63,9	88,8	—
г. Ростов	—	—	—	54,9	—	
г. Нахичевань	—	—	—	47,2	—	—
г. Харьков	—	—	—	—	—	14,4
г.г. Ростов и Нахичевань	—	—	—	—	—	10,3
Донской области	—	—	—	—	—	11,6
г. Томск	—	—	100,0(!)	—	—	—

Несмотря на малочисленность и разрозненность материалов, мы все же можем подметить большое сходство цифр смертности с тем, что мы наблюдаем в Москве и Ленинграде. То же колоссальное повышение смертности в 1919 и 1920 году и притом для таких отдаленных друг от друга географических мест, как Череповецкая, Киевская губ., Саратов, Самара и Томск. В Казани и городах Саратовской губ. в 1921 и 1922 г. г. на движении смертности, конечно, отразилось влияние неурожая и голода. Особенно бросается в глаза колоссальная смертность в городах Саратовской губернии.

В Ростове и Нахичевани очень высокая смертность отмечена в 1921 году, вероятно, в связи с последствиями только что окончившейся гражданской войны и неурожая. С другой стороны, в 1923 году смертность в Южной России так же, как в Москве и Ленинграде, стоит на чрезвычайно низком уровне. Обращает на себя внимание исключительно высокая смертность в г. Томске. В 1920 году при населении в 92 тысячи в Томске было зарегистрировано 9.258 смертных случаев, что составляет 100 смертей на 1000 жителей; в 1920 году, следовательно, в Томске вымерло 10% населения! Цифры производят еще более потрясающее впечатление, если взять отдельно мужскую и женскую смертность. Смертность женщин равнялась в этом году 36 на 1.000, т. е. была недалека от обычного уровня. Мужская же смертность поднялась до 170 на 1.000, при чем наибольшей высоты достигла среди населения цветущего возраста а именно: в

возрасте 20—29 лет—331 смерти на 1.000. Что касается причин смерти, то 40,9% смертных случаев приходится на долю тифозных заболеваний, доставшихся в наследство городу Томску от времени правления адм. Колчака. В довоенное время в городах Томской губернии умирало мужчин 32—48 на тысячу, женщин 22—35 на тысячу.[1]

Для других городов, мы располагаем лишь абсолютными цифрами смертности и можем сопоставить их только с абсолютными же цифрами рождаемости. Соответствующие вычисления обнаруживают следующую картину:

На 100 родившихся приходится умерших.[2]

Города	1917 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Карельской АССР. .	100,2	431,1	144,7	85,1	88,9	—
Северо-Двинской г. .	121,7	124,5	136,8	81,5	—	—
Белоруссии	—	—	—	—	92,8	—
Брянской губ. . . .	—	—	—	77,5	90,2	47,2
г. Калуга	—	—	211,9	82,1	105,4	—
Калужской губ. . .	131,5	305,5	219,1	—	—	—
Нижегородской г. .	—	214,1	235,9	129,3	129,3	66,6
г. Владимир	275,8	—	367,6	104,5	98,2	—
Владимирской г. . .	122,6	—	162,1	89,6	92,9	—
Орловской г. . . .	—	—	265,5	100,9	114,9	58,3
г. Пермь	—	—	211,1	173,7	351,0	—
г. Казань	—	—	—	117,0	317,1	—
Екатеринбургской г.	—	—	—	122,8	434,8	—
г. Оренбург	—	131,1	177,2	298,1	653,7	—
Кубано-Черномор-ской области . .	—	—	—	115,5	305,7	68,5
Донецкой губ. . . .	—	—	—	108,8	348,6	—
г. Николаев . . .	—	—	—	147,3	—	—
г. Полтава	—	—	—	—	322	—
Полтавской губ. . .	—	—	—	—	247	—
г. Житомир	—	—	—	92,1	90,0	—
Волынской губ. . .	—	—	—	—	85,0	—
Подольской губ. . .	—	—	—	—	124,2	—
Алтайской губ. . . .	—	—	—	137,2	—	—

[1] „Экон. и стат. обзор Том. губ." там-же.

[2] Источники: По Карельской АССР — Статистический Ежегодник Карелии 1922 г. вып. II. ч. I., Петрозаводск, 1923 г., стр. 18—20.

Из нашей таблицы видно, что мы располагаем более обильными сведениями за 1921 и 1922 годы. За предшествующие годы, очевидно, вследствие неналаженности загсов, сведений меньше, что следует сказать в особенности про 1919 г.

Несмотря на то, что приведенные цифры не дают нам возможности судить об абсолютном уровне смертности (на 1.000 населения), они все же являются ярким отображением движения смертности.

Уже в 1917 году в ряде городов Северной и Центральной нечерноземной России она оказывается выше рождаемости. Явление это не говорит об абсолютно высокой смертности, так как мы уже знаем, что в 1917 году рождаемость стояла на низком уровне; армия была в 1916 и значительную часть 1917 года на фронте, что сильно влияло на число зачатий и рождений. Мы видели, что в Москве,

---

По Сев.-Двинской губ.—„Бюллетень Сев.-Двинского Губстатбюро", май—июнь 1923 г. № 5—6, стр. 31—36.

По Белоруссии—Календарь и записная книжка добровольного корреспондента и волостного статистика на 1924 г. Минск, 1924 г., стр. 20—21.

По Брянской—Брянская губ. в цифрах. Краткий статистический справочник, 58 стр.

По г. Калуге—Статистический Ежегодник Калужской губ. за 1922 г., Калуга, 1923 г., стр. 51.—По городам Калужской губ., там же, стр. 64—74.

По Нижегородской губ. Нижегородское Губстатбюро. Статистический Ежегодник Нижегородской губ. 1922 и 1923 г., Нижний-Новгород, 1924 г., стр. 48, 49, 50.

По г. Владимиру—Владимирское Губстатбюро. Статистический Ежегодник Владимирской губ. 1918—1922 г., Часть I, Ковров. 1923 г. По городам Владимирской губ., тот же источник.

По Орловской губ.—Статистический сборник Орловской губ. 1920—1923 г., Орел, 1924 г., стр. 118—125.

Для Перми—Пермское Губстатбюро и Статистич. сборник за 1923 г., стр. 37.

По г. Казани—„Труд и Хозяйство", ежемесячный орган Экономического Совета при Совнаркоме ТССР. май 1923 г., Казань, стр. 171.

По Екатеринбургской губ.—Статистический сборник Екатеринбургской губ. за 1922 г. изд. Екатеринбургского Губстатбюро 1923 г., стр. 41 и 35.

По Кубано-Черноморской—Население и хозяйство Куб.-Черном. области Краснодар. 1924 г. стат. сборник 1922—1923, стр. 144 и 145.

По г. Оренбургу—Оренбургское Губстатбюро. Статистический сборник по Оренбургской губ. 1923 г. Оренбург 1923 г., стр. 4.

По Донецкой губ.—Донецкие Губстатбюро. Бюллетени № 4—8 апрель—август 1922 г., стр. 27—28.

По г. Николаеву—Николаевское Губстатбюро. Бюллетень № 1, январь, Николаев, 1922 г., стр. 5.

По г. Житомиру Бюллетень Волынского Губстатбюро, № 1, сентябрь 1922 и № 4 декабрь 1922 г.; по гор. Волынской губ. источник то же.

По Подольской губ. Стат. Бюллетень Подольского Губстатбюро, март 1923 г., стр. 6.

По Алтайской губ., Алтайский Ежегодник за 1921—22 хоз. год. Барнаул, 1923 г., стр. 36 и 70.

По Полтавской губ. Бюллетень Полтавского Губстатбюро, №№ 1—3, 1923 г., стр. 4.

Ленинграде и городах Киевской губернии смертность в 1917 г., при абсолютно невысоком уровне, была все же выше рождаемости. Высокая цифра относительной смертности во Владимире, быть может, обязана присутствию в этом небольшом городе значительных количеств больных и раненых солдат. В 1919 году смертность, выраженная в проц. рождаемости, сильно возрастает в городах Карелии и Калужской губернии; она более чем вдвое превышает рождаемость также в городах Нижегородской губернии. Если, исходя из столичных цифр, мы даже допустим, что в этом году коэффициент рождаемости был равен всего 15 на 1000 жителей, то все же смертность в городах Карелии окажется выше 60, а в Калужской губ. 45 на 1000 жителей. В городах Северо-Двинской губ. и Оренбурге смертность лишь незначительно превышает рождаемость.

В 1920 году городская смертность продолжает быть выше рождаемости, притом в весьма различных географических районах. Если принять в расчет повышение коэффициента рождаемости в 1920 году в столицах почти до 22 на 1.000, а в провинциальных городах до несравненно более высокого уровня (города Череповецкой губ., Самара), то цифры относительной смертности, превысившие рождаемость в городах Калужской, Нижегородской, Орловской губерний больше чем вдвое, говорят об очень высоком коэффициенте смертности. То же следует сказать про Оренбург, города Владимирской губернии и в особенности про сам г. Владимир, где смертность превысила рождаемость более чем в 3½ раза.

В 1921 году мы имеем для городов нечерноземной России в общем благоприятные цифры смертности: она часто стоит ниже рождаемости. В черноземной же полосе уже начинает сказываться влияние голода, вызванного неурожаем; в особенности ярко оно проявляется в Оренбурге, где смертность почти в три раза превышает рождаемость.

Но влияние неурожая 1921 года сказалось особенно сильно в 1922 году, когда цифры смертности обогнали число рождений в городах Кубано-Черноморской области и Казани более чем в три раза, в городах Донецкой губернии—почти в 3½ раза, в городах Екатеринбургской губ.—в 4½ раза, а в Оренбурге—даже в 6½ раз! Мы не располагаем сведениями о коэффициентах городской рождаемости в этом году, но если даже для пострадавших от голода мест исходить из весьма низкого коэффициента в 20 рождений на 1000 жителей, то и в этом случае мы получим колоссальные размеры городской смертности.

Таково было положение в городах области, охваченной неурожаем. Городская смертность в районах, не пострадав-

ших от неурожая, имеет очень умеренные размеры и весьма часто стоит ниже рождаемости.

В 1923 году городская смертность повсюду очень низка, являясь надежным признаком значительного улучшения условий городской жизни в России.

Заслуживают внимания данные Николаевского Губстатбюро о проценте смертности от голодного истощения в городах Николаевской губернии в голодном 1922 году.

В четырех городах Николаеве, Херсоне, Алешках и Елисаветграде за первые 6 месяцев 1922 г. умерло от голодного истощения в проц. общей смертности: мужч. 35,2 проц., женщ. 33,4 проц., обоего пола 34,4 проц. Третья часть смертей имела причиной голодное истощение. В этом отношении участь женщин мало чем отличалась от участи мужчин. В Херсоне смертность непосредственно от голода достигла колоссальной цифры—в марте и апреле свыше двух третей общей смертности [1].

Перехожу к местным публикациям о смертности в исследуемый период сельского населения. Они носят столь же разрозненный и случайный характер, как и данные о рождаемости и брачности, и нам остается лишь немного добавить к данным отдела демографии. При этом в большинстве случаев приходится ограничиваться приведением сведений о погуберискои смертности, которая, конечно, отличается от смертности в сельских местностях, но незначительно, вследствие сравнительной малочисленности городского населения.

Прежде всего—несколько данных о движении смертности на Украине, отсутствующей в сводке отдела демографии. В Харьковской губернии (и ее новых границах) на 1.000 душ населения умирало в среднем: [2]

В 1900—904 г.	29,6
„ 1905—909 г.	27,7
„ 1910—914 г.	24,1
„ 1915—917 г.	23,0
„ 1918 г.	27,7
„ 1919 г.	30,5
„ 1920 г.	30,3
„ 1921 г.	30,1
„ 1922 г.	29,6
„ 1923 г.	21,1

Смертность лишь незначительно повышается в первые годы революции и затем снова падает до уровня даже ниже довоенного. Если принять, что в районах, не захваченных неурожаем 1921 года, городская смертность была в

---

[1] См. Николаевское Губстатбюро. Бюллетень № 6—7, Николаев, 1922 г.

[2] Данные о Харьковской губернии по указ. выше источнику, „Природний рух населення" и т. д.

этот период вообще выше сельской, то придется признать, что повышение сельской смертности было еще меньше, чем показано в таблице для губернии.

На 1000 рождений в Харьковской губернии приходилось смертей:

В 1913 г.	562
„ 1914 г.	533
„ 1915 г.	740
„ 1916 г.	728
„ 1917 г.	783
„ 1918 г.	764
„ 1919 г.	882
„ 1920 г.	1317
„ 1921 г.	846
„ 1922 г.	878
„ 1923 г.	527

Следовательно, лишь в 1920 году смертность превысила рождаемость; в 1923 году она лишь немного превышала половину рождений.

Очень интересный источник для характеристики смертности в сельских местностях Украины представляют материалы выборочного обследования крестьянского хозяйства 1923 года. В его формулярах, между прочим, поставлен вопрос о числе родившихся и умерших в обследуемых хозяйствах в течение года—с 1-го мая 1922 года по 1-е мая 1923 г. Опрощено было по всем губерниям Украины свыше 8 проц. крестьянских хозяйств, и материалы обследования признаются в общем удовлетворительными. Если мы по данным его вычислим количество смертей на 1000 рождений, то получим следующие величины:

ГУБЕРНИИ	Умерло на 1.000 рождений в обследованных крестьянских хозяйствах с 1-V. 1922 по 1-V. 1923 г.		
	Мужчин	Женщин	Обоего пола
Екатеринославская	2179	1656	1926
Одесская	1469	1186	1333
Донецкая	1278	1017	1152
Полтавская	652	821	685
Киевская	697	613	656
Харьковская	661	582	622
Подольская	617	596	607
Черниговская	521	533	527
Волынская	412	375	393
По Украине	943	800	873

Влияние неурожая и голода в южной Украине отражается цифрами смертности очень ясно; здесь смертность превышает рождаемость, и притом в Екатеринославской губернии очень сильно. Наоборот, в губерниях, оказавшихся по

урожаю благополучными, число смертей значительно ниже рождаемости.[1]

Для остальных губерний мы располагаем относительно сельских местностей лишь абсолютными цифрами рождаемости и смертности, причем нет уверенности в полноте регистрации; это особенно следует сказать о регистрации рождаемости, т. к. необходимость заявки в загсы для получения разрешения на похороны является гарантией достаточной полноты сведений о числе смертных случаев, чего нельзя сказать про случаи рождений, регистрация которых могла запаздывать и даже совершенно отсутствовать.

Поэтому приводимые ниже сведения об относительном числе смертных случаев в сельских местностях на 100 рождений скорее преувеличены, чем наоборот.

По местным данным, приходилось в сельских местностях смертей на 100 рождений:[2]

Губернии и республики	Г О Д А										
	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923
Карелия	—	—	74,4	101,7	119,1	—	104,5	76,6	50,4	53,7	—
Северо-Двинск.	—	—	—	81,6	103,5	—	79,5	101,6	70,6	—	—
Белорусская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	43,2	—
Брянская	—	—	—	—	—	—	—	—	63,7	56,1	41,5
Калужская	—	68,5	70,2	84,6	90,6	—	109,3	101,3	—	—	—
Нижегородская	—	—	—	—	—	—	78,0	118,4	81,4	73,9	69,1
Владимирская	—	58,9	—	—	107,2	—	—	99,7	72,3	68,5	—
Орловская	60,5	—	—	—	—	—	—	127,4	89,3	62,0	46,1
Кубано-Черн.	—	—	—	—	—	—	—	—	91,8	263,2	72,7
Екатеринбур.	—	—	—	—	—	—	—	—	102,9	145,0	—
Николаевская	—	58,7	73,5	82,5	80,7	87,9	153,5	131,4	—	—	—
Алтайская	—	—	—	—	—	—	—	—	83,1	—	—
Саратовская	—	—	—	—	—	—	—	117,8	89,6	—	—

[1] См. Статистику Украины. Сер. II-я, том III, вып. 5-й. „Итоги весеннего обследования с. хоз. Украины в 1923 г."

[2] *Источники*: По Карелии—Статистический Ежегодник Карелии 1922 г., вып. II, ч. I. Петрозаводск, 1923 г., стр. 18-20.

Сев.-Двинской - Бюллетень Сев.-Двинского Губстатбюро май-июнь 1923 г., № 5-6., стр. 34-36.

Белоруссии—Календарь и записная книжка добровольного корреспондента и волостного статистика на 1924 г., Минск, 1924 г., стр. 20-21.

Отсюда мы видим, что в период войны и революции относительные цифры смертности в сельских местностях, вообще говоря, значительно ниже, чем в городах. Здесь мы встречаем случаи сильного превышения смертности над рождаемостью лишь по исключению: в Николаевском уезде (Николаевской губ.) в период гражданской войны, в Кубано-Черноморской области и Екатеринбургской губернии в голодный 1922 г. Несколько странной может показаться высокая цифра смертности в Карелии в 1916 и особенно в 1917 году. Чем объяснить ее? Карелия, с ее 206 с небольшим тысячами населения, представляет территорию столь мало населенную, что влияние случайных причин могло сказаться здесь очень сильно. Быть может, на цифры смертности в ней повлияла происходившая в это время крайне спешная постройка Мурманской железной дороги, стоившая, как говорят, большого количества человеческих жизней; при низкой рождаемости в период войны, даже сравнительно незначительный рост смертности мог привести к сильному превышению ее над цифрами рождаемости. Впрочем, некоторое превышение смертности над рождаемостью наблюдалось также в сельских местностях нынешней Северо-Двинской и Владимирской губерний, вероятно, также по причине низкого уровня рождаемости.

Относительные цифры смертности в 1920 г., когда число рождений в деревне должно было сильно возрасти, соответствуют более высокому уровню ее сравнительно с годами войны. Поэтому превышение смертности над рождаемостью в 1920 году в Нижегородской, Орловской и Николаевской губерниях говорит о тяжелых условиях существования сельского населения; в промысловой Нижегородской губернии причина этого, вероятно, сходна с

Брянской—Брянская губерния в цифрах. Краткий статистический справочник. Стр 58-59.

Калужской - Статистический Ежегодник Калужской губ. за 1922 г., Калуга, 1923 г., стр. 64-74;

Нижегородской – Нижегородское Губстатбюро. Статистический Ежегодник Нижегородской губ. 1922 и 1923 г.г., Нижний Новгород 1924 г., стр. 48, 49, 50.

Владимирской—Владимирское Губстатбюро. Статистический Ежегодник Владимирской губ. (1918 – 1923 г.). Ковров, 1923 г., часть 1.

Орловской—Статистический Сборник Орловской губ. 1920 –1923 г., Орел, 1924 г., стр. 118-125.

Кубано-Черноморской — Население и хозяйство Кубано-Черноморской области, Краснодар, 1924 г. Статист. сборник 1922-23 г.

Екатеринбургской—Статистический Сборник Екатеринбургской губ. за 1922 г., изд. Екатериноб. Губстатбюро 1923 г., стр. 35—38.

Николаевской - Николаевское Губстатбюро. Бюллетень № 4, апрель 1922 г., Николаев., стр. 4.

Алтайской — Алтайский Губ. Исполн. Ком. СРКК Д. Барнаул 1923 г. Алтайский Ежегодник за 1921—1922 хоз. г.

Саратовской - Статистический Сборник по Саратовской губ. Саратов 1923 г., стр. 63—64.

причинами вымирания в этом году городского населения; повлияв, вероятно, и неурожай, посетивший эти места в 1920 году. В Орловской и Николаевской губерниях должно было сказаться влияние гражданской войны. В последующие годы в районах, которых не коснулся неурожай 1921 года, повсюду наблюдается оздоровление условий деревенской жизни; соотношение здесь числа рождений и смертей приближается к довоенному уровню, а местами становится даже более благоприятным. Иную картину наблюдаем мы в полосе неурожая. В частности, в Кубано-Черноморской области высокие цифры смертности объясняются местным Губстатбюро присутствием там в 1922 г. большого числа голодбеженцев. „На Кубани в 1922 г. умирало Поволжье". [1]

В 1923 году повсюду в сельских местностях рождаемость уже сильно превысила смертность, и естественный прирост населения снова достиг высоких размеров.

Нам остается проследить соотношение рождаемости и смертности по полу.

Как известно, существует довольно распространенный взгляд, что во время войны число рождений мальчиков относительно увеличивается; природа как бы стремится возместить ущерб, причиненный войной. Эттинген даже склонен допустить существование закона концентрирования мужских рождений в эпохи, когда мужскому населению грозит большая опасность смерти. [2]

Интересно проследить, находит ли эта теория себе подтверждение в соотношении числа рождений мальчиков и девочек в России в период мировой и гражданской войны.

Вместе с тем большой интерес представляет соотношение в исследуемый период мужской и женской смертности.

В нижеследующей табличке привожу эти соотношения отдельно для губерний, городов и сельских местностей, пользуясь сведениями указанных выше местных источников. (См. табл. на 108 стр.).

Если мы припомним, что обычно на 100 девочек рождается 105 мальчиков, и что это соотношение в больших массах населения повторяется с удивительной правильностью, то должны будем для большинства городов и сельских местностей признать ненормально высокую рождаемость мальчиков. Но делать отсюда какие-либо общие заключения мы едва ли имеем право. С. А. Новосельский, применив методы математического анализа (определив ожидаемое число мужских рождений и среднюю ошибку), пришел к выводу, что

[1] „Население и хозяйство Кубано-Черноморской области", Краснодар, 1924 г., т. 1, стр. 146.

[2] См. С. А. Новосельский. „Материалы по статистике Петрограда", вып. 1, 1920 г., стр. 22.

ГОРОДА	Мужских рождений на 100 женских				Мужских смертей на 100 женских			
	1919	1920	1921	1922	1919	1920	1921	1922
Москва: 1-ое полугодие	106,3	—	—	—	—	—	—	—
Москва: 2-ое полугодие	108,3	—	—	—	—	—	—	—
Ленинград (2-е полугодие)	107,7	—	—	—	—	—	—	—
Нижегородской губ.	102,1	107,5	108,3	109,9	134,2	168,0	136,8	130,4
г. Пермь	—	105,5	107,5	108,9	—	283,1	120,9	153,3
Екатеринбургск. губ.	—	—	105,9	—	—	—	122,3	—
Саратовской губ.	—	105,2	109,8	—	—	148,3	126,9	—
Кубано-Черноморской обл.	—	—	104,3	—	—	—	130,4	—
г. Херсон	—	—	106,4	—	—	—	174,9	—
г. Елизаветград	—	—	113,2	—	—	—	100,3	—
г. Николаев	107,3	98,7	101,8	—	127,6	113,7	141,8	—
г. Житомир	—	—	97,1	—	—	—	109,3	—
Волынской губ.	—	—	—	119,2	—	—	—	121,4
Сельские местности.								
Нижегородской губ.	107,5	103,9	106,3	107,1	108,2	105,1	101,9	108,9
Орловской губ.	—	106,8	108,6	107,6	—	115,0	108,6	109,9
Саратовской губ.	—	105,1	106,3	—	—	108,5	116,5	—
Екатеринбургск. губ.	—	—	107,7	—	—	—	107,9	—
Кубано-Черноморск. обл.	—	—	105,9	—	—	—	113,4	—
Полтавской губ.	—	—	—	106,3	—	—	—	121,0

в Ленинграде в 1919 году действительное число рождений лишь крайне незначительно превышало ожидаемое число их:

ожидаемое число	3.319+41
действительное число	3.368

В предшествующие же годы войны рождаемость мальчиков в Ленинграде была даже ниже наивысшего предела ожидаемого числа их рождений.

Кроме того, как видно из таблицы, для ряда городов и сельских местностей рождаемость мальчиков была в исследуемый период ниже нормы и даже ниже рождаемости девочек.

Смертность мужчин повсюду, за немногими исключениями, превышала женскую, и притом в некоторых случаях даже значительно. Мы должны, следовательно, признать, что не только в годы войны, но и при тяжелых условиях существования (голод, эпидемии) в первые годы революции мужчины умирали в большем количестве, чем женщины. Повышение рождений мальчиков в большинстве случаев не в состоянии было компенсировать большую убыль мужчин сравнительно с женщинами.

Чтобы дать возможность сопоставить явления естественного движения населения в СССР с соответствующими демографическими процессами, происходившими в исследуемый период в Западной Европе, привожу в табличной форме общие сведения, которыми располагаю по этому вопросу.[1]

На 1.000 жителей

Годы	Браков			Рождений (без мертворожденных)			Смертей (без мертворожден.)		
	Германия	Франция	Великобрит.[2]	Германия	Франция	Великобрит.[2]	Германия	Франция	Великобрит.[2]
1913	7,7	7,5	7,7	27,5	18,7	24,3	15,0	17,6	14,0
1914	6,8	4,9	7,9	26,8	17,8	24,0	19,0	27,4	16,2
1915	4,1	2,1	9,9	20,4	11,6	23,1	21,4	26,5	16,0
1916	4,1	3,2	7,9	15,2	9,4	22,8	19,2	24,3	14,7
1917	4,7	4,7	7,5	13,9	10,4	19,9	20,5	21,8	14 7
1918	5,4	5,3	8,4	14,3	12,2	19,8	24,8	29,0	18,0
1919	13,4	14,3	9,9	20,0	12,8	19,2	15,6	19,2	13,9
1920	14,5	15,9	10,1	25,9	21,3	25,8	15,1	17,2	12,6
1921	11,8	11,7	8,4	25,3	20,7	22,7	13,9	17,6	12,3
1922	11,1	9,8	7,8	22,9	19,4	20,8	14,4	17,7	13,0
1923	9,4	9,1	—	20,9	19,4	—	13,9	17,0	—

[1] Взято по Энциклопедическому словарю Гранат и К° изд. 1924 г. Цифры заимствованы из „Wirtschaft und Statistik" 1924 г., № 9.

[2] Смертность армии в период 1914—1918 г.г. по Великобритании исключена.

Из этих данных мы можем заключить, что влияние мировой войны на движение брачности, рождаемости и смертности в России сильно напоминает то, что происходило в участвовавших в ней странах Западной Европы.

Последующий революционный период создал у нас особые условия, которые вызвали значительное своеобразие демографических процессов в России. В то время, как в Западной Европе брачность после временного подъема снова значительно приблизилась к довоенному уровню, а смертность упала до цифры более низкой, чем в прежнее время, в России брачность продолжала быть очень высокой, а смертность испытала сильнейший подъем под влиянием гражданской войны, эпидемий и голода. Рождаемость после колебаний, вызванных войной, обнаруживает как у нас, так и в западных странах дальнейшую тенденцию к падению, оставаясь в России на уровне более высоком, а в восточной ее части несравненно более высоком, чем в странах Западной Европы.

VI

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СССР ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Исключительные потрясения, пережитые нашей страной во время мировой войны и революции, должны были вызвать усиленные передвижения народных масс.

Дать числовую характеристику всех процессов передвижения крайне затруднительно, так как происходили они в период политических и социальных потрясений, делавших их учет практически невозможным.

Об общем же направлении их мы можем составить себе представление, пользуясь данными переписей, что уже было мною сделано в IV и V главах.

В III главе мною приведены цифры, характеризующие размеры всякого рода беженства. Поэтому в дальнейшем ограничусь лишь характеристикой того вида миграции, который был столь ярким явлением русской действительности в довоенное время. Я имею в виду переселенческое движение в Азиатскую Россию.

Число переселенцев (включая ходоков), двинувшихся со времени уничтожения крепостного права до начала мировой войны за Урал и восточные окраины Российской империи, по приблизительному подсчету, простиралось до 5.587,6 тысяч душ обоего пола.

По отдельным периодам вся эта масса переселенцев распределялась следующим образом: [1]

			Общее число		В среднем в год
С 60-х г.г. XIX в.	по 1884 г.	около	300.000	около	10.000
„ 1885	„ 1895 „		161.671		14.697
„ 1896	„ 1900 „		932.115		186.423
„ 1901	„ 1905 „		436.585		87.317
„ 1906	„ 1910 „		2.607.780		521.556

[1] См. Ежегодник России за 1911 г. Петроград. 1905, II, стр. 12 и сл.

В 1911 г.	226.062
„ 1912 „	259.585
„ 1913 „	327.430
„ 1914 „	336.409

На среднюю цифру переселения за период 1901—1905 г.г. повлияла война с Японией, в течение которой переселение было официально приостановлено. По окончании японской войны волна переселения чрезвычайно сильно повышается и достигает максимума в 1908 году, когда число переселенцев в Сибирь достигло небывалой цифры в 664,8 тысяч. В 1909 году оно держалось почти на том же уровне—619,3 тысяч, но в 1910 году волна переселения в Сибирь сразу спадает до 316,2 тысяч.

По месту выхода переселенцы в довоенное время в огромном большинстве случаев происходили из черноземной полосы Европейской России. В первое десятилетие, когда переселение за Урал только что начало развиваться, почти все переселенцы имели местом выхода черноземные губернии. В десятилетие 1896—1905 г.г. они дали до $^4/_5$, а нечерноземные губернии немного больше $^1/_5$ всех переселенцев. В пятилетний период особенного возрастания переселенческой волны 1906—10 г.г. нечерноземные губернии начинают играть уже более значительную роль в миграционном движении за Урал и дают уже несколько более $^1/_4$ (26,5 проц.) переселенцев, тогда как выходцы из черноземной области составляют всего $^3/_4$ (74,5 проц.) общего их числа.

Из черноземных губерний по размерам переселения особенно выделялись: Полтавская, Курская, Екатеринославская, Херсонская, Харьковская. Из губерний нечерноземной полосы—западные, в особенности Могилевская, Волынская и Витебская.[1]

Порайонное и погубернское распределение переселенцев в период 1911—1915 г. г. видно из следующих цифр:[2]

Районы и губернии	Проследовало в прямом направлении			Проследовало в обратном направлении		
	Переселенцев	Ходоков	Всего	Переселенцев	Ходоков	Всего
Европейская Россия	768.617	235.462	1.004.079	227.187	176.574	403.761
По черноземной полосе .	690.816	212.529	903.343	204.601	160.605	365.206

[1] Статистический Ежегодник 1914 г., там же.

[2] „Сельское хозяйство России в XX веке". Статист. сборник под редакц. проф. Н. П. Огановского, Москва, 1923 г., стр. 30—145. Невязка с цифрами ЦСК на ответственности авторов обоих источников; я не имею возможности глубже разобраться в ее причинах.

Районы и губернии	Проследовало в прямом направлении			Проследовало в обратном направлении		
	Переселенцев	Ходоков	Всего	Переселенцев	Ходоков	Всего
В том числе:						
По Юго-Западному району . . .	59.586	15.947	75.533	24.574	12.732	37.306
По Украинскому району .	133.770	40.393	174.163	41.571	33.326	74.897
По Центрально-Земледельческому району	139.473	50.345	189.818	46.122	38.807	84.929
По Средне-Волжскому району .	131.324	58.504	189.828	27.555	38.900	66.455
По Ниж.-Волжскому району	36.969	9.957	46.926	10.820	7.422	18.242
По нечерноземной полосе: .	76.656	22.727	99.383	22.226	15.754	37.980
В том числе:						
По Прозерному району .	5.126	1 075	6.201	1.335	839	2.174
По Белорусскому району	63 724	17.517	81.241	17.523	12.486	30.008
По Центрально-Промышленному району .	5 588	3.228	8.816	2.784	1.927	4.711
По Северному району . . .	2.218	907	3.125	585	502	1.087
Прочие губернии	1.146	206	1.352	426	215	641

Таким образом в период 1911—15 г.г. снова девять десятых переселенцев вышло из губерний черноземной полосы, в нечерноземной же значительное число переселенцев дал лишь Белорусский район. При этом обращает на себя внимание огромное количество случаев обратного переселения: 29,5 проц., т. е. без малого треть, что указывает на затруднения, встречавшиеся ими при водворении в ставшую уже менее гостеприимной новую родину, где лучшие, легко осваиваемые земли, оказались уже разобранными.

Наибольшее число переселенцев приходилось на районы Украинский, Центрально-Земледельческий, особенно сильно страдающие от аграрного перенаселения, и Средне-Волжский с его менее благоприятным засушливым климатом.

Мировая война сразу ослабила переселение в чрезвычайной степени. Влияние ее сказалось уже в 1914 году. В

первые 7 месяцев 1914 года тронулось в путь 230.148 переселенцев из общего числа зарегистрированных в течение его 241.874 и ходоков 93.635 из общего числа 94,585; в общей сложности 323.783 человек из 336.409, т. е. 96,2 проц. всего числа переселенцев. Хотя и при обычных условиях осенью переселенческое движение значительно ослабевает, но все же столь резкого падения раньше не наблюдалось. В 1912 году на осень приходилось 16,6 проц. переселенцев, а в 1914 году—всего 2,3 проц., т. е. в 7 раз меньше сравнительно с 1912 годом.[1]

В следующие годы войны число переселенцев опустилось до крайне низкого уровня, при чем в 1917 году число обратных даже превысило численность эмигрировавших из Европейской России в Азиатскую.[2]

Годы	Проследовало в прямом направлении			Проследовало в обратном направлении		
	Переселенцев	Ходоков	ВСЕГО	Переселенцев	Ходоков	ВСЕГО
1916	9.117	92	9.209	6.819	109	6.928
1917	4.731	89	4.820	5.788	28	5.816

Революция неизбежно должна была вызвать новые сдвиги в переселенческом движении. С одной стороны, гражданская война вызвала значительный его перерыв, преградив линией фронта пути следования переселенцев. С другой стороны, его должна была ослабить сама аграрная революция. Надежда увеличить свое землепользование при разделе частновладельческих земель, несомненно, задержала на родине многих крестьян, которые при иных обстоятельствах пополнили бы ряды переселенцев.

Все это, однако, не приостановило переселения, и вскоре после окончания внешней войны оно снова начинает расти. Однако, движение это резко отличается от дореволюционного как по местам выхода, так и по характеру причин, его вызывавших.[3]

---

[1] Статистический Ежегодник 1914 г., II, стр. 13.

[2] „Сельское Хозяйство в XX веке": там же.

[3] М. А. Большаков, „Задачи и перспективы колонизации" в сборнике „На новых путях", Москва, 1923, стр. 443. У него же помещен ряд дальнейших сведений о переселении революционной эпохи.

„Если в последние годы перед войной переселение на окраины приобретает характер большой закономерности, то движение революционной эпохи характеризуется полным отсутствием закономерности: оно вспыхивает то в одном, то в другом месте; его нельзя предугадать, его размер нельзя установить, оно надвигается неожиданно и протекает в болезненно-стихийных формах; да и самые причины его теснейшим образом связаны с общей хозяйственной разрухой".

По данным челябинской регистрации, за первые четыре месяца 1918 года за Урал перевалило 175.000 переселенцев, при чем значительную часть их дали северные губернии.[1]

Последовавшее затем чехо-словацкое восстание и образование восточного фронта гражданской войны прервали это движение. Переселение повернуло тогда на юг. Его облегчил декрет 24-го апреля 1919 года, открывший переселение в производящие южные губернии и в особенности в Донскую область, при чем преследовалась задача укрепления Советской власти в ненадежных казачьих районах. Однако, события гражданской войны не позволили развиться этому движению. Всего было отправлено 9 эшелонов с 8.000 переселенцев.

В 1920 году неурожай в центральных губерниях вызвал новую волну переселении. „В июле месяце движение было легализовано соответствующим декретом. По первоначальному плану предполагалось перевезти в Сибирь до 640.000 ходоков и переселенцев. На деле же было переброшено в организованном порядке в 1920 году вместе с остатками, перевезенными в 1921 и 1922 г.г., не свыше 180.000 душ". Но действительное количество переселившихся было значительно больше, при чем главная масса их двинулась не в Сибирь, а на Юг—на Украину и на Северный Кавказ.

Голод 1921—22 г.г. в приволжских и южных губерниях вызвал небывалую по размерам волну голодбеженцев, устремившихся по разным направлениям; значительный поток их хлынул в Сибирь, о чем свидетельствуют цифры оффициальной регистрации. Но оффициальные цифры далеки от действительности. Переселение или, вернее, бегство это по своим размерам и ужасной обстановке, в которой оно протекало, превзошло все, что знала история русского переселения последних десятилетий. В соответствующем месте я уже приводил цифры, заставляющие принять, что общее число голодбеженцев достигало миллиона. Трудно сказать, какую часть их составляла волна, хлынувшая за Урал. Некоторое представление об этом движении могут дать оффициальные цифры обратного из Сибири переселения голодбеженцев, которых нами насчитано, по любезно предоставленным М. А. Большаковым оффициальным материалам, в 1922 году 28.931, в 1923 году—20.067 и с 1-го мая по 31-е ноября 1924 года—9.293; всего, следовательно, свыше 58 тысяч. Если допустить, что значительная часть

[1] В сборнике „Сельское хозяйство и Россия в XX веке" приводится для 1918 г. совсем иная цифра переселения, а именно: всего 70.673. Однако, мы имеем все основания больше доверять оффициальным данным, приводимым М. А. Большаковым, заведующим переселенческим отделом НКЗ.

бежавших от голода в Сибирь погибла в дороге, а многие остались там на постоянное жительство, нам придется сильно увеличить число возвращавшихся обратно голодбеженцев, чтобы составить себе некоторое представление о размерах бегства в Сибирь из районов, охваченных неурожаем 1921 г.

По данным сборника „Сельское хозяйство России в XX веке", в Азиатскую Россию переселилось в 1920 году 89.494 душ, в 1921 году—72.207 душ, включая сюда и ходоков, обратное же переселение составляло в 1920 году 3.269, в 1921 году—1.605 душ обоего пола.

В 1921 году постановлением президиума ВЦИК массовое переселение в Азиатскую Россию было временно приостановлено впредь до выяснения свободного земельного фонда и завершения подготовительных работ к водворению беженцев. Действие этого мероприятия продолжается до настоящего времени.[1]

Но потребность в переселении выявляется все сильнее. Земельные переделы революционной эпохи особенно ярко выявили аграрное переселение Европейской России; уравнительные принципы, положенные в основу нового земельного наделения, не могли не вызвать всеобщего сознания несоответствия пригодной для сельского хозяйства площади с количеством существующего за счет его крестьянского населения. Под давлением малоземелья, ставшего общим явлением, основным фоном невеселой картины русской аграрной действительности, стремление к выселению растет; число заявок о желании переселиться из года в год увеличивается. С 1-го января 1923 года по 1-е января 1924 года переселенческим отделом НКЗ было зарегистрировано 21.510 хозяйств с населением 107.592 душ, выразивших желание переселиться. В 1924 году таких заявок было сделано около 150.000, а за первые четыре месяца 1925 года—уже 220.000.[2] „Если принять во внимание, что Наркомземом было широко распубликовано о закрытии переселения и о безрезультатности ходатайств, действительное число желающих переселиться следует считать во много раз выше". О размерах этого стремления можно судить по числовой оценке его Губисполкомами: Витебский Губисполком принимает, что в ближайшем будущем к нему поступит до 50.000 ходатайств о выселении 300.000 душ. Смоленский исчисляет подлежащее переселению из пределов губернии население в 347.000 слишком душ. Гомельская губерния извещает Наркомзем, что ей с большим тру-

[1] Писано в мае 1925 г. Л.-Г.

[2] См. статью М. А. Большакова „К плану колонизационно-переселенческих мероприятий Наркомзема на 1923—24 год" в „Трудах Государственного Колонизационного Института", т. I, стр. 198. Сведения за 1924 и 1925 год сообщены мне М. А. Большаковым устно.

дом удается сдерживать стремление к переселению. Аналогичные заявления поступают и из других губерний. „Во многих случаях население, не дожидаясь открытия переселения, осуществляет его самовольным порядком; так, Самарское Губземуправление сообщает, что в пределы губернии движутся поездами и гужом огромные массы переселенцев". Самовольное переселение имело место уже в 1923 году из западных, северо-западных и северных губерний.

Цифра заявок на 1923 год распределяется между отдельными районами следующим образом:

Из западных губерний	58.344 душ.
„ северо-западных и северных	19.487 „
„ центральных черноземных	11.202 „
„ Закавказья	10.652 „
„ Центрально-Промышл. районов	1.103 „
„ Сибири и Дальнего Востока	3.912 „
„ Украины	767 „
„ Поволжья и Юго-Востока	2.125 „

Главным районом выхода являются, таким образом, западные губернии.

Из Закавказья стремятся выселиться почти исключительно сектанты—духоборы и молокане, принудительно переселенные туда в свое время царским правительством.

В поданных заявках выражено желание переселиться в проц. по всему числу заявок:

В Поволжье	62,3%
На Северный Кавказ	15,6 „
„ Украину	10,9 „
„ Крым	7,8 „
„ Сибирь	1,0 „
„ прочие места	2,4 „

Таким образом, желающие переселиться избирают преимущественно Поволжье, где они, очевидно, рассчитывают заместить вымершее за время голода население, воспользовавшись оставшейся обработанной землей и выморочными усадьбами. Стремление к переселению в Сибирь, как видно из цифр заявок, было в 1923 году очень невелико.[1]

Наряду с стремлением к переселению из старожилых районов Европейской России в революционный период наблюдалось обратное движение—тяга населения из азиатской части Советского Союза в его европейскую часть.

Мы знаем, что обратное движение из Сибири приняло значительные размеры уже в дореволюционное время. Во время революции оно продолжалось, при чем к прежним

[1] См. указан. статью в „Трудах Госуд. Колонизац. Ин-та", там же.

мотивам его присоединились новые. Этими новыми причинами, повысившими волну обратного переселения, были прежде всего мероприятия вновь образованных автономных республик, приводившие к ликвидации русских поселков. В одном Туркестане число ликвидированных русских и меннонитских хозяйств в первую половину 1921 года превысило 6.000, с численностью населения, превышавшей 30.000 душ; в последующее время ликвидация эта продолжалась. Аналогичная политика проводилась и в Казакской республике, хотя и без насильственных мер со стороны правительства. В насильственной форме и особенно остро происходила деколонизация на Северном Кавказе, в Горской республике, сопровождаясь резней русского населения. В отместку русским поселенцам, оттеснившим в свое время туземное население в горы, лишив их лучших земельных угодий, горцы буквально уничтожили ряд русских поселений.

В Сибири, как уже указано было выше, значительные размеры приняло внутреннее переселение из северных таежных уездов, лишившихся подвоза продовольствия. Испытывая продовольственные затруднения, лишившись вместе с тем возможности заработков, являвшихся прежде одним из источников средств существования, население этих уездов устремилось на юг, в плодородные минусинские, алтайские и славгородские степи. „По данным сибирских земельных органов, таежные волости Мариинского уезда, Томской губернии, потеряли, таким образом, до 40 проц. своего населения, а некоторые села выселились целиком".[1]

Условия жизни революционной эпохи, а отчасти, быть может, желание принять участие в переделе земель на родине, вызвали значительное реэмиграционное движение из Сибири. Летом 1924 года профессором А. А. Рыбниковым во время его научной поездки по Западной Сибири установлено огромное количество крестьян, двинувшихся из Алтайской губернии обратно в Европейскую Россию; численность их, по мнению проф. Рыбникова, достигала 100.000 душ. С другой стороны, Самарское Губземуправление констатирует, что на освободившиеся после голода земли Самарской губернии устремились, главным образом, обратные переселенцы из Сибири и Казакстана.[2]

Для цифрового выражения переселения, начиная с 1922 года я располагал лишь сырым материалом переселенческого отдела НКЗ, любезно предоставленным мне М. А. Большаковым.

---

[1] См. указан. статью М. А. Большакова в сборнике „На новых путях", стр. 485.

[2] См. указан. ст. М. А. Большакова в „Трудах Госуд. Колонизационного Института".

Привожу результаты счетной обработки их.

Годы	Переселялось в Сибирь в прямом направлении				Переселялось из Сибири в обратном направлении	
	Всего душ	В том числе			Всего	В том числе голодбеженцев
		переселенцев	ходоков	голодбеженцев		
1922 . . .	(3.292)	3.252	40	Св. нет	34.678	28.931
1923	40.984	423	14	40.547[1]	32.230	20.067
1924 (с 1 мая по 30 ноября)	5.765	5.532	233	—	26.615[2]	9.293[2]

Малое количество переселенцев в прямом направлении в 1922—24 г.г., конечно, ничего не говорит нам о действительном стремлении к переселению. Мы уже знаем, что в эти годы переселение было оффициально запрещено.

Наоборот, очень симптоматичны величины, характеризующие обратное переселение из Сибири в европейскую часть СССР.

Значительное число обратных переселенцев приходится на голодбеженцев, возвращавшихся на старое пепелище. Но, и помимо их, двигался значительный поток реэмигрантов, не приспособившихся к современным условиям существования в Сибири. Численность их во времени возрастала.

Подводя итоги нашему обзору движения населения на территории СССР за время мировой войны и революции, мы должны признать, что, несмотря на чрезвычайную силу действовавших в этот исключительный период разрушающих факторов, в общем населенность нашей страны не только не сократились, но даже возросла. Размещение населения по ее территории стало иным: в районах, особенно сильно пострадавших от гражданской войны и голода, оно уменьшилось, при чем иногда значительно; наряду с этим в районах более благополучных произошел обратный процесс сгущения населения. Миграционные движения, которые столь сильно облегчаются современными средствами передвижения, приводили к быстрому отливу людей из мест, пораженных теми или иными бедствиями и не менее быстрому возвращению их обратно.

Изменения численности населения наших больших городов являются особенно ярким примером быстроты, с кото-

---

[1] Сюда внесены голодбеженцы, зарегистрировавшиеся лишь в одном Челябинском переселенческом пункте.

[2] С 1-го января по 30-е ноября.

рой совершались эти миграционные отливы и приливы. Нет сомнения, что при отсутствии войны и революции нарастание численности населения России проходило бы несравненно более быстрым темпом; политические события последнего времени и сопровождавшая их хозяйственная разруха, голод и эпидемии сильно задержали этот прирост, но не остановили его. В этом легко убедиться, сопоставляя исчисления отдела демографии ЦСУ для 1914 г. и 1925 г.[1]

В 1914 году, по вычислению отдела демографии, на территории СССР проживало около 136.600.000 человек; в 1925 году на той же территории—около 139.750.000. Следовательно, несмотря на все потрясения исключительного по разрушительной силе периода, наша государственная статистика констатирует прирост населения Союза более чем на 4 миллиона душ. Цифры естественного прироста за последнее время не оставляют сомнений в том, что в дальнейшем рост населения СССР будет итти быстрым темпом, чего не следует упускать из виду всем сознающим высокую значимость фактора населенности для хозяйственного строя и уровня благосостояния народных масс.

---

[1] По данным Статистического Ежегодника 1918—1920 г. г. и Справочника ЦСУ „Народное хозяйство Союза ССР в цифрах", Москва, 1925 г.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ НАСЕЛЕННОСТИ. Москва, 1917 г.

О ПЕРЕВОДЕ КАПИТАЛА В ТРУДОВЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ. Изд. В.С.Н.Х. 1922 г.

ЧТО ТАКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ. Изд. В.С.Н.Х. 1923 г.

Цена 1 р. 60 к.

6128

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“
ГОСПЛАН СССР МОСКВА
Заказы направлять в ТОРГОВЫЙ ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА.
МОСКВА, Воздвиженка, 5. Тел. 6-98-13.